Наталья
ПАВЛИЩЕВА

Виктор
ЗИМЕНКОВ

ЗЛАЯ МОСКВА

От Юрия Долгорукого до Батыева нашествия

Наталья Павловна Павлищева
Виктор Борисович Зименков

Злая Москва. От Юрия Долгорукого до Батыева нашествия (сборник)

Серия «Русь изначальная. Лучшие бестселлеры»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698672
Наталья Павлищева, Виктор Зименков. Злая Москва. От Юрия Долгорукого до Батыева нашествия: Эксмо, Яуза; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-67790-0

Аннотация

ДВА бестселлера одним томом. Исторические романы о первой Москве – от основания города до его гибели во время Батыева нашествия.

«Москва слезам не верит» – эта поговорка рождена во тьме веков, как и легенда о том, что наша столица якобы «проклята от рождения». Был ли Юрий Долгорукий основателем Москвы – или это всего лишь миф? Почему его ненавидели все современники (в летописях о нем ни единого доброго слова)? Убивал ли

он боярина Кучку и если да, то за что – чтобы прибрать к рукам перспективное селение на берегу Москвы-реки или из-за женщины? Кто героически защищал Москву в 1238 году от Батыевых полчищ? И как невеликий град стал для врагов «злым городом», умывшись не слезами, а кровью?

Содержание

Наталья Павлищева 5
Предисловие 5
Первый опыт 8
Ростово-Суздальский князь 34
Самостоятельность 78
Донской поход Мономаха 113
Семейные хлопоты 124
Великий князь Владимир Мономах 135
Хозяин земли Суздальской 142
Без Мономаха 149
Новгородские дела 164
Кучковна 184
Киевская замятня 208
Степан Кучка 222
И снова Новгород 261
Один 281
Конец ознакомительного фрагмента. 303

Наталья Павлищева, Виктор Зименков Злая Москва. От Юрия Долгорукого до Батыева нашествия

Наталья Павлищева Юрий Долгорукий

Предисловие

О Георгии (Юрии) Владимировиче Долгоруком в «Историческом словаре» написано:

«…Был честолюбив, завистлив, хитер, храбр, искусный воин и Государь…»

Сын последнего собирателя Киевской Руси Владимира Мономаха при жизни отца не претендовал на Киевский престол, довольствуясь своими ростово-суздальскими землями, впрочем, немалыми и достаточно богатыми. А после смерти много лет и сил положил на то, чтобы сначала проследить

законность очередности пребывания на этом престоле дяди, братьев или племянников, а потом и собственное княжение. Все не для себя, все же, когда подошла его очередь, был уже немолод, все для сыновей, для них, кровиночек своих…

Но сыновьям оказалось не нужно. Хотел бы быть Великим князем Киевским старший Ростислав, да умер. А второму сыну – Андрею Георгиевичу, будущему Боголюбскому – Киев был ни к чему, он предпочел Северо-Восточную Русь, свое Ростово-Суздальское, позже ставшее Владимиро-Суздальским, княжество.

Так что же, зря положил столько сил Георгий (Юрий) Владимирович, зря столько лет тянулись его длинные руки к Киеву, столько бессонных ночей думались думы о Великом княжении, столько совершено грехов перед сородичами?

В известной степени – да. И сам спокойно не правил, и киевлянам от его правления радости не было (напротив, ненавидели так, что отравили), и детям престол не оставил, и доброй памяти у потомков в качестве Великого князя не снискал. А все, чем славен Георгий (Юрий) Владимирович Долгорукий, – укрепление Ростово-Суздальского княжества, основание в нем многих городов, в том числе Москвы на месте Кучкова. Если разделение Руси на множество удельных княжеств было предопределено и без него, то именно его стараниями и стараниями его сыновей и внуков встала на ноги Северо-Восточная Русь, та, на основе которой позже окрепла Московия и Россия…

А ведь вполне могли и потерять эти земли, рядом был очень и очень сильный сосед – Волжская Булгария. И кто знает, как повернуло бы, не будь в Ростово-Суздальской земле сильного князя – Юрия Владимировича Долгорукого и его сыновей – Андрея Боголюбского, Всеволода Большое Гнездо… Может, была бы она под властью булгарских ханов…

Первый опыт

На Днепре буйствовала весна, было ей раздольно и широко… Знает весна-красна, что любят ее люди, больше всех других времен года любят за волю, которую с собой несет, за обещание такой воли и в будущем. Весной кажется, что вовсе не будет ни злых метелей, ни морозов, ни холода, ни голода. И хотя все прекрасно понимают, что будут, радуются каждому погожему весеннему деньку и стар, и млад.

В Переяславле творилось что-то необычное – князь Владимир Всеволодович Мономах собрал-таки сородичей для общего похода на половцев, с которыми то воевали, то роднились. Город полон ратников и конных и пещцев, всюду звон оружия, молодецкие выкрики… всеобщее возбуждение…

И только в княжьем тереме неладно – тихо и сумрачно. Умирала княгиня, вторая жена Владимира Мономаха. Нет, она не была ни старой, ни немощной, недуг свалил как-то вдруг. Князю бы в поход, но как бросишь супругу на смертном одре, ждал… Тем более все понимали, что оставшейся ей жизни уже не днями счет вести, а часами.

Видно, чувствуя последние минуточки, мать позвала к себе сыновей. Их двое – Георгий и Андрей. Княгиня была набожной и всегда называла детей их крестильными именами, словно не помня о княжьих. Старший назван в честь знаме-

нитого предка Ярославом и крещен, как он, Георгием. Княжич уже подрос настолько, чтобы ходить с отцом в походы, да и жениться можно. Голос, правда, по-мальчишечьи ломался, оттого княжич старался пока больше молчать, но это временно.

В ложнице почти темно, священник, стоявший у изголовья, монотонным голосом читал молитвы, отчаянно борясь с сонливостью. В углу бестолково топтались княгинина приживалка и пара сенных девок с красными зареванными глазами. Пахло ладаном и смертью. Она еще не забрала женщину, но была уже рядом…

Перед самой дверью к Георгию по-щенячьи прижался хлюпающий носом маленький Андрей. Обычно старший брат не жаловал младшего своим вниманием, тот еще от мамок толком не ушел, где уж тут до старшего, но сейчас вдруг почувствовал щемящую жалость к малышу, придержал у своего бока рукой, так и вошли вместе…

Увидев сыновей, мать сделала слабое движение священнику. Тот замолчал с явным облегчением и даже отодвинулся подальше. Но княгиня снова махнула, чтобы вышли все, оставив ее с сыновьями наедине. Не дожидаясь, пока выполнят, знаком подозвала к себе мальчиков, показала, чтоб наклонились. Поцеловала в лоб сначала младшего, осенила крестом, благословляя, потом старшего, и уже слабеющими губами прошептала последний наказ:

– Двое вас осталось на всем белом свете… только двое…

Отец женится снова, крепок еще… какова мачеха будет? А братья вам – не подмога, скорее супротивники на всю жизнь. – Немного помолчала, собираясь с последними силами, и попросила: – Помните о том, поддерживайте друг дружку в горе и радости… Только двое вас…

Хотела, видно, еще что-то сказать, но уже не смогла. Глаза горестно смотрели на сыновей еще несколько мгновений, а потом остановились.

В ложницу спешным шагом вошел князь Владимир, сунулся к ложу, быстро закрестился, шепча молитву. Рядом тут же засуетился священник, разом забегали множество людей, знакомых и незнакомых…

Поняв, что случилось, тихо завыл Андрей, снова уткнувшись лицом в братову руку. В другое время Георгий не стал бы жалеть реву, но сейчас отвел в сторону, присел перед малышом на корточки, вытер ему слезы:

– Не плачь, того, что случилось, не поправить, не плачь…

– Матушку жалко-о-о…

– И мне жалко.

Вокруг уже суетились, готовя умершую княгиню к отпеванию и похоронам, дело не ждало, и князь не мог позволить себе долго горевать из-за смерти жены.

Немного погодя братья уже стояли, слушая, как частит другой священник, отпевая их матушку.

Из старших братьев рядом только Ярополк, смотрел на

них с Андреем неприязненно, почти презрительно. Младший от такого взгляда и вовсе сжался, ухватился за рукав Гюрги, вот-вот заревет. Княжич понял такую опасность, зашипел:

– Не смей здесь плакать!

– Мне мату-ушку-у… жалко-о… – все же всхлипнул пятилетний Андрей.

– Мне тоже. Здесь не плачь!

Малыш шмыгнул носом, но реветь действительно не стал.

У князя Владимира Мономаха сыновей много, но все они от первой жены – англичанки Гиты. А Георгий и Андрей – младшие, от второй жены, и словно виноваты в том, что Владимир с первой супругой развелся и бывшая княгиня постриг приняла. Георгий вдруг вспомнил слова матери: «Только двое вас…» Права матушка.

Она лежала такая строгая и незнакомая, сразу отдалившаяся, ушедшая туда, куда за собой не зовут. И даже для своих любимых мальчиков – Гюрги и Андрея – была тоже чужой…

Георгий снова поймал недобрый взгляд Ярополка и ответил таким же. Старший брат даже плечами передернул: «У, как глядит волчонок!» Даже смерть второй жены Мономаха не примирила его сыновей.

Они так до конца жизни и останутся чужими, родство по отцу не станет родством душ и скажется на жизни всей Руси. Не с этим братом, с другими, а вернее, с их сыновьями будет воевать и враждовать Юрий Владимирович, прозван-

ный Долгоруким. А вот Андрея Владимировича за незлобивость и откровенную мягкость характера прозовут Добрым. Но это вовсе не означало доброту нрава, скорее неспособность рвать зубами свое. Не в отца пошел Андрей, Владимир Мономах при всей его разумности и вроде бы готовности поступиться своей выгодой ради общего дела (правда, в результате эти «жертвы» всегда оказывались выгодны именно Мономаху) мог при необходимости перегрызть противнику глотку. Не в отца… а в кого, в мать?

Есть версия, что вторая жена Мономаха (как и третья) была половчанкой, значит, Долгорукий – наполовину степняк?

Недобрый сыновий перегляд заметил и отец, вздохнул. Вот уж этой беды он не хотел бы совсем: свары между сыновьями. Неужто то, что они не единоутробные, может поссорить? Тогда плохо, у Георгия нрав ох какой уже ныне виден, этот спуску никому не даст, и братьям тоже. Владимир Мономах утвердился в своем решении посадить юного Георгия в Ростове. Лучше подальше от Киева и старших братьев, и ростово-суздальские земли старших Мономашичей пока не прельщали, они для себя земель за Смоленском не видели. Только Ростову князь не нужен, там бояре крепки, любого под себя подомнут, это и сам Мономах чувствовал, когда княжил…

Додумать князь не успел, прямо в собор скользнул посланец от воеводы, чуть помялся, но по знаку Мономаха подо-

шел и зашептал на ухо. Видно, случилось что-то важное и недоброе. Владимир Мономах только вскинул глаза на священника, и тот, поняв его без слов, зачастил окончательно. Отпели княгиню быстро и похоронили – тоже.

Торопиться было отчего, словно чувствуя, что князю не до них, половцы не просто появились подле Переяславля, они захватили переяславльские табуны! Хан Боняк постарался.

Вот когда порадовался Мономах, что с ним рядом рати братьев и племянников, даже Олег Святославич, который раньше отговаривался немочью, и тот пришел.

На Руси уже много лет нет покоя и, наверное, не скоро будет. После смерти Ярослава, завещавшего сыновьям жить дружно, прошло не так много времени, когда разгорелась война между Всеславом Полоцким и старшим из Ярославичей Изяславом. И наступили тяжелые времена, которые никак не закончатся. Изяслав призвал на помощь поляков, Всеслав был изгнан, но и самого Изяслава младшие братья Ярославичи Святослав и Всеволод скоро прогнали из Киева, пришлось старшему князю искать доли на чужбине.

Но Святослав правил недолго – умер от неудачно разрезанного нарыва. Всеволод не решился занимать престол, отдав его старшему брату. Изяслав снова вернулся в Киев. Однако теперь племяннички покоя не давали, и через два года после возвращения дядя был в битве убит.

В живых остался только один из Ярославичей – Всеволод. По лествичному праву его Киев и Великое княжение его. Ни-

кто не противился. Князь правил пятнадцать лет, и особых потрясений Русь при нем не испытывала, если не считать половецких набегов. Но половцы, они как зеленый лук – стоит снегу сойти, тут как тут. С ними то воевали, то роднились, женясь на половчанках и отдавая своих дочерей ханам.

Старший из Изяславичей, Святополк, был женат на дочери половецкого хана Тугоркана, что не мешало самому хану воевать русские рубежи, и воевать успешно. В народе Святополкова тестюшку Тугарином Змеевичем прозвали. Да и у самого Всеволода старший сын Владимир после Гиты следующей женой половчанку взял…

Почти спокойно княжил Всеволод Ярославич, только в последние годы жизни сильно сокрушался о том, что Русь дальше ждет. Он последний из своего колена Рюриковичей, но потомство Рюрика столь разрослось, что теперь уже трудно понять, чье же право на Киев дальше. По уму отдать бы престол Владимиру Всеволодовичу Мономаху, он соправитель отца и авторитет среди князей имеет немалый, но не его право, Святополк – сын старшего из Ярославичей, Изяслава, Святополку княжить.

Святополка в Киеве не любили за руки загребущие, своекорыстие, прекрасно понимали, что тем же князь будет заниматься, и став Великим. Но по праву его очередь, потому, когда умер Всеволод Ярославич, Владимир Мономах и пытаться не стал отцово наследство оспаривать. Одного только добился разумный Мономах – удалось ему собрать дво-

юродных братьев на съезд в Любече, урядить споры меж собой – кому какое княжество, чтобы не воевали меж собой, еще и призывая в помощь то половцев, то поляков или угров. Крест целовали, клятвы давали, только не всегда они соблюдались. Уж очень большим было потомство Рюрика в этом колене, а в следующем и того больше. Кому как править?

По-прежнему власть в Киеве, то есть Великое княжение, переходила от брата к брату, а в следующем поколении к старшему сыну старшего из братьев. А дальше как? Кому Святополку ее передавать, когда время придет, – следующему из Изяславичей или старшему из Святославичей? А может, Всеволодовичу или Игоревичу? Все они внуки Ярославовы и каждый к власти рвется.

Особенно Олег Святославич и Давыд Игоревич. Но с Давыдом быстро разобрались, на съезде беспокойного князя, ослепившего родственника Василька Ростиславича, осудили и отправили подальше на Западный Буг. Вроде утихомирился.

А вот Олег Святославич, тот точно боевой конь под седлом, все удила грыз и копытом землю бил, ему тошнехонько спокойно жить, недаром даже прозвище получил – Гориславич, за то что половцев на русские земли водил себе в помощь. И как уж его жизнь ни била – и в Царьграде пленником был, и в Тмутаракани столько лет провел, и у половцев, но надежду на Киевский престол попасть не потерял. И ждет не дождется своей очереди…

А Русь тем временем словно лоскутное одеяло, хоть и есть Великий князь, но каждое княжество все больше само по себе. Князья без конца меняют места княжения, но хитрый Мономах первым понял, что, сидя сегодня здесь, а завтра там, многого не добьешься. На съезде князей закрепил за своими сыновьями ростово-суздальские земли. Сам сидел в Переяславле, а старший его сын – в Новгороде. Мстислава в беспокойном северном городе любили и другого себе не желали. Новгородские земли велики, ростово-суздальские – тоже немалы, да и Переяславль для Руси – не последнее княжество. Вот и получалось, что Мономах с сыновьями половину Руси держал.

В своей жизни Владимир Мономах сменил много уделов, он побывал князем и в Ростово-Суздальской земле, и в Смоленске, и во Владимире-Волынском, и в Чернигове, и теперь вот в Переяславле. Оставался только Киев, но пока Великим князем был Святополк, а за ним еще честолюбивый беспокойный Олег Святославич, и только потом он сам – Владимир Всеволодович Мономах. А Мономаху пятьдесят пять лет, и дождется ли своей очереди, неизвестно.

О том, что будет после, и вообще думать не хотелось, и у Олега, и у Мономаха много сильных сыновей и уже внуков.

Но пока правил Святополк, а остальные ждали свою очередь. И отбивали нападения половцев. После того как четыре года назад русские рати одержали сокрушительную победу над половецкими, одних только ханов уничтожили более

двадцати, а Бельдюзя, попавшего в плен, Мономах казнил, отказавшись от выкупа, казалось, половецкие орды были лишены своих голов и можно облегченно вздохнуть. Но ханы появились новые, а старые Боняк и Шарукан оружие складывать и не думали.

И вот теперь они, договорившись меж собой, снова шли на Русь. Первым силы попробовал Боняк, сначала появившись у Заруба, а потом вообще захватив пасущиеся у Переяславля табуны.

Боняк уже стар, ему бы дома сидеть, да только где у степняка тот дом? Есть у них и городки, где иногда зиму пережидают, но не любят ханы на месте подолгу быть, рождены в степи, степью живут, в степи и помирают. А чаще погибают. Редко кто до старости, как Боняк или вон Шарукан, доживает.

А почему хан дожил? Потому что хитер, никогда напролом не пойдет, всегда знает, когда напасть, а когда отступить или вовсе бежать. Налетают ханские орды, как ветер, грабят и так же быстро в степь уходят. А ковыль следы недолго хранит, распрямился после конских копыт, и нет того следа… Поди поищи ветра в поле. Поговаривали, что Боняк и его верный военачальник Алтунопа умели по-волчьи разговаривать, выли так, что не только лошади на дыбы вставали, но и у людей волосы дыбом тоже.

Так и в этот раз – налетели половцы боняковские, захва-

тили табуны, что у Переяславля паслись, и нет их. И снова сидел где-то в своей юрте Боняк на кошме, пил кумыс, охал, губами причмокивал, очередной набег планируя…

Два года назад русские решили уничтожить половецкие орды, по настоянию Переяславльского князя Владимира Мономаха собрались вместе и выступили по Днепру. Зная, что собираются, Алтунопа советовал своему хану ближе к остальным держаться, чтобы вместе и отпор дать. Но Боняк оказался хитрее, его загодя предупредили, посмеялся, поахал и… ушел правобережьем Днепра подальше, пересидел, пока остальных ханов били. Многие тогда погибли, очень многие, но орды Боняка да еще вон старого Шарукана остались целы. Получилось, что русские своими руками место Боняку расчистили. Хан смеялся, трясясь белым, точно у старой бабы, телом:

– Ой, хорошо! Я сам лучше бы и не смог!

Подождал и через два года напал на торков и берендеев – русских данников. Правда, на следующее лето воеводы киевского князя тот полон отбили, но Боняк сговорился с Шаруканом, чтоб в это лето снова на Русь идти.

Много собралось половцев, так много, сколько русские давно не видели. Подошли, встали у Лубна. Можно бы привычно пограбить да уйти, но и Шарукан, и Боняк стары уже, понимали, что вышло их время, а потому решили выманить русских и в одном бою побить, чтобы после можно было несколько лет безнаказанно, не боясь никого, их земли гра-

бить и дань брать. Потому до самого августа, когда трава в степи жухнуть начала, стояли, ждали.

Дождались, донесли Боняку, что русские рати в Переяславле снова собираются.

С этим сообщением к хану пришел Алтунопа.

– Может, не дожидаться, когда все подойдут, сейчас побить, а остальных на подходе?

Хан поскреб через вырез богатого халата волосатую грудь, вздохнул:

– Нет, ждать будем. Пусть все идут. Всех сразу побьем, не надо будет бегать по лесам, вылавливая.

– А если их много придет?

– Сколько – много? А если и много, пока они Сулу перейдут и к бою изготовятся, мы не только кумыс попить успеем, но и с женами поспать…

Щеки Боняка колыхались от смеха, в горле что-то булькало… Алтунопа сокрушенно покачал головой:

– Они побили многих ханов Степи…

– Все потому, что глупы были твои ханы! Киевский князь в своем городе остался, а переяславльский что может? Только ко мне в плен попасть! Иди. Надо за округой внимательно следить, как только на том берегу Сулы покажутся, сообщишь, будем готовиться. Сегодня подойдут, завтра переправляться начнут, мы и будем бить при переправе. Мы хорошо стоим, выгодно. Как они половецких ханов побили, так мы их ныне побьем.

– За ханов мстить будешь?

– За ханов?! – расхохотался Боняк. – И не подумаю! Добычу возьму и данников, а за глупцов мстят только такие же глупцы.

Не до долгой грусти по почившей жене Мономаху, Русь не терпела, беда на пороге. И все же он позвал к себе младших сыновей. Они стояли такие одинаковые и непохожие одновременно, сироты теперь. Гюрги вроде даже князь Ростово-Суздальский, пора его в свои земли отправлять, да только как это сделать? В Суздале и вече сильно, и бояре таковы, что палец в рот не клади, всей руки лишиться можно.

Мономах вздохнул: а делать это придется, не то взбрыкнут, как новгородцы, можно и без удела остаться. А младшего как? Нет, Андрея нужно пока при себе держать, мал еще. По чести, так и Гюрги слишком молод, но выбора не было. Как и в том, что делать ныне. Только спешно собирать братьев и старших сыновей и идти на Боняка. Слышно, с ханом вместе Шарукан решил силу показать, чтоб не забыли.

И еще одна мысль у Владимира Мономаха появилась, но высказывать ее пока не стал. Половецких ханов сколько ни бей, у них, как у змея лютого, по две головы вместо одной вырастают. Пользуются и всегда будут пользоваться, что русские князья врозь, и нападать тоже будут. Святополк через себя переступил и на Тугоркановой дочери женился. Как самому сильному половцу супротив собственного дитя идти? Но степнякам законы не писаны, в тот год, как Гюрги родил-

ся, Тугоркан на Киев пришел и на Переяславль. Боняк в мае в Берестовом княжой дом пожег, Куря вокруг Переяславля все попалил, а потом и Тугоркан подступил. Смогли Мономах со Святополком одолеть половцев, и Тугоркана убили, пришлось Святополку тестя своего хоронить.

А сколько раз после того Боняк окрестности Киева разорял, монастырь печерский жег? Что ни весна да лето, то набег. Скоро опустеют земли киевские да переяславльские. А Олег, видно, за черниговские откупается, потому и в походы против половцев вместе с остальными ходить не желает.

Но ныне и Олег, укоряемый дружиной да черниговцами, тоже пришел.

Интересно, просто деньгами откупается или обещает что? Переяславльские земли к Степи ближние, им первым достается от нападений. Вот и задумался Мономах о том, что и самому бы пора с половецкими ханами родниться, да так, чтоб этим родством посреди них раздор посеять. Только как и с кем? Тут ошибиться нельзя…

Сам он уже ошибся, женился на половчанке, сыновей добрых родила, да только отец ее слабым оказался, погиб, и пользы от той женитьбы… только вон двое сыновей, что перед отцом стояли.

Ничего пока сыновьям не сказал отец, только посетовал на материнскую смерть да про поход скорый упомянул, мол, доля княжья такая: одной рукой слезу вытирай, а другой меч из ножен тяни. Что поделать?

Гюрги отец с собой в поход взял, пора уж, пусть привыкает к седлу не только на охоте, но и в сечи, хотя очень надеялся, что крепко биться не придется. Андрей брату завидовал до слез, но он был слишком мал, чтобы и себе на сечу ехать. Княжичей с семи лет от мамок в дружину забирали, чтобы ратному делу учились, и грамоте обучать тогда же начинали. Совсем стало обидно пятилетнему малышу.

Дружины собрались в Переяславль быстро, даже Олег Святославич пришел из Чернигова не последним. Они о чем-то долго говорили с Владимиром Мономахом, о чем, не знал никто, только заметно стало, что согласия достигли, а ведь раньше были точно кошка с собакой. Гюрги не знал, что речь шла в том числе и о нем, юному князю не до того, он впервые шел в настоящий поход.

Подпругу да стремена у коня проверял так, словно тотчас в седло, хотя выступать решено через несколько дней. Андрей крутился рядом, больше мешая, чем помогая. Хотелось его прогнать, но, глянув на брата, Гюрги вдруг отчетливо услышал материнский последний наказ: «Двое вас осталось… поддерживайте друг дружку…» – и стало даже стыдно, об Андрее он чуть не забыл. Решение пришло неожиданно, потянул за собой подальше от всех.

– Мы с тобой два брата, помнишь, как матушка говорила, что остальные братья – не подмога.

Андрей только кивнул, не понимая, чего ожидать от тако-

го начала.

– Мы должны быть всегда вместе…

– Меня не беру-ут…

– Я не о том! Давай клятву друг дружке принесем, что помогать будем, что едины будем.

– Давай!

Они поклялись, что будут едины во всем, о помощи и поддержке, о том, что всем другим станут предпочитать верность друг дружке.

Андрей станет со временем достаточно спокойным и даже бесцветным князем, получив прозвище Добрый (зря такое не дадут), а Гюрги… сколько раз русские князья клялись и кресты целовали, а потом свои клятвы нарушали! И Юрий Долгорукий тоже. Но брата Андрея никогда не предавал и по возможности защищал, хотя возможностей таких просто не было, судьба (или отцовская воля) развела их надолго по разным сторонам большой Руси. Но тогда в Переяславле они еще были вместе, хотя один собирался на рать, а второй пока пережидал дома.

Лето явно шло на убыль, все же август. Золотисто отсвечивали поля, а в степи, напротив, зрелые метелки ковыля стали серебряными.

Но всадникам не до того, вышли быстро и шли так же, прекрасно понимая, что разведка половцев уже углядела движение русской рати и ханы готовятся. Теперь дело в ско-

рости и неожиданном нападении. К берегу Сулы подошли к вечеру в шестом часу. Тут и встать бы на ночевку, но Мономах вдруг потребовал переправляться немедля и атаковать тоже:

– Ноне они нас как раз и не ждут, тоже думают, что мы ночевать встанем.

Мало того, он приказал и другое: шуметь как можно больше, чтоб казалось, что рать велика.

Все удалось, не ожидавшие срочной переправы половцы, к тому же сбитые с толку поднятым русскими ором и шумом, удирали, кто как мог – кто успел разрезать путы у стреноженных коней, тот скакал, но много было и таких, кто бежал пешим.

Гюрги было велено в первых рядах не лезть, но и в последних не держаться. Легко сказать, когда ты далеко от битвы, но когда все с гиканьем и воплями бросились в воду Сулы, князь забыл все отцовские наставления и пришпорил своего коня так, словно намеревался обогнать рать и побить половцев в одиночку. Если честно, то он мало что запомнил и даже понял в битве, только орал вместе со всеми, рубил мечом, стараясь догнать убегавших половцев. На его счастье, у тех не было ни времени, ни возможности схватиться за луки, потому что юный князь представлял собой отличную мишень.

Пронесло беду мимо, даже царапины не получил сын Владимира Мономаха в первом своем бою, зато и половцев порубил, и какого-никакого боевого опыта набрался. После

Мономах выговаривал сыну, что это малый опыт, потому как сечи настоящей не было, половцы так не бегут, они наступают сами, а если и отступают, то лишь ложно, чтобы в ловушку заманить.

Но 12 августа 1107 года орды Боняка и Шарукана именно удирали, сами князья тоже. Шарукан ушел с трудом, одного брата Бонякова – Таза – убили, а другого, Сугра, попленили. И обоз свой немалый половцы тоже бросили. Их гнали почти до самого Хорола, гнали бы и дальше, да ночь настигла.

Хан Боняк успел уйти одним из первых, как только ему сообщили, что русские стали переправляться через Сулу.

– Их много, хан, шумят сильно…

Боняк чуть пожевал губами, дернул головой:

– Уходим.

Алтунопа подивился:

– Биться не будем?

– Биться будем потом.

Князь Владимир в тот вечер долго стоял на коленях перед образами, благодаря Господа. Гюрги прислушался: за победу благодарит?

– Господи, да будет земля Русская единой отныне и вовек. Да не поднимутся брат на брата, не позавидует один другому… В единстве сила наша, в розни – гибель.

Этого Гюрги пока понять не мог. Они так славно побили половцев, а отец все о своем – единстве. Разве сегодня толь-

ко Всеволодовичи не могли бы разбить Боняка и Шарукана? Разве так уж велика в победе доля ратников, пришедших с Олегом Святославичем? Не удержался, спросил.

Владимир Мономах тяжело опустился на лавку, показал сыну, чтобы присел рядом, чуть подумал и попробовал объяснить.

– Владимир Святой когда-то заслон от Степи ставил, всех русичей привлекая, даже новгородцев. Почему? Потому как одним киевлянам, а ныне переяславцам и черниговцам ворога не одолеть. Много лет за то же борюсь – чтобы вся Русь против Степи вставала, тогда они не то что биты будут, но и сунуться не рискнут. Запомни, сын: мы до тех пор сильны, пока вместе. Будем вместе, никто нас не одолеет, но как только братья, неважно, родные или двоюродные, между собой враждовать начнут, так и побьют всех поодиночке.

Долго объяснял сыну немолодой уже Мономах, как мыслит себе жизнь на Руси. А Гюрги думал о том, что его же собственные братья не слишком его любят, что уж говорить об Олеговых сыновьях, а есть еще Давыдовичи… И всем уделы нужны, князей все больше, а уделов не прибавляется, и кому перед кем первым быть, тоже неясно. Но все мысли перебило неожиданное заявление отца:

– Женить тебя надумал…

– Женить?

Вот уж чего Гюрги пока и в мыслях не держал! Но тут отцовская воля сильней собственной, велит – и женишься.

Мономах усмехнулся:

– Тебя да Олегова Святослава. Надумали с половецкими ханами породниться, чтоб между степняками клин вбить. Не бойся, не на Боняковой или Шарукановой дщери, помоложе да покраше сыщем.

Гюрги даже головой замотал, им со Святославом уготовано в жены половчанок взять?! К чему?! Но отец был непреклонен:

– Тебе пора в Суздаль ехать, булгары ныне нападали, зная, что князя в уделе нет. Вот и поедешь с женой молодой.

Хотелось спросить, как Андрей, но что спрашивать, его-то отец пока от себя не отпустит, мал больно. А еще хотелось спросить, что он сам с женой делать будет, потому как и с княжеством не знает как справиться.

Но разумный отец решил за Гюрги все: и женил, и в Суздаль сам отвез, и наставника такого выбрал, чтоб дела в порядке держал и молодого князя воспитывал.

Такого не бывало, чтобы половецкие орды подходили к Хоролу зимой, снега да морозы – не лучшее время для набегов, но на сей раз половецкие ханы Аепа Осенев и Алепа Гиргенев шли не для захвата добычи, а, напротив, чтобы самим отдать. Отдавали ханы своих дочерей за русских князей Гюрги Владимировича и Святослава Олеговича.

Половцы города не любили, не понимали, как можно жить, не видя неба в отверстие верха шатра или просто над головой, как может быть взор ограничен стенами, потому

остались стоять шатрами вне городских стен. Жутковато было хорольцам от такого соседства, когда горели костры, ржали кони и ревели верблюды, и только спокойствие князя Владимира Мономаха обнадеживало. И все же не раз поинтересовались бояре, не опасно ли вот так-то. Князь смеялся в ответ:

– Да ведь на свадьбу приехали, и не одну!

– Так-то оно так, конечно… – скребли затылки бояре, – только степняки все же…

Но половцы не безобразничали, хотя вся округа попряталась по лесам, зарыв кубышки от греха подальше и укрыв у родичей подальше женок с детьми и скотину.

12 января 1108 года от Рождества Христова в первое воскресенье после Крещения с утра по всему Переяславлю звучали колокола – два князя женили своих сыновей. Пусть не старших и на половчанках, но это-то и было дивно. Во-первых, князья – Олег Святославич и Владимир Мономах, много лет не знавшие покоя сами и не дававшие его своим дружинам. Святославич, даже прозванный Гориславичем за то, что много бед принес земле Русской, не столь уж давно согнал Мономаха с Черниговского стола, считая Чернигов своей отчиной, да еще и Мономахова сына, Изяслава, погубил в Муроме. И все же Мономах сумел переступить через свои обиды ради общего блага. И с беспокойным Олегом сговорился, и с половцами тоже.

Дивно было видеть этих двух князей рядом, но именно это

внушало надежду на прекращение княжьих междоусобиц. И благодарили за то Мономаха, его тщанием, его волей все делалось.

Свадьбы играли широко по русским и половецким обычаям, чтоб надолго запомнилось, чтобы поняли половецкие ханы, что отныне дружны должны быть с русскими князьями – Владимиром Мономахом, Олегом Святославичем, Гюрги Владимировичем и Святославом Олеговичем.

Так и вышло, ни Аепа, ни Алепа на сородичей набегами не ходили, а Аепа даже много позже погиб, судя по всему, воюя с булгарами, мешавшими зятю – Гюрги (Юрию) Долгорукому.

Для начала невест крестили, потому как русская церковь, да и сами князья и не мыслили женитьбы на нехристях или без венчания. Это потом Святослав Олегович возьмет вторую жену при живой первой, а Юрий станет просто держать наложниц или любушек. Алепиной дочери, ставшей женой Святослава, дали имя Екатерина (так она упоминается в одном из Синодиков), а Аепиной, кажется, Елена.

Оба юных князя были страшно смущены и таким вниманием, и необходимостью вообще жениться. Для Гюрги это означало начало самостоятельного правления, отец собирался отвезти его вместе с молодой женой в Суздаль. У Гюрги ломался голос, и князь больше всего боялся пискнуть в самый ответственный момент.

Князь Владимир Мономах боялся иного – слишком юн

князь, чтобы жениться-то (по одним данным, Юрий родился в 1090-м, по другим, в 1095-1097 годах, вероятнее второе), а в грязь лицом ударить в таком деле никак нельзя… Решил поговорить с сыном заранее. Вернее, сначала хотел попросить старшего брата Гюргева, Вячеслава, чтобы тот поговорил, но Вячеслав фыркнул:

– Я ему в няньки не нанимался.

Мономах только вздохнул, понятно раздражение сына, ведь Вячеслав старше Гюрги, намного старше, но у младшего княжение свое, а Вячеслав просто при отце сидит.

Пришлось самому с сыном разговаривать. На вопрос, имел ли дело с девкой или бабой, Гюрги густо покраснел и отрицательно помотал головой. Снова вздохнул Владимир, тоже ведь проблема, обучить требуется, не то может юный князь опозориться сам и весь свой род опозорить.

Когда бывала такая необходимость, среди дворни всегда находилась разбитная крепкая бабенка, которая могла помочь пройти житейскую науку. Нашлась и сейчас. Аннушка вопросов лишних не задавала, только кивнула и помотала головой. Кивнула в знак согласия, а помотала на спрос, не больна ли чем дурным. Научила хорошо, Юрий всю жизнь славился этим житейским умением, по Долгорукому многие и многие сохли, единожды испробовав княжью силушку.

Меды лились рекой, русские не слишком жаловали кумыс, а вот половцы охотно пили ставленые меды и греческие ви-

на, нашедшиеся у князей в закромах. С каждой минутой застолья становилось легче разговаривать, уже забылось, что языка не понимают, сами языки развязывались все больше, и уже глядишь, русский боярин брал за грудки половца, притягивал к своему лицу и пытался втолковать, что вдругорядь убьет и не пожалеет, а ныне нельзя, потому как друзья и теперь даже сородичи. Половец, ничего не понимая в самих речах (пьяный язык заплетался у боярина настолько, что он и сам мало понимал), однако кивал, словно соглашаясь быть убитым… вдругорядь…

Степняки, не привыкшие к столь крепким напиткам, повалились первыми, только успев порадоваться красоте двух невест, отдаваемых ханами за молодых княжичей. Были ли те красивы? Бог весть, этого не могли сказать и сами женихи, потому как нарумяненные и разряженные, точно куклы, перепуганные всеобщим вниманием сотен собравшихся мужчин, невесты были близки к обморокам. Екатерина даже потеряла память ненадолго, только успели поддержать. Но это вызвало не презрение, а смех:

– Молода еще!

– Ага, боится!

– Да и княжич не больно стар!

И снова взрывы хохота заставляли беспокойно кружить стаи птиц, тоже перепуганных шумом и многолюдьем.

Мономах первым сжалился, махнув рукой:

– Пусть невест отведут в их покои, не то и впрямь девок

до смерти перепугаем.

Дальше гуляли уже без невест. Никому не приходило в голову соблюдать традиции полностью, да и какие соблюдать-то, если, по русским, одно надлежало делать, а по половецким – другое. Главное – женок крестили и венчали. Теперь они законные жены, а уж как там сородичи пить да орать будут, неважно.

Гюрги на пороге супружеской ложницы вздохнул, незадолго до того отец просил показать удаль и не опозорить перед всеми:

– Ты, главное, бабой ее сделай, а там видно будет.

Все получилось просто и довольно легко. Жена уже лежала, укрытая меховым покрывалом до самых глаз. Вообще-то ей полагалось снять с мужа сапоги, но этого мамки, видно, не объяснили, а Гюрги требовать не стал. В висках билось только одно: «не опозорься».

Не опозорился. Елена была послушна любому его движению, только губу закусила, чтобы боль перетерпеть, а он, сделав свое, и не подумал сказать даже ласковое слово. Жена не была Гюрги нужна, он только выполнял требование отца. Но и половчанка, приученная, что жена должна мужу подчиняться, не обиделась, приняла все как должное.

Так началась их семейная жизнь.

У Святослава с Екатериной было похоже, Екатерина оказалась очень тихой, ласковой девушкой, готовой терпеть от

мужа любые обиды, которых Святослав Олегович нанес ей немало, а в конце и вовсе упек в монастырь. Удалил, чтоб под ногами не путалась.

Но до этого еще было очень далеко. Пока два юных княжича женились на столь же юных половчанках.

Ростово-Суздальский князь

Отгуляли свадьбы, и Владимир Мономах поторопился отвезти сына с женой в Ростов. Там должен быть не посадник из бояр, которые каждый в свою сторону тянут, а князь. Свой князь – совсем другое дело, при князе дружина, его право – быстро собрать ополчение, чтобы не было беды, как случилось летом в Суздале, когда булгары, воспользовавшись именно отсутствием князя в Ростовской земле, разорили Суздаль, а Ростов не пришел на помощь своему пригороду. Будь князь, такого не случилось бы…

Половцы побиты, год-другой на Русь всерьез не сунутся, самое время и дальними землями заняться. Потому и спешил Владимир Мономах с сыном в Ростов. Умный Мономах, чтобы скрасить обоим младшим сыновьям расставание (они ведь очень дружны), не отправил Гюрги в далекий Ростов одного, а поехал с сыном сам и младшего, Андрея, взял с собой. Потому новоиспеченному мужу было не до жены. Он князь, ехал в свои земли, да еще и брат рядом…

На Руси издревле передвигались зимой санным путем и летом по воде, в весеннюю и осеннюю распутицу и реки не перейдешь, и по грязи не проедешь. Потому торопился Мономах после свадьбы увезти сына в Ростов, на месте все посмотреть и до распутицы вернуться обратно. Предстояло еще одно большое дело сделать – найти Гюрги толкового на-

ставника, хотя князь Владимир уже знал, кто это будет. В Суздале всем заправлял суздальский тысяцкий – боярин Георгий Шимонович, скорый на расправу, но разумный сын варяга Шимона.

Георгия Шимоновича Владимир Мономах знал еще по Киеву да Переяславлю, был тот одновременно набожным (даже дружил с Феодосием Печерским), отменным воином и хорошим хозяином. Георгий Шимонович из тех, кто если бил, то насмерть, но прежде, чем занести кулак, хорошо думал. Лучшего наставника для молодого князя и не сыскать, да только как сделать так, чтобы заботился о князе, а не о своих сыновьях прежде всего, ведь при молодом и неопытном Гюрги так легко все взять в свои руки, чтобы князь у боярина на побегушках оказался.

Вот и ломал голову Мономах, что лучше – поручить сына Шимоновичу или попытаться отодвинуть того подальше. Отец Георгия Шимоновича, получивший от самого преподобного Феодосия христианское имя Симон, много помогал Печерской обители, на его средства была построена Успенская церковь монастыря. Георгий Шимонович три года провел слепцом, и казалось, вовсе видеть не будет, но молитвами Феодосия Печерского прозрел боярский сын, вот отец и пожертвовал на церковь. А после смерти был в ней похоронен – напротив гробницы самого Феодосия.

Этому-то Георгию, познавшему заботу преподобного Феодосия, и собирался поручить своего сына Гюрги Влади-

мир Мономах. В семьях русских князей дядька часто значил больше, чем отец. От отца княжич рожден, а воспитывал его дядька. Георгий Шимонович разумен как никто, такому доверить можно без опаски, несмотря на то что княжич будет далече.

Из Переяславля сначала отправились в Киев – помолиться за успех поездки, а также за будущего князя земли Суздальской. И, конечно, в Печерскую обитель. У церкви Успения Богородицы князь Владимир остановился, разговаривая с каким-то монахом. Братья Гюрги и Андрей сначала терпеливо ждали в стороне, потом принялись беззастенчиво разглядывать монаха. Был тот сухощав, да на Руси в те поры и не бывало толстых монахов, постились честно и часто, жили почти впроголодь, а в Печерской обители еще не забыли наставления преподобных Феодосия и Антония, а потому чревоугодию не были подвержены. Большой открытый лоб и умные серые глаза выдавали в нем постоянную напряженную работу ума. Строгий лик говорил об отсутствии хитрости и любви к корысти.

Наконец отец кивнул сыновьям, подзывая. Уже в церкви Гюрги, оглянувшись на монаха, тихо поинтересовался:

– Кто это?

– Нестор. Разумен, книжен, кажется, все про минувшее знает и помнит. Вернемся из Ростова, скажу игумену свою задумку – чтоб Нестор записал то, что знает. Речь у него хороша, должно, и пишет так же…

Помолились, постояли у раки преподобного Феодосия, потом Владимир Мономах обернулся к другой плите:

– Смотри, Гюрги, здесь лежит тот, чей сын будет твоим наставником, так мыслю. Приставлю к тебе, если согласится, Георгия Шимоновича. Конечно, он Суздаль держит, не Ростов, но сильнее него и разумней никого в той земле не ведаю. Да еще такого, чтоб прежде с пользой для нас все делал, а потом для себя.

Сына пока мало заботили размышления отца, он еще не осознавал себя ни женатым, ни вообще князем. Да какой он князь? Хотя звался уже так к огромнейшей зависти младшего брата. Хорошо, что эта зависть, как и сам Андрей, была доброй…

Великий князь Святополк тоже напутствовал по-доброму, правда, быстро и не слишком вразумительно. Его явно заботили какие-то свои дела. Спрашивать, что за дела, Гюрги, конечно, не мог, а отец объяснять не стал, может, и сам не ведал. У Великого князя главная забота – набить свою казну, как только может в кубышку тащит, киевляне уже ворчат и насмехаются. Не открыто, конечно, но это пока.

Отроков куда больше беспокоила подготовка к отъезду и отъезд. Гюрги даже про жену забыл, благо отец больше ничего от него не требовал. Жила себе юная княгиня своей жизнью и жила.

Половчанка действительно жила непривычной для нее

жизнью. Хорошо, что отец – хан Аепа сообразил приставить к дочери русскую служанку, не слишком давно попавшую в полон, но хорошо знавшую язык и обычаи половцев, чтобы объясняла, если что у юной княгини не так. Объяснять действительно пришлось с первого дня. Невесту передали от ее родичей разряженную, как куклу, так положено у половцев, за свадебным нарядом и девушки не видно. Но наутро пришлось переодевать в русское платье.

Княгиня на разные лады пробовала свое имя:

– Е-ле-на… Ел-ена…

Служанка Жданка рассмеялась:

– Олена!

– А?

– Оленой звать можно.

– Ол-ена… Нет, Ел-ена! Так лучше.

– Это уж как князь тебя звать будет, его слово главное.

Но князю было все равно, он и не запомнил, как крестили жену.

Утром служанки зачем-то притащили большую бадью и налили в нее воды. От воды шел пар, и та была явно горячей!

– Вымыться надо…

– Что?

– Вымыться. Здесь.

– Зачем, я смою жир!

Хорошо, что Жданка знала привычки, доходчиво объяснила:

– Здесь никто жиром не мажется.

– А как же защищаться от холода?

– Теплую одежду наденешь, меха дадут.

Сначала было совсем непривычно, но потом понравилось. Кожа после мытья стала тонкая-тонкая, почти прозрачная. Олена даже испугалась, что порвется.

– Нет, не порвется. На Руси моются каждую седмицу и перед праздниками обязательно. А еще перед важными делами… или чтоб не простыть… – рассказывала, вытирая свою хозяйку, Жданка. – Только не так, не в доме, а в бане.

Тонкая рубашка приятно прилегала к телу, за ней последовало еще несколько одежд, обувь и головной убор, укрывший волосы так, чтобы ни один черный волосок не выглядывал.

Когда молодую жену обрядили, как положено, одна из ходивших за ней боярынь удовлетворенно кивнула:

– Ну вот, теперь на человека похожа, а то была, как чучело огородное.

– Что она сказала? – тихонько шепнула княгиня Жданке.

Та усмехнулась:

– Сказала, что ты красивая в этом наряде. Нужно учить русский язык.

– Учи меня.

Княгиня и правда была хороша, только своей степняцкой красотой – красиво очерченные, словно чуть припухшие губы, гладкая, чуть желтоватая кожа, большие миндалевидные

глаза…

Она не видела, как, выйдя из горницы, где купали и обряжали молодую княгиню, та же боярыня плюнула в сердцах:

– И что за обычай взяли – на половчанках жениться?! Точно своих красавиц на Руси мало! Была бы белая лебедушка, и телом справная, и чтоб румянец во всю щеку да синева в глазах, да такая, чтоб бедром качнула, проплываючи… А это что? Ни тебе рожи, ни тела, один срам и волосья черные.

Если честно, то с боярыней были согласны и остальные женщины тоже. Чернавка-княгиня им совсем не понравилась, даже когда переодели. Напротив, белая рубаха и жемчужное ожерелье на шее оттенили смуглую кожу, а височные кольца – черные глаза.

Женщины сочувствовали молодому князю из-за внешности его супруги, но, конечно, старались вида не подавать, все же сноху нашел Владимир Мономах, а Переяславльского князя уважали.

Наконец пришло время отправляться в далекий путь. Двух князей – старшего и младшего, юную княгиню и княжича сопровождала немалая дружина, все же ехать предстояло глухими лесами, Ростово-Суздальская земля лежала пока почти отдельно от Южной Руси. Это со временем будут и дороги прямоезжие, и трактиры на дорогах, а тогда не было ничегошеньки, и деревень по пути тоже.

Мономах даже не сразу решил, каким путем добираться

– через Чернигов и Курск, а потом Рязань или по Днепру через Смоленск до волоков на Вазузу и Волгу, а там уж до Ярославля и Ростова. Заезжать ни в Чернигов, поменявший его когда-то на Олега Святославича, ни в Курск или Рязань не хотелось…

Хлопоты и сборы ни долгими, ни шумными не были, сказывалось, что ехали мужчины, из женщин только юная княгиня со своими служанками, но та пока не хозяйка, что скажут, то и делала.

В Киеве еще только занималось морозное утро, когда на княжьем дворе уже зазвучали голоса, холопы принялись запрягать коней, тащили к возам то, что не было уложено с вечера, укладывали, увязывали последнюю кладь. Дорога обозу Переяславльского князя предстояла дальняя, потому забыть ничего нельзя. Наконец на крыльцо вышел и сам Мономах – посмотреть, как собрались. Оглядел укладку, что-то спросил, в чем-то распорядился.

Отслужили молебен, истово прося удачи в долгом пути, разобрались по возкам и саням, еще раз перекликнулись, и вот Мономах, троекратно расцеловавшись с двоюродным братом, Великим князем Святополком Изяславичем, вскочил в седло, махнул рукой:

– Трогай!

Длинный обоз с княжеским стягом впереди (нашлось что везти и сыну в Смоленск, и в сам Ростов для Гюрги) тронулся в путь, вытягиваясь по улицам к спуску на лед Днепра.

К тому времени погода подпортилась, небо нахмурилось и начал падать сначала легкий снежок, но бывалые люди уже знали, что скоро залепит сильнее.

И вот наконец золотые купола Софии остались позади, кони резво неслись вперед. Пока резво, еще не устали лошади, не замерзли всадники и седоки в санях и возках. Даже Андрей, глядя на отца и старшего брата, тоже ехал верхом. Мономах понимал, что мальчик долго не выдержит, место в возке было, но решил пока дать ему возможность почувствовать себя взрослым, двигались медленно, объясняя это тем, что жену Гюрги и остальных женок может растрясти.

Если честно, то верхом хотела ехать и сама юная княгиня, она даже не поняла, почему ей-то нельзя? Но спорить не стала, уселась в теплый возок, укуталась в шубу, укрылась волчьей полостью и дремала, потому как сквозь затянутое оконце возка ничего не было видно.

Даже страшно устав и набив себе седалище, Андрей отказывался тоже уйти в теплый возок. Пришлось садиться в сани всем троим – князю и сыновьям.

До Смоленска зимник по Днепру наезжен, добрались легко, хотя морозец не давал просто стоять. Постепенно устали и люди, и кони. Сначала удавалось становиться на ночевки в деревнях и даже городах, но после Смоленска это уже трудно. По берегам стоял сплошной лес, деревни – редко. Но как проехали волоки и река стала чуть пошире, на берегах снова появились признаки жилья.

Мономах кивал на прилепившиеся к берегу избушки:

– Смотри, Гюрги, это уже твои владения. Это твои смерды…

От увиденного настроение могло испортиться у кого угодно, юный князь недовольно хмурился. Однажды отец вдруг предложил:

– Хочешь глянуть, как живут-то?

Гюрги кивнул, сам не зная зачем. Хорошо, что они поехали в деревню только с отцом, не считая трех дружинников. Окончательно разболевшийся Андрей просто спал в санях, укрытый волчьей полостью с головой, а звать супругу Гюрги и в голову не пришло.

В деревеньке из десятка худых избушек сразу и не поняли, что за гости пожаловали. Гюрги оглядывался почти неприязненно, на душе кошки скребли. И это владения, это княжество?! Избы одна хуже другой, да половина и не изб вовсе, а попросту землянок, крыши прямо от земли торчат. Все крыто соломой, ни о каких храмах и речи нет. Бедно, если не сказать – нище. Мелькнула мысль: хорошо, что этого не видят старшие братья, вот Вячеслав небось посмеялся бы!

Еще хуже оказалось в избенке, куда они вошли. Князь Владимир выбрал самую крепкую, но и в ней так воняло, что Гюрги даже шарахнулся к выходу. В полутемной избе за жердяной перегородкой явно зимовали вместе со своими хозяевами и свинья с поросятами, и овцы, и куры… Гюрги подумалось, что только лошади и не хватает. Ну, еще коро-

вы. Непонятно, то ли живность вместе с людьми, то ли люди при ней, изба и хлев заодно. Топилось по-черному, дрова к их приходу давно прогорели, потому в избенке было совсем темно.

Один из дружинников прикрикнул на хозяина, тот засуетился, подбросил в очаг дровишек, а сидевшая на лавке старуха с трудом поднялась и стала пристраивать в светец лучину. И все равно было темно и холодно, страшно воняло, нищета производила гнетущее впечатление.

Живность, в первую очередь куры быстро почувствовали, что от убогого очага потянуло теплом, заквохтали.

Мужик все вглядывался в нежданных гостей, пытаясь понять, кого это черт принес. Что уж там понял, неизвестно, только повел рукой, приглашая сесть, и извинился, что угостить нечем, потому как сами с утра только поболтиху и ели, а к обеду вовсе ничего не осталось.

Мономах нахмурился:

– А детей чем кормить будешь?

Из угла выглядывали три детские белобрысые головки. Вместо мужика ответила старуха, резко, неприязненно:

– А тебе-то, боярин, что? Хоть и помрут наши дети, так лучше помереть, чем так-то всю жизнь.

В ее словах была правда, так вот всю жизнь – и никакого наказания не надо.

– Чьи вы?

Названное имя боярина, которому принадлежала дере-

венька, ничего не сказало ни Гюрги, ни даже Мономаху. Но князь все же нахмурился:

– Чего так бедно?

– А с чего быть богатым? От половцев в эти леса удирали, думали, здесь своим горбом все поднимем, а не вышло. Лошаденка пала, а без лошади куда же? У боярина взяли зерна да лошадь, чтоб хоть как-то обжиться, а отдавать как? Кляча едва живая была, а плати за нее теперь всю жизнь. А уж как женка померла, не разродившись, так и вовсе все захирело. Мать вон больная, еле двигается, дети – мал мала меньше. Один не справляюсь, чтоб и своих кормить, и долги отдавать.

Он вдруг смутился своей вольной речи, видно, накипело, говорил, уже не думал, что и кому, а тут осознал, что перед ним, судя по всему, не простой боярин, а кто-то знатный, больно одежа богатая на обоих гостях.

Мономах присел на край едва державшейся лавки, детские мордашки высунулись подальше, вот будет о чем вспоминать всю зиму – таких гостей, поди, ни у кого не было. А Гюрги с ужасом думал о том, как же живут остальные, если таково в самом крепком из домишек.

– Что надо, чтоб переселенцы на ноги встать могли?

Мужик изумленно воззрился на странного гостя. Привычно полез пятерней в затылок, без этого русскому человеку никогда хорошо не думалось:

– Дык… лошадь бы и по первости хоть пару годков не драть три шкуры, чтоб обжиться могли.

– Понял? – неожиданно обернулся Мономах к сыну. Тот кивнул, хотя не понял ничегошеньки.

– Кто староста в деревне?

– Я, – развел руками мужик.

Князь вытащил из кошеля деньги:

– Вот даю на всех. Не одному тебе. Вскладчину пару лошадей купите и еще чего нужно. Только чтоб поля пустыми не стояли. А хозяину своему скажешь, что я велел в сей год оброку не собирать. Да я и сам из Ростова передам.

Мужик, получив в руки золото, согнулся в три погибели, намереваясь поцеловать руку у благодетеля, Гюрги, не выдержав, метнулся за дверь, казалось, нутро вот-вот вывернет наизнанку. Он взметнулся на коня и с силой огрел бедного плетью, словно тот виноват в увиденном.

Мономах тоже не стал дольше задерживаться, староста нищей деревеньки выскочил за ним следом:

– Да кто ты, мил человек, как величать?

Князь только рассмеялся, за него ответил дружинник:

– Князь ваш, Владимир Всеволодович Мономах.

Мужик ахнул и чуть не сел в снег, а потом почему-то мелко и часто закрестился, глядя вслед непонятному гостю:

– Охти, как же это?

Гюрги сидел в санях мрачней тучи. Отец, не говоря ни слова, пристроился поудобней рядом, погладив по голове проснувшегося Андрея:

– Спи, спи…

Некоторое время ехали молча, потом Мономах все же усмехнулся:

– Не нравится?

– Княжество!.. – не вынес Гюрги. То, что отец определил ему ростовские земли, теперь казалось насмешкой. Да уж, князь… в этакой нищете!

– А ты мыслишь, Киев сначала не таким был? А когда сюда князь Ярослав приехал, тут и вовсе ничего не было, лес один.

– Так, может, лес и лучше, чем такая нищета?

– Может. Земля здесь богатая, Гюрги, и леса, и реки, только людей мало, живут далеко друг от дружки. Наверное, и на Днепре когда-то так же было, только потом разрослось племя людское, а тут – нет еще. Кому города строить и пашни пахать? Ты слышал, что он сказал: переселились, от половцев убегаючи, а как на ноги встать?

– Так что ж делать-то? Не станешь же во всякой деревне вот так гривнами разбрасываться, чтобы лошадей себе покупали?

– Думать, сын, придется. Много думать. Тяжко, конечно, тутошним смердам, а каково тем, кто у Переяславля живет? Там что ни год, то набег, а после него то в полон половину деревни угонят, то пожгут, то просто поля вытопчут. Всей земле Русской трудно, и смердам, и князьям, всем.

Гюрги смотрел на заснеженные берега и с тоской думал,

что ничего исправить невозможно и наладить жизнь в этой спрятавшейся в непроходимых лесах земле тоже.

Отец, видно, поняв размышления сына, усмехнулся:

– Гюрги, глаза боятся, а руки делают. Для Руси главное – мир. Будет мирная жизнь без набегов и разорений – что от половцев, что от междоусобиц, встанут города, появятся новые пашни, и вместо вот таких землянок построят избы и терема. – Он немного помолчал, молчал и Гюрги, просто не зная, что отвечать.

Юного князя не заразила отцовская уверенность, напротив, тоска одолела с новой силой.

– Гюрги, тебя сюда князем сажаю именно потому, что далеко за лесами эти земли. Никто не станет мешать, можно хоть какое-то время не одними ратными делами заниматься. Строить нужно, людишек привечать, может, и помогать на первых порах, чтобы шли из южных княжеств на поселение, землю давать, пусть пашут и сеют. Это не то что в Переяславле, где всякий год вместо пахоты рать стоит. В Новгороде брат твой сидит, он мешать не станет. С Олегом Святославичем уже воевали и сговорились, угомонился. От булгар борониться нужно, но за этим дело не станет, приедем, буду снова с боярами речь вести о новых градах…

Говорил, но уверенности в его голосе уже не было. В чем сомневался Владимир Мономах? В том, что эти земли нужно поднимать, в том, что смердам нужно помогать, чтобы встали на ноги и хозяйством обзавелись, или в том, что отправил

сюда совсем юного сына, которому, кажется, не понравились ни земля, ни ее жители? Пожалуй, во всем, а больше всего в последнем. Слишком молод Гюрги, чтобы понять важность освоения ростовских земель.

Но дело сделано, не повернуть, Гюрги назван князем Ростовским, теперь его в Киев можно вернуть, только когда другие братья уделы поменяют. Покосившись на сидевшего с надутым видом сына, отец вздохнул: ладно, пусть посидит здесь под крылышком разумного Шимоновича пару лет, потом найдется предлог его забрать к Киеву поближе, а сюда посадить кого постарше и поразумней.

А юный князь смотрел на заснеженные берега и чуть не плакал, до того было досадно. И вдруг внутри постепенно стала расти злость, но не на отца, а на старших братьев, которые сидели себе в обустроенных городах и в ус не дули.

– Я докажу! Я им докажу!

Что докажет, не мог бы сказать, но юношеская обида на весь белый свет заставляла сжимать кулаки и клясться самому себе, только вот в чем?

Но чем безотрадней выглядели деревеньки по берегам заснеженных рек, тем краше потом показались города. Первым на Ростовской земле князя с сыновьями встретил Ярославль. Еще на подъезде Владимир Мономах рассказал, как в этих местах на князя Ярослава (крещенного Георгием, кстати) напала медведица, которую князь одолел в единоборстве. Со-

чтя это знаком, поставил сначала церковь, а потом и сам город.

Наверное, если бы Мономах вез сына в Ростовскую землю летом, все выглядело бы иначе. Летом волоки в Гнездове хорошие, купцы сновали, правда, по Вазузе до Волги их куда меньше, чем по Днепру, но все же. Но летом князь покинуть свое Переяславльское княжество никак не мог, как только становилось тепло, так налетали половцы, вот и приходилось пробиваться зимой через сугробы. Но даже бывавший уже в Ростове князь Владимир Мономах поражался переменам. Казалось, начала просыпаться от вековой спячки Ростовская земля, все чаще появлялись деревни по берегам, и Ярославль встал крепко, да и к Ростовскому озеру санный путь проторен. Значит, ездят и здесь, значит, не зря князь Ярослав Владимирович когда-то ставил города, недаром столько крови и пота пролито на этой земле.

Между Ярославлем и Ростовом зимник наезжен, катили быстро. Перед самым городом, когда уже были видны крыши теремов за стенами, князь решил пересесть в седло. Оба сына немедля последовали его примеру.

Почуяв остановку, из возка выглянула любопытная юная княгиня. Жданка кивнула ей на стены города:

– Видно Ростов уже.

– Уже видно, – согласилась Олена. Она знала значения многих слов, но пока все их понимала, как произносили.

Князя Владимира с сыновьями и снохой встречали торже-

ственно, не забыли еще предыдущий приезд, когда он многое наказал ростовчанам, облегчил подати и обещал строго спросить, когда снова приедет. Вот, настало время спроса. Конечно, чуяли многие, что повиниться придется, какое дело князю до суши, что была прошлым летом, какое до булгарского набега? Ведь он твердил, что нужно Суздаль крепить так, чтобы никто взять не мог? Но в очередной раз Ростов не пришел на помощь своему пригороду, пришлось суздальцам по лесам прятаться либо в булгарский полон идти… Спросит Мономах, он за это со всех спрашивает, считая, что ничего нет важнее на Русской земле, чем тишина и мирная жизнь. Никто и не спорит…

Впереди большой толпы празднично разодетых бояр в огромных лисьих шубах под рыхлым заморским бархатом или тяжелым шелком стояли белый, как лунь, старец с непокрытой головой, волосы которого легкий ветерок развевал, точно стяг, и рослая, пышная девица с толстенной косой и румянцем во всю щеку. Девушка держала на вытянутых, изрядно замерзших и оттого красных руках большое блюдо с хлебом-солью.

Мономах соскочил с коня, передал поводья гридю из охраны и спорым шагом подошел к встречающим. Остановился, снял отороченную собольком шапку, поклонился в пояс. Принял хлеб, откусив, как полагалось, троекратно расцеловался с красавицей, млевшей от сознания, что ее целует князь, и тут же кивнул старцу, чтоб надел шапку на волосы:

– Благодарствую всему городу Ростову и земле Ростовской. – И уже тише: – Только, отче, надень шапку, студено ноне.

Старик и не расслышал, больно был стар, но его быстро увели родичи, шапку действительно надели. А князь с сыновьями отправились с боярами в городские ворота. Мономах успел сказать ростовскому посаднику:

– У меня в возке сношенька со своими сенными девками. Вели проводить на подворье и устроить, там должно быть готово.

– Все сделают, Владимир Всеволодович.

Купеческий Ростов показался большим, хотя Гюрги прекрасно понимал, что он несравним с Киевом. Мономах кивнул:

– Всему свое время, будет и Ростов Великим.

Слышавший это боярин почти обиделся:

– А Ростов и ныне велик!

Хотелось сказать, что назвать-то себя можно как угодно… Не желая спорить, князь снова кивнул:

– Я не о величии духа говорю, в этом всяк велик, а о размерах города. Пока Ростов куда меньше Киева, на то Киев и главный из городов русских.

Боярина передернуло, но спорить не стал, хотя в его несогласии сомневаться не приходилось.

Когда остались наедине, Владимир посоветовал сыну:

– Ростовское боярство сильно как нигде. Даже в Новгороде с ним вече справиться может, если уж князь не одолеет, а здесь – нет. Ростовским боярам и Великий князь – не указ, не то что мы с тобой.

– А как же мне с ними?

Похоже, юный князь совсем растерялся, но отец положил свою руку на его:

– Подумал о том. Жить станешь не здесь, уйдешь в Суздаль. Там Шимонович тысяцким, будешь и ты там с дружиной. Вот когда окрепнешь, тогда и за Ростов возьмешься.

Гюрги почувствовал, как внутри все сжимается. Ему предстояло править не просто далеко от Киева и вообще за лесами, но еще и в противостоянии с местными боярами. И отец, кажется, изменять свое решение не собирался. Стало просто тошно. Далеко, тяжело, да еще и жена-половчанка… Насколько же было легче сидеть за отцом, не взрослея. Хорошо Андрею, из всех забот – только чтобы в дружину взяли. Глупый, жил бы себе и жил, пока настоящие заботы не навалились.

И вдруг Гюрги почувствовал, что он уже взрослый… Теперь внутри началась почти паника, ну какой он взрослый?! Нет, он не справится, он все испортит, и бояре просто выгонят такого князя! Позора будет на всю Русь.

То ли отец уловил мысли сына, то ли просто понимал, что тот должен чувствовать, но Владимир Мономах снова успокоил:

– Гюрги, у тебя будет умный и опытный наставник. Георгий Шимонович давно бы бояр прижал, будь его воля, но он всего боярин и тысяцкий, с тобой вместе куда больше сможет. Только слушай его, разумен, как никто другой, дурного не подскажет, я его по Киеву помню. А уж если совсем не сдюжишь, пришлю Вячеслава взамен или вон Андрея.

Мономах думал задеть Гюрги именем младшего брата, но тот фыркнул из-за имени старшего:

– Чего это – Вячеслава?!

– Ну, если тебе слишком тяжело будет, если не сдюжишь.

– Чего это – не сдюжу?!

«Хорошо зацепило», – мысленно усмехнулся Мономах, а вслух спокойно кивнул:

– Ну, сдюжишь, и добре…

В Ростове встретили, как положено, но настороженности скрыть не могли. Вот оно, столько лет сидели сами себе хозяевами, только что дань полетную отправляли, а ныне князь объявился. Пусть молодой совсем, ясно, что с ним рядом наставника посадят. А это означало, что всякий день под приглядом, под присмотром. Кому же понравится? Тем паче бояре в Ростове строптивы, привыкли к своей воле и силе, не хуже новгородских.

По Ростову пошел слух, что дядькой при юном князе будет суздальский тысяцкий – Георгий Шимонович. Заворчали ростовчане, мол, столько лет жили не тужили, а теперь

под варяга вставать? И забылось совсем, что Шимонович для Суздаля сделал уже немало. Что Ростову Суздаль? Так, пригород вроде Ярославля…

Сам Гюрги встречал когда настороженные, а когда даже вызывающие взгляды бородатых, сильных мужей и невольно ежился, становилось страшно: как же с ними справиться? Это хуже, чем под неласковыми взглядами старших братьев ходить. Владимир Мономах успокоил сына:

– Не оставлю тебя здесь, в Суздале жить станешь. А здесь только подворье оставим, чтоб приезжать мог.

– А в Суздале лучше ли?

– Да, там тебе будет спокойней…

Но в голосе Мономаха уверенности почему-то не было, видно, даже князь побаивался, что жизнь сына окажется непростой.

Сам он с удовольствием миновал бы Ростов и отправился сразу в Суздаль, но у Владимира Всеволодовича была еще одна забота – молодому князю Гюрги Владимировичу нужен свадебный пир и в своей земле, а не только в далеком для Ростова Переяславле и с половцами. И предстояло решить, где творить свадебную кашу – в Ростове или Суздале. По обычаю, конечно, в Ростове, да только не лежала к строптивому городу, вернее, к его боярам, душа у Мономаха. И в который раз он переступил через себя, а чтобы скрыть свое недовольство, закатил пир, какого Ростовская земля не видывала. Приказал гулять всем – от посадника до нищего у

соборной паперти, чтоб ни одного мужика и даже бабы не осталось трезвыми.

Меды и заморские вина лились рекой, снеди на столах было столько, что даже такому числу едоков не справиться. На свадебный пир съехались все лучшие мужи земли Ростовской, кто только успел и в силе. Перед началом было явно заметно, что Мономах кого-то ждет, да, видно, не дождался. Но повеселел, когда к нему подошел человек, которого куда-то отправляли, что-то стал тихо говорить. Кивнул князь, приказал начинать.

Ростовские бояре понимающе перешептывались меж собой: суздальского тысяцкого ждал небось Георгия Шимоновича. Но у того ногу на охоте лось повредил, ходить-то ходил, а вот дальние поездки пока не совершал.

Снова было шумно, снова гуляющие, основательно напившись, отпускали скабрезные шуточки, снова сидела Елена ни жива ни мертва. Но Мономах напомнил гостям, что молодые уж венчаны в Переяславле, что пир нарочно для Ростова гуляют, потому нечего ждать полного обряда. Ростовчане махнули рукой: пусть себе, славно погуляли, напившись и наевшись вволю. Если и поминали княжью свадьбу, так только этим – богатым столом и повальным запоем. Многие и очнулись, когда князья уже уехали в Суздаль.

Облегченно вздохнули все: и князь Владимир Мономах, и суздальские бояре, и, конечно, Гюрги. Тем, каково молодой жене, ее супруг не интересовался, а свекру она ответи-

ла, что все хорошо. Елена уже кое-чему научилась, выучила несколько фраз по-русски, многое понимала, когда говорили ей. Конечно, княгине было обидно невнимание мужа, но Мономах успокоил, что это пока они в дороге:

– Не бойся, станете жить спокойно на месте, будет Гюрги ночевать у тебя в ложнице, пойдут у вас детки. Он добрый, хотя и строптивый.

Елена смотрела, широко раскрыв глаза и боясь спросить, что такое «строптивый». Надо запомнить, чтобы спросить у Жданки. Мономах догадался сам:

– Гюрги не терпит, когда не по его делают.

Это Елена уже понимала, закивала головой:

– Я делаю, делаю… по его…

– Ну и ладно, ну и молодец.

Это для Ростова просто свадебный пир, это для Мономаха женитьба еще одного сына, коих много, это для Руси брак одного из многих и многих князей, а для самих Гюрги и тем более Елены – самое важное в жизни. Вернее, оно еще не стало самым важным и теперь предстояло понять, станет ли… Князь Владимир понимал, каково это – жить с нелюбой или нелюбым. Так хотелось, чтобы сложилось у сына, ведь сноха и собой хороша, и неглупа, и нрав имеет добрый, просто Гюрги еще рано жениться.

Но Мономах ждать не мог, он задумал большое дело – собрать всех князей на половцев и прекрасно понимал, что если это удастся, то он сам может из похода и не вернуться.

Как тогда жить младшим сыновьям? Андрей еще слишком мал, чтобы для него что-то делать, а вот Гюрги уже почти взрослый.

В очередной раз задумавшись над этим, Мономах вздохнул, ничего, перемелется, мука будет. Может, и лучше, что не тронуто сердце сына любовной маетой, полюбит сразу свою женку. Так-то лучше, чем тянуться душой к одной, а жениться на другой. Только бы в Суздале все сложилось…

Елена за время пути замучилась. Как ни хорош санный путь, а все равно тряско и беспокойно. Спать надоело, возок крытый, чтоб не обдувало студеным ветром, потому ничего не видно, когда вставали на ночлег, едва распрямляла ноги и затекшую от сидения спину. Вокруг стеной стоял темный лес, лежали огромные сугробы, и казалось, никогда не придет весна, снег никогда не растает. От этого на душе у юной княгини становилось совсем тоскливо. Она слышала рассказы, что есть земли, где снег лежит всегда, так не хотелось думать, что ее везут именно туда. А как же травы, рыба в воде подо льдом, что едят звери, птицы?

Жданка успокаивала:

– Нет, и снег растает, и ручьи побегут, и трава зазеленеет, дай срок. И летом жарко будет. Просто сейчас зима.

Жданка очень старалась, чтобы ее хозяйке было удобно и та ни в чем не нуждалась. На остановках требовала, чтобы их устроили получше, нажимая на то, что княгиня молода, к долгой езде и холодам не привыкла, запросто может зане-

дужить.

Это понимали все, этого боялись, потому лучшее место всегда доставалось не князьям, а княгине с ее служанками. Но Елена не была требовательна, она стойко сносила все тяготы долгой дороги, ни на что не жалуясь, даже тогда, когда князь Владимир нарочно приходил к снохе с вопросами. Один вопрос был у Елены: почему ей тоже нельзя в седле. Мономах смущался, как сказать, что это не принято на Руси, к тому же молодая еще, может себе что повредить женское, как бы потом не жалеть.

Однажды все же сказал, Елена изумленно приподняла красивую черную бровь:

– Но у нас и девушки, и женщины верхом ездят, и ничего…

– Холодно, – чуть смутился Мономах. – Даже мы часто в сани садимся, чтобы не обморозиться.

Разговаривать со снохой было трудно, приходилось звать Жданку, да и о чем говорить? Но Мономах все равно старался, прекрасно понимая, что Гюрги сейчас совсем не до жены, со своими делами бы разобраться.

Суздаль встретил своего князя порошей, сметающей снег с верхушек сугробов, звоном колокола на звоннице единственной оставшейся целой церкви и лаем немногих собак. Приезд стольких гостей, да еще и князя, конечно, был для Суздаля событием из ряда вон выходящим, все население

городка высыпало на улицы в праздничном облачении, мужики кланялись, срывая шапки с голов, но тут же выпрямлялись, с любопытством разглядывая санный поезд и самого Мономаха. Им бы на Гюрги прежде всего смотреть, но пока никто не знал, что именно этот рослый и еще нескладный отрок и есть их новый князь, потому разглядывали, оценивая, Владимира Всеволодовича.

Гюрги поразило количество большущих сугробов, словно бы на их месте когда-то были дворы и дома. Отец кивнул:

– Так и есть, не все успели новые хоромы поставить, большинство суздальцев в землянках зимует.

Вот успокоил, так успокоил! В Ростове бояре ворчат, точно псы на чужака, здесь народ в землянках. Нечего сказать, хорошо княжество…

Суздаль был маленьким, совсем маленьким, еще не отстроившимся после разорения сначала князем Олегом Святославичем, а потом вот булгарами. Но об этом Гюрги думал, только пока подъезжали, а немного погодя забыл и о размерах города, и о том, что тот за непроходимыми лесами. Все заслонил собой боярин Георгий Шимонович. С первого взгляда молодой князь понял, что перед ним настоящий наставник, у которого все в порядке, на все есть ответ, и что и как делать, он знает.

И сам тысяцкий тоже понял, что это его подопечный, хотя разговора с князем Владимиром пока не было. Но вот посмотрел Шимонович на Гюрги и нутром почуял, что с этим

долговязым отроком, только что ставшим взрослым (скорее по названию, чем по сути), ему придется возиться, наставлять, ругать, воспитывать.

Георгия Шимоновича уже предупредили, что князь сыновей везет, все приготовил к встрече, были и столы богатые накрыты, и банька вовремя истоплена, и для ночлега приготовлено.

Навстречу дорогим гостям спустился с крыльца не только Георгий Шимонович, но и его наложница-половчанка, крещенная Марьей. Поклонилась, как полагается, поднесла чарку на блюде, облобызалась с Мономахом. Князь с усмешкой глянул на боярина: ишь какова! Тот также взглядом ответил, мол, вот так-то!

А красавица, скользнув темными глазами по молодому князю, но успев оценить его пока нескладную юношескую фигуру, обещавшую стать весьма крепкой, направилась к повозке, в которой ехала Елена. Княгиня, услышав родную речь, рот раскрыла от изумления. Вот радость-то! Обнаружить в далекой заснеженной, укрытой от людских глаз непроходимыми лесами земле половчанку, да еще и при боярине! Елена почувствовала, как камень свалился с души, взрослая, опытная женщина, да еще и почти своего рода, могла стать прекрасной наставницей. Так и получилось, Шимонович наставлял Гюрги, а его наложница-половчанка – молодую княгиню.

– Как ты тут? – Мономах обвел взглядом окрест терема, хотя было понятно, что имел в виду всю землю.

– Понемногу, – развел руками Шимонович, и Юрий ему не поверил. Понемногу здесь не было, двор вычищен, везде порядок, даже на подъезде чувствовалось, что живет хозяин. И приткнуться к такому как-то надежно и спокойно. На душе заметно полегчало…

Зато немного кольнуло ревностью у самого князя Владимира, уж слишком явно сын спешил под опеку боярина. Но разумный Мономах себя переборол, сам же решил этого сына сюда привезти, чего ж теперь к кому-то ревновать.

– Георгий Шимонович, поговорить хочу с тобой о князе молодом.

Боярин чуть усмехнулся в усы:

– Спешен тот разговор? Чаю, не ноне ехать дальше собрался или в Киев возвращаться, князь Владимир Всеволодович? Может, банька сначала да за стол, а там и беседа легче пойдет?

Конечно, так и сделали. Но прежде убедились, что пристроена юная княгиня. Это оказалось легче, чем думали, ею с удовольствием занялась наложница боярина. Узнав о такой удаче, Мономах даже порадовался:

– Вот и славно, так хорошо получается. А то Гюрги по-половецки ни слова, а женка его по-русски – лишь чуть.

Шимонович улыбнулся:

– Да нужны ли слова мужу с женой? Ничего, привыкнет

и говорить научится.

Глядя, как о чем-то разговаривают два сына, оглядывая двор и терем, Мономах чуть вздохнул:

– Не рано ли женил да в князья определил? Вот о том и хотел речь вести, Георгий Шимонович.

Тот снова усмехнулся:

– Догадываюсь. Не бойся, князь, не обидим твоего сына, в обиду ростовским боярам не дадим, и что сам знаю и разумею, всему научу.

– Спасибо тебе, Георгий. Уж не знал, как и подступить с таким разговором.

– Да чего уж там, банька готова, после договорим, Владимир Всеволодович.

После знатной баньки долго сидели за столом, отведывая то одно, то другое. Мария на правах хозяюшки сначала потчевала дорогих гостей, потом ушла на женскую половину к Елене.

Князь Владимир Мономах с Георгием Шимоновичем долго вели беседу наедине, обговаривая и обговаривая, как воспитывать юного князя, как быть с ростовскими боярами, как поднимать Ростово-Суздальское княжество… Снова и снова убеждался Мономах, что доверяет сына разумному наставнику, что не допустит Шимонович, чтобы Гюрги бездарно прожил в Суздале, хотя бы и два года, постарается заинтересовать его не только ратными заботами, но и хозяйственны-

ми. Понимал отец, что это очень важно не только для Ростова и Суздаля, но и для всех княжеств Руси.

– Здесь земли не просто богатые, а сверх меры богатые, только взять то богатство не всякий может. И есть у тутошней землицы то, чего нет у Новгорода да северных земель, чего, может, и у южных нет тоже – черная она. Такая, что родить может хлебушек сполна, только не ленись, ухаживай за ней. И пахотных земель много, разве что сорной травой заросшие. Траву выводить все же легче, чем сводить лес.

Князь, слушая наставника своего сына, смеялся:

– Ты, я гляжу, Георгий Шимонович, знатным хозяином стал.

– Да какой же я хозяин, когда у меня тут и деревеньки нет?

– Дам. Выбирай какие.

Боярин недоверчиво покосился на своего князя:

– Это как?

– А так. К каким местам больше душа лежит?

Рука Шимоновича полезла обычным русским жестом в затылок:

– Дак…

Мономах расхохотался:

– А тебя варягом обзывают! Вон, как простой суздальский мужик репу чешешь.

Шимонович смущенно шмыгнул носом:

– С кем поведешься.

– Так какие земли тебе любы?

– По Нерли. Хороша больно землица, красиво… спасу нет!

– Значит, по Нерли и получишь. Скажешь, какие деревеньки любы, а позже летом приеду, посмотрю, как ты на своей земле распорядился. Ежели с толком, то добавлю.

Сказал и с хитрецой вгляделся в лицо тысяцкого – на что больше отреагирует. Тот фыркнул:

– Чего это – без толку? Да я уж все про то, как хлеб растят да убирают, знаю!

– Верю, верю.

– Только вот все голову ломаю: где людишек на ростовские земли брать? Даже если полон привести, он же работать не станет, только под плетью, а чтоб хозяином землицы себя почувствовать да рачительным хозяином, того не будет. И из южных княжеств приманивать тоже не след, там своих мало.

Мономах прекрасно понимал, что чуть хитрит Шимонович, ждет, чтоб разрешил из Переяславльской земли к себе принимать. Но такому разреши, он через десяток лет и сам Переяславль пустым оставит. Схитрил и князь, не ответил, вернее, ответил, но не про то, чего ждал Шимонович.

– А чем приманивать собираешься? Тут снега дольше лежат, новые поля распахивать надо…

Боярин попался на хитрость, стал говорить о помощи, которая новым поселенцам в первые годы нужна, что нужно не брать с них мытного два-три года вовсе, напротив, помочь в складчину купить лошадь, отсеяться, а уж потом вернут сто-

рицей.

Мономах слушал наставника своего сына и дивился: Шимонович словно повторял его собственные мысли. Хорошо бы и Гюрги такие же внушить, да пока у княжича скорее недовольство из-за своего будущего княжения. Шимонович на эти слова Мономаха спокойно ответил:

– Молод он еще, Владимир Всеволодович, откуда таким мыслям взяться. Ничего, повзрослеет, а мы постепенно приучим…

Князь был доволен, не ошибся он в выборе наставника для своего сына, лучше и не найти.

И еще одно великое дело (он даже сам не подозревал, как это дело в веках отзовется) сделал Владимир Мономах в Ростовской, а вернее, Суздальской земле. Заложил в небольшом селе на берегу Клязьмы новую каменную церковь Святого Спаса и повелел ставить град и насыпь вокруг него, назвав своим именем. Так был основан город Владимир Залесский, при сыне Юрия Владимировича, Андрее Боголюбском, ставший не просто большим градом, но и центром теперь уже Владимиро-Суздальского княжества. Туда через полсотни лет перенесет свою столицу князь Андрей Боголюбский.

Если честно, то Гюрги не мог этого понять, к чему среди сугробов и вдали от других городов ставить новый град? Был бы на широкой реке, вон как Ярославль, тогда ясно, а так кому в сем граде садиться? Спросил у отца, тот кивнул:

– Подумал об этом. В Переяславле немало есть тех, кому уже невмоготу рядом с половцами жить, чую, вот-вот с места поднимутся и куда-нибудь утекут. Да многие уходят… А куда? Садятся недалече в черниговских землях. Святославичам пополнение, а нам – разор. От меня все одно уйдут, трудно рядом со степняками, так пусть лучше к тебе придут. Буду сюда переселять, помогу перебраться, а как придут, вы уж тут помогите. Вот будет и вам народец. Иного пути не вижу, полона вам не взять, да и полоняники – плохие насельцы, лучше своих, русских брать. Понял ли?

Гюрги кивнул:

– Понял.

– Здесь землицы отменной много, не жалей, позволяй косить да хлебушек растить. Надо еще подумать, как землю давать, чтоб она княжьей оставалась, но и в руки переселенцев надолго уходила. Если человек знает, что он на земле всего на год-другой, он так и ходить за ней станет, а вот если будет знать, что детям да внукам оставить должен, тогда другое дело.

Мономах чуть помолчал, а потом добавил:

– Но в город вам больше мастеровых присылать стану, чтобы свои ремесла были, не только ратаи. Не возить же горшки да бочки издали, своих горшечников да бондарей иметь надо. Да всех мастеровых своих. Следи, чтобы и у строителей все время ученики были, пусть помогают и учатся сразу. Ох, тяжкую ношу я на тебя, сын, взваливаю, но ина-

че нельзя. Руки чешутся самому здесь все поднимать, да никак, если я от Киева уйду, снова свара меж князей начнется, тогда никакие леса да болота от набегов не спасут, не уберегут. И некого мне, кроме тебя, здесь сажать. Запомни, Гюрги, за этой землей будущее, поставь новые города, охрани границы, насели людьми – и потомки тебе спасибо через много лет скажут. Земля богатая, эти богатства только взять надо умеючи и охранять тоже.

Гюрги слушал внимательно, перебивать или свое слово говорить и не мыслил сначала, и вдруг его точно прорвало:

– Я мало что знаю здесь, отче, да только мыслю, что тутошнее богатство иное, чем у Новгорода или Киева. Здесь землей брать надо, раз хлеб растет на ней отменно, так и пусть хлебушком да овсом живет княжество.

Князь даже с некоторым изумлением уставился на сына. Вот те на! Только что был мальчишкой-несмышленышем и вдруг рассуждает, точно государственный муж. Хмыкнул:

– Сам придумал или у кого услышал?

Гюрги чуть смутился:

– Что услышал да на ум взял, а до чего сам додумался. Шимонович верно говорит, меха у всех есть, у Новгорода – тоже, а хлеб не у всех хорошо растет. И если может Суздаль с Новгородом хлебом торговать, так и должно это делать.

Когда это он успел такие разговоры с Шимоновичем вести? – подивился Мономах, сердце снова кольнула легкая ревность, но князь взял себя в руки, порадовавшись, сколь

толкового наставника сыну выбрал.

– Взрослеешь, Гюрги, на глазах. Вставай на ноги, сколь смогу – помогу. И навещу скоро.

Недолго пробыл в Ростове князь Владимир Мономах, все же своя земля стояла без присмотра, а там половцы рядом, скоро весна, снова ждать их нападок. Можно женить всех княжичей и князей на половецких княжнах, а дочерей выдать замуж к степнякам, но всегда найдутся ханы, не породнившиеся с русскими, да и те, кто породнился, своего не упустят. Вон у Святослава тесть, Тугоркан, еще как набегал на Киев, так что и сам голову сложил от русского меча. Кроме того, надо было успеть вернуться до ледохода и оттепели, иначе потом дороги так развезет, что не обрадуешься.

Перед отъездом снова сидели за разговором князь Владимир с боярином Георгием.

– Мыслю, то худо, что нынче здесь князь, а завтра в другой земле. Потому и не стремятся князья свои земли обустраивать. Надо, чтобы привязан был на всю жизнь, чтобы знал, что детям оставит, внукам, чтобы для них старался, а не только для себя. Тогда и будут все беречь свою землю да своих смердов, а не драть с них три шкуры, потому что скоро к другим.

– Согласен, только как это сделать? – вздохнул Мономах. – Как Киевский стол к следующему князю переходит, так и снова круговерть начинается. Удалось мне и при Свя-

тославе Ростовскую землю удержать, но только потому, что отказался я от распри за Киев и Чернигов уступил без свары. Святослав и Олег Всеволодович мне вроде как обязаны, а что дальше? Святослав недужен часто, кто за ним?

Мономах, задумавшись, смотрел на пламя свечи, чуть колебавшееся от его вздоха. Немного помолчали, потом князь снова посетовал:

– По уму бы Всеволоду сесть, да только мыслю, не пустят его киевляне. Святослав сколько сидит, столько свои закрома набивает, о горожанах и вовсе забыл, только и тащит к себе в сундуки, словно и на тот свет готов все утащить. Гориславичей в Киеве терпеть не могут, чуть подтолкни – и пойдет смута по Киеву.

Шимоновичу очень хотелось сказать: «Ну и подтолкнул бы!», ведь киевляне, да и не только они, явно хотели бы себе Мономаха. Но князь вдруг продолжил:

– Не хочу я того.

– А если после Святослава тебя крикнут?

Умен Шимонович, ничего и объяснять не нужно, сидит далече от Киева, а все понимает.

– На противостояние с Всеволодом не пойду, как не пошел с его отцом. Негоже ради своей корысти Русь в свары сталкивать. Единой она должна быть, а не розной… единой. Иначе погибель, по отдельности всех побьют, и самых слабых, и самых сильных. Столько лет уже не могу князей вместе собрать против половцев. Один бы раз собрались без за-

знайства друг перед другом, вместе побили степняков, чтоб много лет потом жить спокойно.

– С тем, что бить надо, согласен. И что вместе – тоже согласен. А вот можно ли их на много лет побить, им же ровно числа нет, одного убьешь, два взамен нарождаются и сразу с саблей в руках и на коне.

Мономах невесело рассмеялся в ответ на удачную шутку Шимоновича.

– Да уж, они точно как грибы после дождя. Да только нам иного пути нет – только объединяться и бить сразу всех. Хоть какое-то время поутихнут. Хорошо хоть вам здесь спокойней.

– Да здесь грабить некого, не то давно бы нашлись те, кто спокойствия лишил.

– И все равно надо людишками земли населять, без них к чему и земля… Тебе волю даю, княжьим именем дело делать станешь, но своей мыслью. Гюрги учи, пусть привыкает, что это его земля, навечно его, пусть мыслит себя суздальским князем. Бояр ростовских пока не трогайте, сил маловато, после разберетесь. Я тоже мыслю, что князь должен долго на одной земле сидеть и своим сыновьям ее оставлять. Будь моя воля, так и было бы…

Самый младший из сыновей Мономаха, Андрей, так умаялся во время этой поездки, что не чаял, когда обратно до дома доберется. Главный вывод, который сделал для себя

мальчик: жениться не стоит, потому что приходится сидеть дурак дураком на виду у всех и делать вид, что ты рад. Андрей точно знал, что Гюрги только терпел все это, тоже желая, чтобы скорей кончилось. А кто виноват во всем? Конечно, эта девушка, которая сидела рядом с братом! Елену Андрей уже не любил, она грозила отобрать у него любимого Гюрги.

И только когда Гюрги подтвердил, что ни за что не променяет брата на жену, Андрей успокоился. Почти успокоился, он все равно ревниво приглядывался к Гюрги и старался как можно больше времени проводить с ним. Именно ревнивое разглядывание позволило Андрею заметить то, чего не видел Гюрги. Не видел просто потому, что жена для него была чем-то вроде многочисленной челяди, крутившейся во дворе, есть и ладно.

Перед самым отъездом Андрей, прощаясь со старшим братом, вдруг шепнул:

– Твоя женка на мать нашу похожа…

Гюрги, которому мать была очень дорога, возмущенно фыркнул:

– Вот еще!

Братьев отвлекли, разговор был до поры забыт… Сам Гюрги напомнил Андрею другое:

– Нашу клятву не забыл ли?

– Помню, как забыть. Всегда верен буду.

– Со мной бы остаться…

– Не, отец сказывал, как приедем, в дружину возьмет, – глаза мальчика блестели. Конечно, переход от женского воспитания к отцовскому всегда важен и для ребенка крутой поворот в жизни. Переживания по этому поводу заслонили для Андрея даже мысли из-за разлуки с братом.

После отъезда отца Гюрги на время останется в Ростове, а вообще-то он будет больше времени проводить в Суздале, потому и княжество станет зваться Суздальским. Не имея возможности открыто бороться с ростовскими боярами, как и новгородцы, не желавшими подчиняться князю, Юрий Владимирович просто перенесет место своего стола в Суздаль (а его сын Андрей Боголюбский – и вовсе во Владимир).

Началось такое «переселение» с… дружины. В этом тоже был свой расчет, посоветовал Шимонович:

– Владимир Всеволодович, у Ростова своя дружина сильная, а у Суздаля только моя сотня да ополчение. Суздаль поднапрягся бы, да и свою дружину содержал, только как на то ростовчане посмотрят?

– А нужна Суздалю своя дружина?

– А то как же? Думаешь, одним знанием, что в Ростове князь отныне сидит, булгар испугаешь? Пока до Ростова дойдет, пока там расчухаются, Суздаль и округу снова пожгут. А будь и здесь дружина, не полезли бы.

– Это я понимаю, но не могу же я у Ростова дружину от-

нимать, чтобы тебе отдать.

Шимонович даже руками замахал:

– Упаси бог! Не нужна мне ростовская дружина, пусть себе. Я свою содержать буду, только чтобы Ростов не мешал.

– Ну и что ты советуешь?

Глаза боярина хитро прищурились, видно, успел подумать об этом:

– А ты либо ростовскую дружину себе потребуй, либо предложи Суздалю самому содержать. Только меня не поминай, я ростовским боярам точно кость в горле.

– Ну ты и хитер! Ладно, будь по-твоему.

Ростовские бояре и впрямь взвыли, только услышав о том, что дружину, ими вскормленную и вооруженную, нужно князю отдать:

– К чему это?!

Мономах был спокоен:

– Гюрги Владимирович у вас князем остается, а как князю без дружины?

Ну, молодого Гюрги бояре еще были готовы терпеть, но отдавать ему свое детище… Послышались разрозненные, не слишком уверенные возражения:

– Да если будет нужно…

– Мы дружину выведем…

– В дружине свой воевода есть…

Князь усмехнулся:

– Да то ростовская дружина, которая лишь Ростов и защи-

щать станет, а Гюрги нужна своя, чтобы и к другим городам никого не пускала.

Бояре прекрасно понимали, о каком именно городе ведет речь Мономах, но как же не хотелось соглашаться, чтобы ростовские дружинники еще и за пригород свои жизни клали! Мономах тянуть не стал, предложил:

– Ну, тогда Суздаль свою дружину для защиты заведет и кормить станет.

– Ну да? – усомнился кто-то из бояр. – Это сколько ж деньжищ надо!

– Суздаль согласен, да и я свои княжьи тоже дам. Ростов не трону, пусть свою сам содержит.

– А коли сами содержать будем, так и сами распоряжаться!

Бояре попались в поставленную ловушку. Мономах вроде даже сокрушенно развел руками:

– В том ваша воля. Княжья дружина будет в Суздале, ежели вам понадобится, позовете, Ростов – моя земля, потому всех защищать станет. Ну, и князю придется в Суздале часто бывать.

И это пришлось по душе ростовчанам, им князь на своем подворье не слишком нужен, без него как-то вольготней. Пусть себе сидит в Суздале при Шимоновиче, лишь бы Ростову не мешал.

Получалось, что все по боярской воле сделано, но даже Гюрги понимал, что отец просто подвел бояр к такой воле,

они решили, как князю было нужно. Георгий Шимонович шепнул:

– Учись, Гюрги, как надо людей заставлять делать по-твоему, но так, чтобы они думали, что делают по-своему.

И вот уже, как ни оттягивали этот миг, сани, увозившие князя Владимира и младшего из его сыновей, Андрея, выезжали из ворот. Конечно, Гюрги отправился провожать сколько можно, но не до Ярославля же. Немного проехали, встали, Мономах вылез из саней сказать последнее слово напутствия сыну.

– Сердце болит, Гюрги, что тебя здесь оставляю, но ты князь, здесь ли, в другом ли княжестве, все одно без отцовского пригляда править. Постарайся стать хозяином этой земли, а я постараюсь, чтобы она твоей была. Ежели, конечно, приживешься. Не дай бог, совсем тошно станет, пиши – заберу отсюда. И Шимоновича слушайся, он дурного не посоветует.

Глядя вслед обозу, увозившему князя с сыном и собранное полетное за этот год, Гюрги пытался понять, рад он своему княжению или боится его.

В Ростове после того пробыл недолго, у него нашелся еще один повод уехать в Суздаль, подсказал снова Шимонович: княгиня-то там… Если честно, то Гюрги попросту забыл о том, что женат, не до Елены молодому князю, только успевал головой крутить, чтобы впросак не попасть. Но за повод

уехать ухватился.

Бояре согласно закивали головами:

– Как же, как же… молодо, горячо… к женке тянет… пусть уж едет, наследник нужен…

Им было на руку отсутствие князя, пусть и совсем молодого.

Самостоятельность

На сей раз дорога в Суздаль уже не показалась такой долгой, а сам городок не таким маленьким. Жизнь начала налаживаться.

Где дружина, там и тысяцкий. Конечно, им стал Георгий Шимонович. Теперь у Суздаля был повод держать своих воев, а у молодого князя – жить в Суздале.

По широким лавкам вдоль стен степенно рассаживались суздальские бояре, это, конечно, не Ростов и тем более не Киев, где бояре кичились своей знатностью, строго следили, чтобы никто менее знатный не опередил более знатного.

Пока собирались да рассаживались, Гюрги исподтишка разглядывал своих бояр, а те осторожно косились на молодого князя. Вот степенно, важно прошествовал, видно, на свое определенное место рослый, статный бородач, шел так, словно точно знал, что там, куда он направляется, никто сесть не посмеет. По ходу он так же важно кивал уже сидевшим, вернее, не всем одинаково, чем ближе к княжьему месту, тем важнее сидевшие и тем более радушными становились кивки боярина. Еще вчера он сидел со своими знакомыми, разомлев от съеденного и выпитого, в одной рубахе, а ныне смотрит на того же приятеля свысока, потому как здесь они сидят далеко друг от дружки.

Гюрги не рискнул в первый раз толковать с боярами сам, прятался за спину наставника. Дождавшись, пока все рассядутся, Шимонович встал и обвел бояр строгим взглядом.

– Князь Владимир Всеволодович назвал князем Ростовским своего сына Гюрги Владимировича, про то вам напоминать не надо… Ежели хотите, чтобы молодой князь сидел в Суздале, значит, надо раскошелиться.

Наставник князя не стал вести долгие речи, потребовал сразу в лоб, не давая опомниться. Не успели бояре крякнуть да затылки под шапками поскрести, как Шимонович продолжил:

– Чаю, желаете, чтобы князь Суздальским был, а не Ростовским? – глаза наставника смотрели на бояр с хитрецой. Конечно, он рисковал, что кто-то перескажет сии речи ростовским лучшим мужам, но Шимонович с ростовчанами и так не в ладу, одной обидой больше, одной меньше… – Но князю дружина нужна, без нее никак. Будет дружина в Ростове, будет и князь там. А…

И без слов было понятно, что речь идет о содержании своей дружины. Бояре переглядывались меж собой, потом несколько неуверенно стали приговаривать:

– Так-то оно так… только как же…

– Что вам дороже, спокойствие или куны? – нахмурил брови Шимонович.

– А сможет ли та дружина защитить?

– Это смотря какая дружина будет. Коли на сотню-другую

денег дадите, то только от мелких воров и спасет, а коли будет крепкой, так и от булгар оборонит.

Суздальские бояре хоть и скрепя сердце, но на дружину и еще на многое денег дали. И сами суздальцы согласились на увеличение поборов: ежели на дело, а не кому в сундук, так отчего ж не заплатить. Все сошлись на одном: на толковое дело ничего не жаль, а пояса затягивать – не привыкать. Если дружина от разора оборонит, какой вон от булгар случился, так лучше ей заплатить и жить спокойно, чем возвращаться к горелым останкам своих домов.

И на строительстве каменного храма помогали, чем могли. До возведения стен, конечно, никого не допустили, но яму для основания рыли дружно, даже меж собой соревнуясь, кто больше да лучше. И после камни таскали, убирали лишнее, деревья рубили какие скажут. Нашлись среди суздальцев и те, кто не просто в помощники пошел к переяславльским мастерам, привезенным Мономахом, но учиться стал. Не все сдюжили, у кого разума не хватило, у кого терпения, но были и толковые, схватчивые.

И княжий клич поскорей поставить новое жилье взамен горелого тоже поддержали дружно. Пока все было сугробами прикрыто, еще ничего, а как снег сошел, гарь наружу вылезла, совсем тошно стало. Суздальцы бросились расширять свои владения за счет не вернувшихся после пожара соседей, да еще прирезать, сколько место позволяло.

Постепенно Суздаль расширился до самой Гремячки, а

Юрий задумал и стену поставить по ее берегу, чтобы не только мыс у Каменки огородить. Рядом со «старым городом», не раз горевшим, стал расти новый – острог, куда больше прежнего.

Строительство так увлекло молодого князя, что о Ростове приходилось напоминать. Если бы не Шимонович, и вовсе там не показывался. Но умный наставник понимал, что нельзя так пренебрегать стольным градом княжества в пользу пригорода. Как ни лежит душа к Суздалю, Ростов забывать нельзя. Потому снова и снова заставлял ездить в город и даже встречаться с боярами.

Уже строился княжий двор, но пока его не было, Гюрги с Оленой все еще жили в тереме Шимоновича, вернее, каждый сам по себе, княгиня с Марьей, а князь под боком у наставника. Пришла весна, а за ней и весенние хлопоты…

Они сидели, обсуждая завтрашнюю поездку по округе, когда услышали шум, возбужденные людские голоса и птичий ор.

На дворе шум и гам, из общих выкриков особенно выделялись визгливые голоса двух баб. Гюрги испуганно оглянулся на наставника:

– Чего это?

Шимонович уже по голосу понял, кто явился, едва сумел сдержать улыбку, только кивнул:

– Видно, с чем разбираться пришли. Пойдем, князь, посмотрим.

– С чем разбираться? Кто?

– А бабы. Одна другой волосья повыдергала, вот и притащились княжий суд просить.

– Это что, я бабьи ссоры разбирать должен?

– Нет, но этих придется. Да и любопытно взглянуть. Бобриха к тебе всякую неделю ходить будет, ей неймется с кем-нибудь повоевать. Ох и баба, была бы не в юбке, хоть воеводой ставь! Пойдем, пойдем, посмотришь, каковы тут бабенки.

Во дворе шумели далеко не только бабы, толпа запрудила двор тысяцкого немалая, мужики тоже, видно, собрались поглазеть. Гюрги сначала хотел возмутиться, что пускают на княжий двор кого ни попадя, но потом вспомнил, что двор не княжий, а боярский и он здесь не хозяин. Нужно строить свой, только как это сделать, где взять мастеров, как распорядиться, откуда деньги, наконец. Вздохнул и отправился вслед за Шимоновичем разбираться с бабами. Не хозяин он пока здесь, ох, не хозяин, и как таковым стать, не ведает.

«Ладно, стану, всему свое время», – решил Гюрги.

А посмотреть действительно было на что. Впереди остальных, уперев руки в бока, стояли две бабы, являвшие полную противоположность одна другой. Одна была высокой и почти тощей, с крючковатым длинным носом, такой же длинной шеей, которую не могли закрыть никакие воротники, у нее было длинным все: руки, ноги, нос, шея и, кажется, язык тоже. Вторая – низенькая, толстенькая, переваливающаяся,

как кубышка, шеи не видно вовсе, пухлые руки уперты в такие же пухлые бока, теряясь в складках то ли одежды, то ли собственного жира, курносый красный нос терялся в красных же щеках. Толстуха полыхала от возмущения, казалось, плюнь – зашипит, а тощая и шипела, разбрасывая вокруг капли яда. Низенькая едва доходила до плеча своей противнице, но готова была уничтожить ее!

Гюрги с трудом удержался, чтобы не расхохотаться. Но не успел. Завидев на крыльце Георгия Шимоновича, бабы завопили в два голоса, пытаясь оттеснить друг дружку боками. Что-то разобрать в этом визге оказалось невозможно, еще чуть-чуть, и Гюрги просто беспомощно оглянулся бы на боярина, но тот опередил, подняв руку:

– Теперь у вас князь есть. Юрий Владимирович разбираться станет, не я.

Спорщицы, на мгновение примолкнув, тут же заорали с новой силой, даже уши заложило. А остальной люд с любопытством уставился на молодого князя. Гюрги на мгновение замер, он никогда не оказывался вот так перед толпой, любопытно взирающей и ждущей его веского слова. Еще миг, и Гюрги просто смешался бы, но тут что-то взыграло внутри, и неожиданно, даже для самого себя, юный князь поднял руку и гаркнул, перекрывая даже галдевших баб:

– Тихо!

Мелькнула мысль: только бы голос не сорвался на петушиный крик. Нет, не сорвался, напротив, вышло громко и

почти басисто.

От неожиданности притихли все, а тысяцкий сзади довольно усмехнулся. Гюрги зачем-то повторил, но уже спокойней:

– Тихо!

Окинул взглядом толпу, вычленив в ней впереди пару спокойных, явно разумных мужиков, и обратился к одному из них:

– Расскажи ты, в чем спор?

– Я?

– Ты, ты. Знаешь суть дела?

– Да знаю… – кивнул здоровенный детина с пудовыми кулачищами и густой бородой. – Бабы меж собой улицу не поделили. Одна другую задела ли, толкнула ли, бог весть, только сцепились, точно полоумные…

Договорить не успел, теперь бабы накинулись на мужика. Оскорбления вроде «полоумных» простить было невозможно, забыв о сваре между собой, товарки объединились против обидчика. Еще чуть – и у мужика борода полетела бы клочьями. Почувствовав такую угрозу, он поспешил спрятаться от разгневанных бывших противниц, а теперь союзниц, юркнув в толпу. Стоявшие тут же сомкнулись, под грянувший хохот обе бабы старались высмотреть своего обидчика среди людей. Та, что пониже, поднималась на цыпочки, а высокая просто тянула и без того длинную шею.

Это было так смешно, что Гюрги не сдержался, расхохо-

тался во все горло. За ним последовал и Георгий Шимонович. Теперь смеялись уже все – и во дворе, и на крыльце. Зачем-то обернувшись в сторону, Гюрги заметил, что смеется и выглядывающая в окошко его княгиня. От неожиданности князь вдруг замолчал. Елена не видела, что муж смотрит, она с интересом разглядывала подпрыгивающую толстуху, а сам князь свою жену. Княгиня хороша, она уже научилась носить русские наряды и кику с платом, красивые узорчатые колты не болтались как попало, напротив, выгодно оттеняли нежный румянец щек и удлиненные глаза…

Хм, хороша… Пухлые губки чуть приоткрылись, обнажив белые ровные зубки, черные глаза лукаво блестели… Она обернулась, отвечая кому-то рядом, видно, своей служанке. Из-за шума на дворе Гюрги не слышал слов, да и от самой княгини его тоже отвлекли. Тысяцкий напомнил, что не мешало бы разобраться в деле.

Гюрги вдруг тоже озорно сверкнул глазами, поднял руку, призывая к вниманию. Снова мелькнула мысль о голосе – чтобы не подвел, сорвавшись на петушиный писк. Не подвел, прозвучал снова басовито и важно.

– Бабьи свары разбирать, некогда и дельным заниматься будет. Отныне так: коли бабы меж собой ругаться станут, наказывать буду обеих, не смотря, кто прав, а кто виноват.

Обе спорщицы мгновенно обернулись к князю и уставились на него широко раскрытыми глазами:

– Это как?! И невиновную тоже?!

– А которая из вас двоих виновная?

– Она! – пальцы женщин немедля ткнулись друг в дружку.

– Вот то-то и оно, что среди спорщиц ни правых, ни виновных нет. Потому и наказывать надо обеих.

До толстухи дошло скорее, чем до ее тощей подруги, снова уперла руки в пышные бока:

– А наказывать-то за что, ежели обе правые?!

– А за то, что столько людей от дела оторвали, заставили с вами разбираться и к князю приходить. Вот вам мой сказ: за любую свару на рынке или на улице прикажу пороть прилюдно!

– А ежели за дело?!

– Какая свара может быть за дело?

– Ежели кто и впрямь виноват?

Народ притих, слушая, как отвечает языкатой Бобрихе молодой князь. Гюрги понял, что это ему вроде испытания получилось, рассудит толково – будет у него авторитет.

– А если виноват, то надо идти на княжий суд, только не вот так толпой и с криками, – Гюрги кивнул на стоявших в полной тишине людей, – а как все остальные. И объяснить, в чем вина, видоков позвать, толково сказать, чего требуешь. – Он еще раз обвел взглядом толпу и добавил: – Надо, чтоб все по «Правде» было, а не кто кого переорет. Все, ежели не помиритесь, приходите в день суда. Но ежели вину у обеих найду, обеих и выпороть велю!

Народ загалдел, соглашаясь с князем.

– А ведь верно говорит князь.

– Да… чего же орать зря и людей от дела отвлекать?

– Кто тебя отвлекал? Сам небось попер на боярский двор поглазеть да послушать.

– А сам-то не так?

– Все так. Но прав князь, негоже из-за свары двух баб свои дела бросать.

Гюрги решил, что достаточно обсуждать, снова возвысил голос:

– Коли все согласны, то нечего столбами стоять, небось не бездельники.

Кто-то из молодых решил показать удаль перед любушкой, задиристо возразил:

– А ежели кому и впрямь делать нечего?

И снова толпа, собравшаяся расходиться, притихла, прислушалась.

– Кому там нечего делать? Подходи, мы с Георгием Шимоновичем вмиг найдем, у нас работы невпроворот. Топором махать али заступом… или вон камни таскать… Ну, где ты, бездельник?

Толпа хохотала уже над незадачливым шутником, забыв про баб, а тот смущенно отнекивался:

– Да я чево… у меня работа есть…

– Чего же стоишь, точно лодырь последний?

Расходились быстро, каждому вдруг стало стыдно просто так терять время.

Шимонович с задумчивым интересом смотрел на Гюрги. Вот тебе и дитя несмышленое…

Конечно, Ростов куда больше Суздаля, хотя с Киевом его не сравнить. Мономах и здесь заложил церковь каменную, и теперь строители словно соревновались меж собой, кто быстрее и лучше сработает. Гюрги Владимирович делил свое время между Суздалем и Ростовом, куда наставник его одного не отпускал.

Но на сей раз князь с наставником отправились на торжище, по воде уже пришли купеческие караваны. Были они куда скромнее киевских, все же Днепр давно стал гостинцем всей земли Русской, как и Новгород, а Ростову до того еще расти и расти. Но все равно на торжище есть на что посмотреть…

В любом городе, где есть торг, его легко найти по шуму. Точно пчелиный рой вылетел, людские голоса угадаешь лишь по отдельным выкрикам, остальное сливалось в единый гул. А глухому можно найти по запахам. Чем только не пахло на торжище! С одной стороны несло выделанными кожами, с другой – благовониями, которые сами восточные купцы сюда не возили, пока невыгодно, но перекупщики доставляли, пахло рыбой, копченьями из мясного ряда, стоял аромат лета от возов с сеном и вызывающий прилив слюны запах пирогов от лотков ловких хозяек, понимающих, что проголодавшийся мужик, да еще и выручивший денег за

проданное и учуявший вкусный запах, не удержится и купит себе пирог-другой… От запахов и впрямь слюнки текли, даже Юрий с Шимоновичем, вроде не голодные, и те взяли по пирогу с зайчатинкой. Хозяйка не хотела брать денег с князя, но Гюрги возмутился:

– Мои куны тебе не нравятся?

Толстая тетка замахала руками:

– Что ты, князь, что ты! Кушай на здоровье!

Пироги оказались вкусными, князь и тысяцкий похвалили вслух, тут же вокруг торговки собрались желающие и себе попробовать вкусных пирогов. Торговля у тетки пошла так бойко, что та даже спешно отправила мужа за добавкой.

– А пойдем, Юрий Владимирович, я тебе еще что покажу, – вдруг позвал Шимонович князя в рыбный ряд.

Вкуснейший запах копчености забивал даже рыбный дух. Здесь тоже торговля шла бойко, рослый детина торговал маленькой копченой рыбкой.

– Смотри, князь, такая рыбка – ряпушка – только в одном озере водится, в Клещине.

Услышав эти слова, детина обрадовался, точно получил какой подарок:

– И правда, нигде такой вкусной нет! Попробуй, княже.

Юрий взял небольшую рыбешку, попробовал. Отказаться от такого удовольствия было просто немыслимо.

– А в Суздаль привозить можете?

– Да мы всюду можем, куда скажешь.

Договорились и об этом…

Шимонович напомнил, что надо привезти подарки своим любушкам. У него самого женка родами померла, жил с Марьей как с наложницей, мысля жениться. Половчанка оказалась доброй мачехой его детям, потому тысяцкий был спокоен, даже когда оставлял их под ее присмотром.

Юрий подумал, что и своей женке привезти что-то должен, только что? Кто знает, что нужно этим женщинам? Да еще и выбирать надо среди шумливых баб, которые, стоило появиться молодому князю, поглядывали больше на него, чем на сами товары. Те, что помоложе, так и стреляли в него глазками, улыбались, стараясь обратить на себя внимание.

Князь сначала смутился, но довольно быстро опомнился и стал разглядывать молодок даже с интересом. Вот это Шимоновичу уже не понравилось. Дома своя женка молодая, к которой Гюрги уже столько времени ни ногой, наставник даже беспокоиться начал, что князь девками не интересуется вовсе, а он вдруг стал на чужих заглядываться. Тысяцкий решил расспросить Марью, может, у Олены что не так, что Гюрги к ней столь холоден. Наверное, не так, ведь интересуется же Гюрги вон ростовскими красавицами…

Ох, беда, беда, что княжичей приходится на чужеземках женить. Но с другой стороны, Марьюшка вон – тоже половчанка, а как горяча, не всякой ростовчанке до нее дотянуть. Не в телесах и белизне кожи дело, значит, надо чтобы Марья свою подругу научила чему следует, чтобы не глазел князь

смолоду по сторонам.

Не знал Шимонович, что это будет всегдашней бедой то ли княгини, то ли самого князя – Юрий Владимирович Долгорукий всегда будет заглядываться на женок и наложниц иметь тоже.

А тогда они выбрали по совету оказавшейся рядом знакомой Шимоновичу боярыни аксамитовых тканей для нарядов своим красавицам, потом выбрали серебряные наручи с самоцветами, тут уже Гюрги выбирал сам, прикупили колты с красивыми узорчатыми подвесами. Князь взял бы еще много чего, да не знал, понравится ли Олене, а потому сдержался. Да и Шимонович сказал, что серебро у своих суздальцев красивое купить можно.

Сказал тихо, чтобы кто из ростовцев не услышал да губы не надул. Каждый из городов считал князя своим, а потому ревниво относился к его словам «мои» и «наши». Это боярам Гюрги Владимирович со своим наставником только мешал, а простой люд был рад увидеть князя, молодого, красивого, взрослеющего прямо на глазах. Не у одной ростовской красавицы щеки румянцем залились при виде княжьего румянца, а сердечко забилось при виде его внимательного взгляда. Как жалели ростовчанки, что женат князь, да еще и на половчанке.

На торжище невольно оказались свидетелем воровства, вернее, того, как охала обворованная торговка. И уворовали-то немного, но уж больно обидно показалось торговке,

что увели у нее куны, пока на князя заглядывалась.

К кому обращаться за защитой, как не к нему, ежели он рядом? Окружающие притихли, ожидая, как рассудит князь. Юрий чуть призадумался, потом поинтересовался, сколько украли. Торговка назвала явно больше, чем было в действительности, ее лживость выдавали забегавшие глазки, но князь кивнул, доставая куны:

– Возвращаю тебе украденное сполна, хотя ты сама виновата, что ротозейством занималась. И столько же дам тем, кто мне воришку приведет.

Народ ахнул, а Юрий чуть с хитрецой добавил:

– Украденное сам с воришки возьму. А тебе велю сходить к попу, покаяться во лжи.

Последнее было сказано уже совсем тихо, только для торговки. Баба заволновалась:

– Княже, вот, нашла часть денег-то. Прости уж, вполовину меньше украл, получается.

– Угу, – кивнул князь, спокойно принимая куны обратно.

Воришку привели мальцы в тот же день, но Юрию было некогда, уезжал по округе, отмахнулся от такой мелочи. Куны у вора были не все, потому мальцы получили куда меньше, чем должны бы, им и так хватило на сласти, но осадок остался нехороший, ведь ждали обещанного… Юрий об этом и не вспомнил бы, да Шимонович напомнил:

– Неверно думаешь, Гюрги. Запомни: твои люди должны

безоговорочно верить твоим угрозам и обещаниям. Не знаешь, как поступить, лучше смолчи, а сказал слово – выполняй. Обещал наказать – наказывай, обещал помочь – помоги, чего бы это тебе ни стоило или как бы ни было жаль. Если станешь говорить одно, а делать другое, все слова втуне проходить будут.

– Да это я понимаю…

– Нет, не понимаешь! – вдруг загремел Георгий Шимонович. Гюрги даже глаза на наставника вскинул удивленно, чего это он? – Кто обещал наградить за поимку вора?

– Ну, я…

– Ты князь! Обещал и забыл! Как тебе дружина верить после того должна?

– Я дружину не обижаю и всегда выполняю, что говорю. А тут мелочь какая-то, да и привели воришку мальцы…

– Вот то-то и оно. Ты мальцов обманул, а у них сородичи есть, в малом обманул, а до большого дойдет, вспомнят и не поверят. Или скажут, что ты только дружину и бережешь. Но одной дружиной, Гюрги, жив не будешь, прошли те времена, когда можно было жить одними походами и новой данью, ныне вокруг уже либо сородичи, либо те, кто просто так данником не станет.

– Ну и где тогда дань брать? – Гюрги очень хотелось посоветоваться, что теперь делать с мальчишками, но он не знал как и потому перевел разговор на данников.

Шимонович не глуп, все понял, но разговор поддержал,

такой тоже полезен.

– Настали времена, Гюрги, что дань уже только со своих брать можно. А для того нужно, чтобы были эти свои и чтобы у них было что брать.

– Ха! Видел я, как эти свои живут. Когда сюда ехали, зашли с отцом в одну халупу, насмотрелся. У них, кроме вшей, и взять нечего. Грязь, скотина прямо в избе вместе с хозяевами, нищета. Отец дал гривну в помощь, да только всех гривнами не озолотишь, самому где взять?

Тысяцкий слышал об этом случае от самого Мономаха, согласно кивнул:

– Вот это ты верно сказал, нечего у них брать. А надо, чтобы было!

– Как их заставишь работать?

– Заставишь? Никак! Станешь давить да обирать, сбегут подальше – и весь разговор. От половцев ушли, и от своих бояр да князей уйдут, а не получится, так вон в ушкуйники подадутся или станут купцов на пеших дорогах грабить. И золото всем давать не стоит, это отец твой разок так поступил, всем и правда не дашь…

У Гюрги метнулась в глазах тоска:

– Что же, выхода нет?

– Есть, только он нескорый да нелегкий. У каждого русского княжества своя беда да боль. На юге – половцы, на западе – поляки, а у нас нехватка людей и нищета. Но сладить с этим можно, людишек привлечь вон из Рязанского княже-

ства, землицу определить каждому да на первое время помощь оказать, чтоб могли вспахать да отсеяться. А вот когда поднимутся, тогда и про дань с них думать.

– А золото на это с булгар взять! Сходить набегом и взять! – загорелся, как сухой хворост, молодой князь.

Шимонович задумчиво покачал головой:

– Тут палка о двух концах, Гюрги. Защиту от всех крепкую надо иметь, а вот в набеги самим ходить… как сказать… Надо границы с соседями определить, что с мордвой да булгарами, что со своими же рязанцами или новгородцами али смолянами. И чтоб они за нашу границу ни ногой. А если мы пойдем, так они ответят. Вот и помысли, что выгодней, сходить раз, взять дань и самим после того жить опасаясь или жить так, чтоб сунуться не рисковали, зато спокойно.

– Спокойно! Рассуждаешь, точно старик какой, который и на коня взобраться боится. Отец вон с князьями на половцев аж до Дона ходил, сколько добычи взяли.

– И в чем добыча? Князья не для того ходили, чтобы злато да серебро привозить. И не за полоном. Своих освободили – хорошо, но пуще всего показали половцам свою силу, отогнали половцев подальше. А мордву или булгар ты не отгонишь, уйдут в леса и на тебя же нападут после.

– Так что же делать?

Шимонович отхлебнул кваса, протянул второй ковш Гюрги, тот мотнул головой, мол, не хочу.

– Свою землю сначала крепи, населяй да помогай людям

обжиться по-настоящему, не сразу с них три шкуры дери. А еще как князь спокойствие их храни, защищай от набегов. Если поверят в тебя, так и сами сядут, и других позовут, пойдет слух, что у тебя лучше, чем у других… А если еще и безопасней…

Со двора раздался клич, приехали купцы, которых ждали с утра. Тысяцкий поднялся:

– Пойдем, князь, надо посмотреть, что привезли. – И вдруг добавил: – А мальчишкам тем я сказал, что князь сам наградит, как из поездки вернется. Ты уж не забудь, меня не подводи, старого…

Гюрги только кивнул. Георгий Шимонович все чаще обращался к нему как к настоящему князю, если и советовал, так только наедине, когда никто не слышит, а на людях, когда Гюрги не знал, что сказать, вступал в разговор впереди него, вроде бы напоминая, мол, мы же с тобой, князь, вот как об том думали. Кто постарше да опытней, понимали Шимонову хитрость, но все равно уважительное отношение тысяцкого к молодому князю передавалось и остальным. Всем, кроме строптивых ростовских бояр. Но это был отдельный разговор, который не поведешь наспех, да пока и сам Шимонович не знал, как поступить.

Еще одна любовь у Гюрги была – охота. Как только подсохло и спешные дела не требовали его присутствия в Суздале, выезжал не столько за добычей, сколько ради самого удовольствия пострелять дичь, мчаться на коне во весь опор,

слыша, как свистит ветер в ушах…

Иногда с ним выбирался и Шимонович.

Вот и в тот раз они с удовольствием поохотились, распорядились везти добычу на двор, а сами не спеша ехали в сторону города. Отменная погода, ласковое солнце, легкий ветерок, птичий пересвист, людские крики вдали… Но в криках не было тревоги, значит, можно наслаждаться спокойной жизнью. Хорошо…

Вдруг вдали показались всадники, двое из которых держались чуть впереди. По тому, как они ехали, было ясно, что это не гости, но и не гонцы, просто кто-то развлекался так же, как князь с наставником. Странно, фигурки точно юношеские, некрупные, тонкие…

Всадники погоняли лошадей, явно соревнуясь меж собой, но шли голова в голову. Гюрги чуть прищурил глаза, пытаясь разглядеть, кто это. Рассмотреть не успел, его окликнул сам Георгий Шимонович:

– Вот тебе и бабы, в седле сидят лучше многих отроков.

– Кто?

– Да наши с тобой бабы, – кивнул в сторону всадников боярин.

– Бабы?

Всадники, вернее, всадницы, повернув коней, уже приближались. Только теперь Гюрги разглядел, что это действительно переодетые в мужскую одежду женщины. Шапочки плотно прикрывали волосы, чтоб ни одна прядь не выбилась,

а в остальном одежда мужская, легко принять за юношей. Обе тонкие, стройные.

Подъехав, Марья первой склонилась, приветствуя князя. Олена заметно смутилась, покраснела, все же ездила без ведома супруга. Она не видела в том ничего дурного, но помнила, что князь Владимир, отец Гюрги, запрещал ей садиться в седло. Вдруг и сам Гюрги так? От мысли о том, что сильно провинилась перед мужем, на глазах даже слезы выступили.

Это заметила повернувшаяся к ней Марья, тихо спросила, отчего плачет.

– Боюсь, князь ругать будет.

– Ругать? Ты же со мной.

– Марья, говорить по-русски! – нахмурил брови боярин.

– Да, господин. Олена боится, что князь будет ее ругать за то, что в седло села.

– С чего это? – пожал плечами озадаченный супруг. – Пусть ездит…

– Можно?! – слезы на глазах у Олены мигом высохли, а улыбка заискрилась радостью.

– Ездит, коли нравится.

Мысли Гюрги были далеки от запретов. Он искоса смотрел на жену, поражаясь, как это не замечал ее стройности и ловкости. Но как мог заметить и когда? Когда она была разряжена, как кукла, в свадебный наряд или потом в темноте ложницы? А после и не смотрел, кажется. Приехал вместе с ней, перепоручил вон Марье и забыл об ее существовании.

Если бы вот ныне не встретили, правда, и не вспомнил бы еще долго.

Обратно ехали вместе, но женщины, как полагалось, держались чуть позади, и возможности приглядеться к жене еще раз у Гюрги не было. Только во дворе, помогая сойти с коня, он снова глянул внимательней. В памяти всплыли слова брата Андрея о том, что Олена похожа на их мать. Тогда юный князь фыркнул, сравнивать кого-то с матерью казалось кощунственным. Гюрги осторожно покосился на жену… А и впрямь похожа! Возможно, степняцкая кровь делала ее таковой, но разрез глаз, пухлые губы…

У князя взыграло ретивое, он вдруг словно впервые увидел свою супругу, искоса приглядывался, а вечером и вовсе решил отправиться ночевать в ее ложницу, чем вызвал недоумение и у Жданки, и у самой Олены.

– Я это… не спишь еще?

Олена смотрела в ответ вопросительно, не понимая, с чего вдруг муж соизволил обратить на нее внимание.

Гюрги фыркнул:

– Спать ложись.

Но особого раздражения в его голосе не было. И свечу гасить не стал, втайне намеревался приглядеться к жене чуть позже, когда та заснет. Вышло совсем иначе.

Немного полежав, Гюрги осторожно приоткрыл глаза и покосился на Олену. И тут же встретился с ней взглядом.

Жена сама тихонько разглядывала мужа.

– Ты чего смотришь? – Гюрги не ожидал этого разглядывания, потому даже чуть смутился.

– Краси-ивый… – прошептала юная женщина.

Князь смутился окончательно:

– Вот еще!

Олена поняла его слова по-своему, почти обрадовалась:

– Еще? Сильный… самый…

Половчанка все же плохо знала русский, трудный язык дался не сразу. Но под ее восхищенным взглядом и от произнесенных слов Гюрги даже покраснел.

– Да ну тебя!

– Меня?..

Смущенный муж сгреб жену в охапку:

– Эх, говорить тут… русского не знаешь…

– Я знаю.

– Угу…

Для Юрия уже было совершенно неважно, знает Олена русский или нет. Пухлые губы оказались вкусными, а от волос неуловимо пахло полынью и еще какими-то травами, как от материнских. И грудь у нее маленькая, но крепкая, не расползалась под мышки, и бедра сильные…

В ложнице у Марьи Георгий Шимонович хвалил свою любушку за проявленную ловкость:

– Ладно сообразила, не то он бы еще пару лет женку не замечал…

– Да мне Олену жалко, такая красавица пропадает. Молодые, красивые, любиться бы должны всякую ночь, а они отдельно спят.

– Угу, и мне из-за него поститься приходится. Может, теперь будет спать где положено и меня, старика, в покое оставит.

– Зато я не оставлю.

– А я и не против.

Князь больше не избегал супружеской спальни. Целых шесть месяцев, пока не стала Олена совсем кругленькой. Но и тогда любил прижать ее к себе спиной и, положив руку на уже заметный живот, чувствовать, как толкается внутри будущий сын. Очень хотелось думать, что именно сын. Наследник, его плоть от плоти, кровь от крови…

Из Переяславля привезли вести от отца, да еще какие! Гюрги читал, радостно блестя глазами, Георгий Шимонович только смотрел, ничего пока не выпытывая. Князь протянул ему письмо:

– Смотри что отец пишет!

Вести действительно были важные. Из Святой земли с честью вернулся ходивший туда игумен Даниил. Привез лампадку со Святым огнем от Гроба Господня и бесконечные рассказы о Святой земле. Решено записать все, чтобы не забылось и не потерялось в веках. Отныне путь русским паломникам ко Гробу Господню показан, будут ездить туда, как все остальные христиане.

В Печерской обители тот самый монах, которого Гюрги видел с отцом перед отъездом, начал писать свод о жизни на русских землях – «Повесть временных лет». Тоже книга нужная, не всякий может отдельные сведения в целую картину сложить, да и не всякий столько сведений имеет, как Нестор, Мономах еще тогда говорил, что монах знает столько, сколько и десяти другим не узнать за всю жизнь. Тоже радость.

И еще одна была – уже больше для Шимоновича. Феодосия причислили к лику святых, и не последнюю роль в том сыграло прозрение по молитвам праведника самого Георгия Шимоновича, три года не видевшего белого света. Рассказ о прозрении сына варяга Симона Африкановича тоже лег в основу признания святости Феодосия.

Боярин радовался, как дитя малое. Он-то всегда верил, что Феодосий – святой человек, а теперь и все знают! Следующие несколько дней Гюрги без конца выслушивал рассказы Шимоновича о Феодосии, теперь преподобном Феодосии. Рассказ о прозрении молодой князь знал уж назубок, что не мешало наставнику повторять и повторять.

А еще Мономах писал о своих попытках собрать русских князей на борьбу с половцами.

– Вот неугомонный! – смеялся Гюрги. – Пока Степь не побьет, не успокоится.

– Нет, князь, не все ты понял. Не в Степи тут дело. Главное для твоего отца, чтобы русские князья, междоусобицы

забыв, вместе встали! Коли будут вместе, так и Степь побьют, и остальных соседей принудят с уважением на себя смотреть. Только, мыслю, и Мономаховой жизни на это не хватит.

– Отцу бы быть Великим князем! Он не то что Святополк, который знает одно – свои закрома набивать!

Шимонович с интересом смотрел на своего подопечного, Гюрги мужал не по дням, а по часам. Он уже не ныл, что земля его далеко и отдельно, скорее старался и ее обжить. Конечно, мало времени прошло, как Гюрги Владимирович князем стал, но уже видно, что толк из него будет. Наставник мог радоваться, его старания не пропадут втуне.

Одного не знал наставник – что нужно выкорчевывать из сознания Юрия Владимировича его стремление к Киевскому престолу. Пока Гюрги туда не рвался даже мысленно, ведь до него никоим образом очередь дойти не могла. И перед отцом старшие есть, и после отца перед самим Гюрги – тоже хватало. Именно потому Шимонович не заботился об отношении воспитанника к Великому престолу, а зря… Это рвение сыграет злую шутку с Юрием Владимировичем, даже прозвище ему даст – Долгорукий – из-за того, что якобы тянулся своими руками из далекого Суздаля к Киеву.

А если бы не тянулся? Возможно, суздальские земли раньше отдельным сильным княжеством стали и Московия раньше появилась. Но у истории не бывает сослагательного наклонения, суздальский князь Юрий Владимирович жил как

жил, сначала все же в Ростове и Суздале, а потом в таком заманчивом и ничего не давшем ему Киеве. Надо честно сказать, что и сам князь мало что дал киевлянам, не считать же подарком бесконечные пиры и щедрую раздачу милостыни.

Но тогда до киевского княжения Юрия Долгорукого было еще очень далеко, пока он обживался в Ростово-Суздальской земле и становился отцом семейства.

Без конца ездил по округе вместе с Шимоновичем, вглядываясь в каждое распаханное поле, присматриваясь к смердам, к их жилищам в деревнях, к тому, как к земле и к своему хозяйству относятся.

Сначала это принимали настороженно, чего ждать от вот такого княжеского пригляда? Только повышения податей, косился народ, мол, ишь, смотрит, как бы больше заграбастать. А вот когда молодой князь с наставником речи вести стали о помощи тем, кто пашню расширять будет, да о том, что с этой пашни первые два года и брать ничего не станут, тут призадумались многие. Еще предлагал Гюрги Владимирович сородичей к себе звать на поселение, говорил, что землицу даст, построиться поможет и по первости тоже брать ничего не будет.

– А потом? Небось все сполна вычтешь, князь? С чего бы тебе прощать-то? – недоверчиво поинтересовался в одной из плохоньких деревень рыжий мужик, левый глаз которого, видно, пострадал в какой-то драке, был наполовину закрыт.

– Нет, и после буду брать только то, что определено для

всех.

– С чего это ты такой добрый?

– Ах ты, Фома неверующий! Да ведь мне своя выгода, чтобы село как можно больше семей на моих землях, чтобы крепкими их хозяйства были.

– Да с чего? – все не верил мужик.

– А с того, что у крепкого хозяина и семья большая, и после подати больше.

– Так-то оно так, конечно… – продолжали сомневаться остальные, – только у бояр ныне – одно слово, а завтра – другое…

– Я князь! Я сын Владимира Мономаха и его заветом и словом живу! Сказал, не буду требовать, значит, не буду! Вот вам мое княжье на то слово!

Мужики смотрели на молодого и такого разумного князя, и им очень хотелось верить, но все равно в первый год не многие рискнули воспользоваться помощью Юрия Владимировича. А потом пожалели, потому что действительно на долгие годы для князя главным станут две вещи – заселение своих земель с помощью переселенцам и защита от набегов. Будет еще третье – борьба за Киев, но это Суздалю не нужно вовсе.

В первом и втором Юрий Владимирович преуспел, именно при нем Суздальская земля окрепнет, встанет на ноги, будут основаны многие города, в том числе и Москва на месте владений Степана Кучки.

Хотелось мужикам верить, да не могли вот так сразу…

Но после общего разговора к князю вдруг как-то бочком подошел тот самый рыжий недоверчивый мужик и поинтересовался:

– Откуда ты, княже, имя мое знаешь?

– Какое имя?

– А что меня Фомой кличут?

Гюрги с Шимоновичем рассмеялись от души, пришлось рассказывать сомневающемуся историю его недоверчивого тезки. Вокруг внимательно слушали притихшие селяне, время от времени изумленно качая головами:

– Ишь ты… вот оно как…

Гюрги вдруг обернулся к Шимоновичу:

– Пусть не церквушку им, но хотя бы часовенку, чтобы по праздникам поп приходил да речи разумные вел. А еще лучше, чтобы грамоте учил, Писание читал…

Мужики на такие речи просто ахнули:

– Нам?

– Подумаем о том, – осторожно остановил княжьи мечты наставник, не то наобещает, что придется во исполнение (сам же учил, что надо выполнять то, о чем заикнулся) каменную церковь строить.

Но Гюрги оказался настырным, в первый же приезд в Ростов пристал к епископу Ефрему, точно банный лист: найди, кто служить станет, я на свои куны в деревеньке часовню построю. Епископ хотел сказать, что лучше бы ему те куны

дал, сам найдет на что потратить, но возразить не смог, пришлось обещать расплывчато.

Вечером князь мерил шагами свои покои, злясь на неповоротливого епископа.

– В другом месте найду!

– В каком это?

– В Печерскую обитель отпишу, небось скорее откликнутся, чем эти сони…

В Печерский монастырь Шимонович готов был за попом и сам съездить, заодно отцовой могиле поклониться, да и в самой обители помолиться. Но от этой мысли пришлось со вздохом отказаться, Гюрги слишком молод, чтобы одного так надолго оставлять. Князь без слов понял страдания своего наставника, пообещал:

– Ничего, Георгий Шимонович, вот чуть на ноги встанем, поедешь в Киев обязательно. А пока придется все же отписать…

Но ростовский епископ Ефрем оказался человеком дела, быстро и священников нашел для княжьих церквей, и вообще Юрию Владимировичу в вопросах становления епархии был хорошим помощником. Только вот оставался в Ростове, на все приглашения переехать в Суздаль с обещанием отстроить епископский двор уклончиво отвечал, что этого делать не стоит, нельзя противопоставлять Суздаль Ростову.

И все же противопоставление невольно получалось, в Ростове – бояре и епископ, а в Суздале – князь. Пока это про-

тивопоставление ничем не грозило, и ростовчане принимали его спокойно, хотя нашлись и дальновидные, ворчавшие, что князь поднимает пригород в ущерб городу. Но пригороду Суздалю было еще слишком далеко до города Ростова, бояться особо не следовало.

Часть дани привычно шла князю Владимиру Мономаху в Переяславль через Смоленск, правда, куда меньшая, чем раньше. Мономах прекрасно понимал, что требовать от сына и его наставника поднимать ростовские земли, обирая при том до нитки, не следует. Не был Мономах жаден до кун и дани, потому Гюрги Владимировичу тоже оставалось на что строиться и дружину содержать.

Олена ходила в тяжести легко, словно и не было под сердцем дитя, только в седло больше не садилась. Но вот пришел срок родиться первенцу суздальского князя. С утра еще Елена ходила как ни в чем не бывало, а тут вдруг переменилась в лице и схватилась за низ живота:

– Ой!

К ней тут же подскочили Жданка и Марья:

– Никак началось?!

– Кажется… – прошептала побелевшими губами княгиня.

– Ну и с богом! – обрадовалась Марья.

Из терема, особенно женской его части, прогнали всех, негоже многим знать, что дите рождается. По поверью, чем

меньше людей о том ведает, тем роженице легче.

Но, конечно, уже через минуту весь Суздаль знал: началось! Хотя все старательно делали вид, что и не подозревают.

Сам будущий отец мотался по своей части терема как неприкаянный, не имея сил заняться каким-нибудь делом.

Шимонович смеялся над Юрием:

– Да полно тебе! Ходила легко, легко и разродится. Будет у тебя сын…

– Сын?! – подхватил князь, и боярин пожалел о неосторожно оброненном слове, а ну как родится девка, тогда получится, что он Гюрги обманул?

– Ну хоть бы и девка? Она тебе внуков нарожает. И у тебя еще много деток будет, вон вы как споро с Оленушкой сообразили живчика-то завести.

Мучения продолжались недолго, с женской половины примчалась заполошенная девка:

– Родила!

– Кого?!

– А?

– Кого, спрашиваю! – тряхнул ее Шимонович, а Гюрги уже мчался на женскую половину. Вслед ему неслось:

– Сына!

В висках билось: «Сын»! У него сын! Юрий вдруг остановился от этой мысли. Он стал отцом?! Он, Гюрги, совсем недавно еще сам сосунок, стал отцом?!

В спину подтолкнул Шимонович:

– Чего встал? Оторопь взяла от радости? Пойдем. Да не забудь женку поблагодарить за такой подарок.

– Ага…

Юрий взял протянутый ему сверток в руки с легкой опаской, в нем пищало что-то уж очень маленькое для крупных рук князя. Неужели вот это то, чего так ждали?! Юрий стоял, растерянно улыбаясь, попросту не зная, что ему нужно делать и даже что чувствовать. Должен бы радоваться, а ему немного страшно. И страшно не только из-за крошечного размера свертка, но и из-за затаенной мысли, что эта кроха и вовсе не похожа ни на него, ни даже на княгиню. Подменили? Но кто, где и как это могли сделать, если все происходило едва ли не на глазах?

И вдруг крошка-сын открыл глазки, ярко-синие, как у всех младенцев, и на князя пахнуло таким родным, что сердце невыносимо защемило, а на глаза навернулись непрошеные слезы. Свой, конечно, сын! Кровь от крови и плоть от плоти!

Боясь, как бы молодой князь сдуру не прижал кроху к себе и не поломал новорожденного, повитуха споро отняла дите у счастливого отца, а Шимонович подтолкнул к Елене:

– Иди уж, князь, к женке, иди.

Олена лежала измученная, но счастливая, черные, как смоль, волосы разметались по подушке, губы, видно, искусаны, чтобы не кричать, глаза блестели в ожидании. Гюрги наклонился к ней, еще не зная, что сказать, как благодарить.

И вдруг его прорвало, сжал сильными руками плечи жены, почти всхлипнул:

– Оленушка…

И не надо было больше никаких других слов. У них сын, здоровый, крепенький живулечка, их плоть от плоти.

Юрий сидел на краю ее постели, уткнувшись лицом в плечо жены, а Олена гладила мужа по густым волосам, словно это не она, а он только что перенес мучения и боль, чтобы родился маленький княжич. И вдруг оба вздрогнули из-за требовательного крика младенца. Князь резко выпрямился, хотелось заорать: «Что же вы обидели моего сына?!», но не крикнул, потому что Марья, смеясь, подавала Олене сверток:

– Все, князь, уступай место сыну. Младенец есть требует.

– Есть? – почти растерялся Юрий.

Сверток подложили под грудь Олены, и малыш тут же присосался к ней, вкусно почмокивая. Стало смешно и радостно. Его жена кормила грудью его сына! Это ли ни радость?!

За дверью Шимонович с улыбкой вгляделся в счастливое лицо Гюрги:

– Да ты, никак, больше женки радуешься.

– Сын… – лицо князя просто расплылось от удовольствия, и ему никак не удавалось вернуть строгий вид.

Но не меньшее потрясение Гюрги испытал и чуть позже, когда в тот же вечер Шимонович вдруг начал говорить с ним

о… самостоятельности.

– Какой самостоятельности? А ты как же? Ты уезжать собираешься?!

– Да нет, что ты, князь. Только отныне ты не малец, которому дядька-воспитатель нужен, теперь ты сам отец и князь самостоятельный.

– Нет, нет, погоди, – замотал головой Гюрги. – Не понимаю, ты что, бросаешь меня?

– Тебя бросишь, как же! – расхохотался Шимонович, потому что Гюрги, даже не заметив этого, попросту вцепился в его рукав. – Нет, только теперь я не твой дядька-наставник, а просто суздальский тысяцкий и при тебе советчик. Твое слово главное, а я лишь советовать буду, когда понадобится.

– А как же я?

– А что – ты? Неужто сам не справишься?

– Без тебя – нет.

– Я рядом, всегда рядом, но на шаг позади. Привыкай, князь Юрий Владимирович.

Донской поход Мономаха

Только сам Мономах знал, скольких сил, раздумий и бессонных ночей стоило ему убедить князей попытаться побить половцев если не навсегда, то уж надолго. Сколько раз костлявая рука отчаяния сжимала горло, сколько раз казалось, что все втуне, все зря, никогда не собрать больше Русь такой, какой была при деде – князе Ярославе. Досадовал: ну почему же князья не видят, что своими раздорами ввергают Русь и свои земли в страшную беду, ведь стоит разгореться очередной сваре – половцы тут как тут. Почему бы не попользоваться тем, что князья все врозь, мало того, друг на дружку их и водят!

И в Любече убеждал, и Долобе… Стоило объединиться – и у Сутени побили степняков так, что казалось, долго не опомнятся, двадцать ханов было уничтожено. Но в Степи их двадцать раз по двадцать насчитать можно, да и то, наверное, не всех сочтешь. Беда неизбывная, а бороться надо. Хитрому Боняку удалось тогда уйти, через два года он снова показал себя. Снова собрались вместе, даже Олег Святославич (Гориславич) пришел со своими черниговцами, еще раз побили, и снова Боняк ушел.

И снова Владимир Мономах внушал и внушал князьям, что пока все головы чудищу не отсекут, будет оно изрыгать пламя на Русь. Какими еще словами убеждать братьев и пле-

мянников?

Но была у князя Владимира Мономаха и радость – частые беседы с игуменом Даниилом Заточником, не так давно вернувшимся из паломничества к Гробу Господню. Конечно, ходил он не один, целую дружину, пусть и небольшую, отправляли вместе с игуменом, но кому же, как не ему, лучше других рассказать об увиденном и понятом!

К возвращению Даниила в Киеве заложили церковь Святого Михаила, в Новгороде начали заново расписывать Софию… Киев словно чистился пред частицей Благодатного Огня, что Даниил вез от Гроба Господня.

Даниил с сопровождающими пробыл в Иерусалиме целых шестнадцать месяцев, ставил от имени земли Русской лампадку на Гроб Господень, видел схождение Благодатного Огня. Он обладал даром повествования, а еще больше даром убеждения. Сухощавый, строгий, с умными, проницательными глазами, Даниил умел сказать одновременно просто и запоминающе, слова западали в душу, заставляя ее волноваться, переживать и самому увиденное и пережитое игуменом.

Даниил написал книгу о своем путешествии, чтобы чего не забыть (хотя как такое забудется?), он делал записи во время редких остановок по пути. У Владимира Мономаха был уже список этой книги, и хотя читать ее волнительно, слушать самого игумена – еще волнительней. Все знал уже до точки, каждое слово, но раз за разом переживал этот страх,

словно сам стоял там у Гроба, и ужасался: «Неужто из-за моих грехов может не сойти Благодатный Огонь людям?!»

Нашлись глупцы, что сказали, мол, игумен Даниил для того ходил, чтобы самому прославиться или просто из любопытства. Даниил только сокрушенно качал головой на такие слова:

– Я ходил, чтобы помолиться пред Господом за землю Русскую, чтобы надоумил князей наших миром да единством жить. Всех поминал у Гроба, обо всех молился.

С игуменом в Иерусалиме побывал и княжич Изяслав Мстиславович, старший внук Мономаха. Это вызвало обиду у сына Гюрги, мол, и он бы мог, но отец решил, что Изяславу нужнее, просто потому, что его бабка, княгиня Гита, не вернулась из такого же паломничества. Внуку предстояло завершить ее дело.

В очередной раз у князя в горнице сидел игумен, снова размышлял об освобождении Иерусалима и Гроба Господня, о том, что дали и чего не смогли дать Крестовые походы. И вдруг глаза князя загорелись от неожиданной мысли:

– Не хотят князья супротив половцев моим чаяньем подниматься, подниму в Крестовый поход! Поможешь ли, святой отец?

Даниил внимательно всмотрелся в лицо Мономаха. Прекрасно знал князя, знал, чем тот живет, о чем думает, но все же спросил:

– Что тобой движет, князь? Почему с упорством на половцев зовешь, хотя сам с Аепой породнился?

– Породнился, потому что мира хочу. А князей на половцев зову, потому что поодиночке погибнем, не выживет Русь, если каждый сам за себя, растащат ее поганые, изведут. Отпор только всем вместе давать надо. Не о себе думаю, о Руси, о том, что детям и внукам оставим.

– Вижу, – кивнул игумен. – Помогу. Мыслю, и остальные поддержат, пройду по монастырям, поговорю.

11 февраля 1011 года сначала монахи Печерского монастыря, а потом и все киевляне проснулись, разбуженные… грозой. Гром и молнии в то время, когда надо бы быть метелям и морозам, поразили всех, но еще больше вставший над обителью огненный столб.

Первым заметил невиданное стражник у ворот, окликнув своего товарища, он истово закрестился:

– Глянь, Никола, чего это?

Над каменной монастырской трапезной появился светлый столб.

Видно, свет заметили и в других местах Киева, загудел колокол, призывая горожан на улицы. Выскочили быстро, боясь пожара, но гарью не пахло и пламени не видно, только вот этот свет, который теперь переместился на церковь, потом встал над гробом Феодосия и наконец удалился на восток. По толпе, завороженно наблюдавшей за необычным яв-

лением, пронеслось: «Знамение!»

Несмотря на гремевший гром и сверкавшие молнии, страха почему-то не было, напротив, с каждой минутой росла уверенность, что знамение доброе.

И снова собрались князья, обговаривая новый поход против половцев, теперь вместе с Владимиром Мономахом речь вел и игумен Даниил, чье слово значило очень много. Даниил Заточник тоже твердил о единстве, о том, что истово молился об этом у Гроба Господня.

Все не прошло даром. Во второе воскресенье Великого поста киевляне провожали войско в поход. Снег еще не сошел, потому пехоту везли на санях (к чему людей утруждать да морозить, если можно подвезти?). Доспехи пока тоже везли на санях и возах.

Большой деревянный крест вынесли к городским воротам, и епископ с игуменом благословляли проходившее мимо воинство, которое возглавили Великий князь Святополк Изяславич и князья Владимир Мономах и Давыд Святославич со своими сыновьями. Душой похода, конечно, был Мономах, потому на него и оглядывались, хотя впереди – Великий князь.

Всеобщий настрой был совсем не таким, как тогда, когда ходили друг против дружки. На сей раз все чувствовалось, что почти вся Русь встала против Степи вместе, забыты вражда меж князьями, забыты обиды и раздоры. Это чувство единства, а еще – своей причастности к чему-то очень

большому, какому-то общему делу очень поднимало боевой дух. Оглядываясь на воинство, князь Владимир Мономах чувствовал, как горло перехватывает от волнения, а на глаза невольно наворачиваются слезы. Было отчего, давненько Русь не вставала вот так вместе.

К Ворскле подошли в среду на Крестопоклонной неделе, чем сразу же и воспользовались, установив Честной Крест повыше на пригорке на виду у всех. Конечно, все равно всем не было видно и слышно, но передние передавали задним:

– Князья к Кресту подошли…

– Молебен служат…

– Крест целуют…

– У Мономаха на глазах слезы…

После князей к Кресту приложилось и все остальное воинство.

Наконец дошли до первых оседлых становищ половецких ханов. Князья приказали разобрать из обозов броню, вооружиться. Половцев можно ждать в любую минуту, хотя было ясно, что они поспешили уйти на соединение с остальными.

Разведка сообщила, что впереди городок Шарукань.

Непохоже, чтобы Шарукань собиралась обороняться, да и как? Невысокий земляной вал даже не прятал за собой, а просто слегка ограждал убогие глинобитные домишки и юрты. Воинов самого хана в городе явно не было. Мало того, понимая, что против объединенного русского войска не выстоять, жители Шарукани вышли навстречу, поднося кня-

зьям на большом серебряном блюде рыбу и вино, что означало сдачу города на милость победителя.

– Ишь, как испугались, когда мы под их стенами встали! Вырезать их всех до единого, чтоб остальные запомнили! – радовался Давыд Святославич.

Все обернулись на Мономаха, точно он главный. Князь смотрел на старика-половца, протягивающего дрожащими руками дары, и понимал, что убить вот этих безоружных и беззащитных людей не сможет и отдать приказ, чтобы убили, тоже не сможет.

– Повинную голову меч не сечет. Пусть знают, что мы со стариками и детьми не воюем, и с мирными людьми тоже.

– Да ты что, князь?! Они же в спину ударят!

– Эти? Не ударят.

– Эти, может, и нет, но откуда ты знаешь, сколько и какого войска у них по балкам да лескам припрятано?

– А мы позади не только обоз оставим, но и сильные полки, чтобы смогли продержаться, пока мы развернемся. Войско может быть припрятано в любой балке, все же по чужой земле идем. Но им, – Мономах кивнул на стоявших шаруканцев, – сказать, что если на нас нападут сзади, то мы вернемся и город уничтожим.

Старик, услышав слова толмача, замотал головой:

– Пусть князь не боится, здесь нет войска. Шарукан увел своих воинов в Степь. Далеко увел.

Город не тронули, а шаруканцы дали хороший выкуп. Во-

инам понравилось, вот бы все города так! Разумные качали головами: города-то, может, и так, только вот ханы не согласны и войско небось собралось уже немалое.

Следующий город по пути, Сугров, таким покладистым не был. Ворота заперли, ругались на русских, всячески их понося. Пришлось делать вежи (огромные щиты) и, прикрываясь ими, засыпать городок горящими стрелами. Когда ворвались в Сугров, он уже вовсю горел. Вот здесь Мономах и возражать не стал, вырезали всех, от мала до велика. Врагов, которые не сдаются, убивают, даже если это старики и дети.

Еще через день встретились с передовыми полками половцев. Когда разведка донесла, что половецкая конница близко, смех пропал, предстояла битва не на жизнь, а на смерть. Князья собрались вместе, снова отслужили молебен, обнялись, поклявшись стоять крепко:

– Помереть нам здесь. Станем крепко.

Стоять не пришлось, верные своей тактике половцы налетели, как ветер, но были встречены копьями и завязли. После недолгого ближнего боя, в котором степняки не сильны, их отбросили и погнали обратно. Видно, на это и было рассчитано, чтобы заманить преследовавших русских в ловушку, но на сей раз русские не поддались, были нещадно биты на месте, но преследования не произошло.

В Благовещенье праздновали первую победу русские полки прямо на месте битвы. Дух подняла она так, как никакими громкими речами не поднять. Наконец русские пове-

рили, что могут бить половцев, если, конечно, будут стоять вместе и биться разумно.

Но долго праздновать не пришлось. Уже к вечеру перед Вербным воскресеньем разведчики снова сообщили об огромном числе половцев, которые недалеко подле Дона. Пришлось, несмотря на усталость от долгого перехода и битвы, двигаться вперед.

В Страстной понедельник у реки Сальницы увидели темную лаву, грозившую захлестнуть все поле. Насколько мог видеть глаз, кружили половецкие всадники, норовя охватить со всех сторон и уничтожить. Стало понятно, что немногие вернутся домой на Русь, но решения биться до конца это не изменило. Единственным выходом было навязать половцам ближний бой, в котором русские дружины куда сильней.

Владимир Мономах подозвал сыновей:

– Нельзя позволить половцам бить нас стрелами издали. Они отменные лучники, уничтожат еще до боя.

– А что мы можем, если они кружат, не приближаясь? Вот-вот начнут стрелять…

– Надо наступать самим.

Мономаху удалось собрать свои полки в единый кулак и пойти на прорыв. Сначала все получалось, половцев заметно потеснили. И тут разразилась страшная гроза. Гроза в степи всегда страшно, а когда еще помимо молний сверкают клинки, ржут лошади и кричат в пылу схватки люди, страшно вдвойне. Но ни половецких воинов, ни русских это не испу-

гало. И все же Мономаху удалось развернуть свою дружину так, чтобы ветер с дождем били в лицо половцев. Но их было так много… Казалось, вместо одного порубленного тут же появляются двое…

Почуяв, что Мономаха не взять, половцы бросили основные силы против киевлян, и дружина Святополка стала пятиться, не выдерживая бешеного напора врага. Увидев это, Мономах подозвал сына:

– Ярополк, на тебя оставляю наши полки! Не отступать, половцы долго не выдержат.

– А ты?

– Я к киевлянам.

Появление Мономахова стяга в самой гуще киевской дружины заметно подняло ее боевой дух, Владимира Мономаха уважали все. Бой разгорелся с новой силой, теперь киевляне тоже не собирались отступать, зато начали это делать половцы. Расчет князя был верен – отменные всадники умели побеждать наскоком, но плохо бились в ближнем бою, тем более если тот продолжался долго. Ливень и то, что в рукопашной перемешались все, не позволяло половцам использовать луки, зато давало преимущество вооруженным секирами и боевыми топорами русским.

И все же половцы не выдержали, стали отступать к берегу Дона. И снова русские дружины догоняли и били беспощадно. В плен не брали!

Шарукану удалось уйти на другой берег с небольшим чис-

лом своих воинов. Разгром половецких полков, вышедших сражаться с русскими, был полным.

И все же пленных оказалось много, да и добыча богатейшей. С честью и добычей возвращались русские полки домой. Нет, они не смогли полностью уничтожить врагов, невозможно поймать всех до единого половцев в их родной стихии – степи, но поход надолго отбил желание у донских половцев нападать на Русь.

Конечно, героем похода был Владимир Мономах, его стараниями, в первую очередь, состоялся и сам поход. Его разумное поведение и личная храбрость во время сражения сыграли решающую роль, позволив навязать половцам именно тот бой, в котором русские сильнее.

Сам Мономах радовался, казалось, теперь-то князья должны понять, что единым кулаком они способны победить кого угодно, чтобы Русь была сильна, нужно всего лишь, чтобы она была едина.

Семейные хлопоты

В далекий Суздаль новости приходили с опозданием. Воинство было давно в пути, когда князь Юрий Суздальский узнал о походе. Нет, отец сообщал ему о том, что задумал такой, но с собой не позвал. Снова не позвал… Почему? Юрий чувствовал себя не просто обойденным, он был обижен. Считает слишком молодым, ни на что не годным? Конечно, остальные братья, кроме Андрея, куда старше, но все же… он тоже князь, тоже хотел бы участвовать. Кажется, когда перед женитьбой ходили на половцев, он показал себя с лучшей стороны…

И вдруг Юрия осенило: его не позвали потому, что женат на половчанке! Отец испугался, что сын станет плохо воевать против своих родственников или что вообще предаст?! На душе стало неимоверно тошно. Ведь не сам же он женился, все волей отца. Олена хороша, послушна, родила сына и еще вот-вот родит, повитухи говорят, снова сын будет. Но случись ему выбирать, разве взял бы половчанку? Старший сын на отца похож, а ну как младший получится в мать или в деда Аепу?

Раздумья подопечного заметил Георгий Шимонович:

– Что невесел, князь? Новость принесли: русские дружины побили половцев совсем. Загнали до Дона и разбили. Снова Владимир Мономах отличился, его стараниями и по-

ход начали, он и в бою сумел всех как надо поставить и вперед повести. Герой Владимир Всеволодович, только так его и зовут ныне.

Юрий совсем нахмурился:

– Пошто меня с собой не позвал? Что, я не смог бы биться, как Ярослав или Вячеслав?

– Смог бы, наверное, смог. Слышал я, что ты в бою с половцами еще совсем юным не сплоховал, впереди всех бился. Да только подумай своей головой, хорошо подумай. Кто не пошел с Мономахом?

– Олег Гориславич! – невольно вырвалось у Юрия.

– Да, он, но я про твоих братьев речь веду. Мстислав не пошел. Потому что не захотел? Нет, не мог Новгород оставить. А ты разве мог бы Суздаль оставить?

– А почему нет?

– Гюрги, помнишь, когда ты женился и впервые сюда приехал, тебе о нападении булгар рассказывали? Камские булгары только и ждут, чтобы Суздальская земля без князя и его дружины осталась. Пока тебя тогда не было, хотя бы дружина была, а ныне увел бы ты свою дружину в половецкие степи… Вернешься ли, когда вернешься? Тут-то и взять Суздаль или Ростов!

Юрий понимал, что Шимонович прав, но строптиво проворчал:

– Что ж мне теперь всю жизнь в Суздале безвылазно сидеть?

– Пока да. Пока княжество не окрепнет, твое место на этих землях, в Ростове, Суздале, во Владимире вон.

– Так меня в Киеве забудут!

– А кто тебя там помнить должен? – глаза Шимоновича хитро прищурились. – Кто, кроме брата Андрея и отца, там у тебя есть? Другие братья? Так у них свои дела и заботы, не до тебя. Семья твоя – женка и сынок вон, да еще будут, здесь. У отца свои заботы, он верно сделал, что тебя подальше от остальных братьев посадил. Нет, Юрий Владимирович, твоя забота – ростово-суздальские земли, крепи их, обживай, ставь города новые да от нападений защищай, вот и будет тебе слава людская и память тоже. А что в Киеве забудут… так и ты Киев забудь.

Вроде и понимал Юрий, что наставник прав, но уж очень не хотелось принимать его правоту. Ночью он долго размышлял над словами Георгия Шимоновича, пытаясь и так, и этак примерить на себя роль заботливого князя, укрепляющего свое княжество. И снова умом понимал, что должно быть так, а нутро требовало мчаться на коне в бой рядом с отцом, рубить мечом, кричать от злости и восторга, требовало быть князем-воином, а не князем-устроителем. На булгар, что ли, сходить?

Эта мысль даже понравилась, отец бьет половцев, а он побьет булгар, чтобы не налезали больше, не смели нос сунуть на его земли! Но тут Юрий вспомнил о своих опасениях по поводу отцовского недоверия. Настроение снова испор-

тилось. Решил поутру посоветоваться с Шимоновичем.

Боярин, заслышав такие речи, сначала даже головой мотнул, словно с досады, потом вздохнул:

– Юрий Владимирович, да если бы отец тебе не доверял, разве отправил бы сюда? Отсюда половцев кликнуть, что коня свистом подозвать.

– Ну да, меж нами Рязанское княжество лежит.

– И что? При желании с двух сторон Рязанское так побить можно, что и вовсе не очухается.

Сказал и подумал, что глупость говорит, а ну как князю и впрямь придет в голову такое совершить, ведь молод еще Юрий, в голове пока ветер? И самая большая забота у Георгия Шимоновича – тот ветер сдержать, чтоб в бурю не превратился, чтобы немалую свою силушку князь на дело расходовал, а не впустую и тем паче не во вред себе и Руси тоже. Пока эта силушка тратилась на охоту да на девок. Женка снова в тягости, вот-вот родить должна, князю без женской ласки тошно, все красивые девки его. Как бы этакое в привычку не вошло, отучать трудней, чем загодя позаботиться…

Умный наставник при молодом князе иногда важнее, чем отец. Мономах далеко, только письма шлет с наставлениями, а Георгий Шимонович – рядом, все приметить должен, все упредить вовремя. На счастье Юрия Суздальского, Георгий Шимонович был именно таким, пока наставник был рядом, Долгорукий глупостей не делал и ни в какие свары не ввязывался. А вот позже…

Но тогда князь был еще совсем молод, то ли двадцать один год, то ли вообще семнадцатый… И наставник у него авторитет имел непререкаемый.

Сердце рвалось на части. Дома Олена с детишками, она точно и не рожала, все такая же тонкая и хрупкая, выносит очередного сына – и в седло. Как ни ругались, что опасно, что скинет, степная кровь брала свое, снова птицей взлетала в седло и носилась по округе, пугая незнакомых. А Юрию все больше хотелось белой лебедушки, такой, чтоб и шейка полная была, и бедра круглые, чтоб сладко зарыться не только в пахучие волосы, но и в пышную грудь… Девки, конечно, были, где ни ночевал, везде находились такие – белые, сладкие, на все для князя готовые. Но это не то, хотелось, чтобы была своя, чтобы ждала, вздрагивая от каждого звука, чтобы прижималась пышным телом, обдавала горячим духом желания, а не просто подчинялась, потому что князь…

И однажды встретил во Владимире. Вдова поглядела синим глазом, повела полным плечиком да пышным бедром качнула – и зашлась княжья душа в полете, а тело от желания. На грех рядом оказался епископ Ефрем, приметил, но для начала вида не подал, только подозвал к себе служку да шепнул о чем-то.

Но вечером за ужином вдруг стал беседу вести с князем о греховном желании. Юрий, то ли поняв, что епископ заметил его интерес к красавице, то ли просто думая о своем, беседу

поддерживал вяло. Ефрем поговорил, поговорил да вдруг и поинтересовался в лоб, каково, когда женка уж в тягости не первый месяц? Телесное, мол, своего требует.

Князь вскинул глаза:

– Требует! Знаю, что грех, но нешто терпеть по полгода, греховные мысли тая?

– Не надо, – помотал головой епископ. – Только и девок всех подряд щупать не стоит, блуд это.

– А что делать?

– Заведи себе любушку такую, чтоб только твоя была, и ублажай тело.

– А это не грех?

– Грех, но не блуд, разницу разумеешь, князь?

Юрий хмыкнул, ай да епископ!

– А вот и заведу! И к тебе, святой отец, каяться буду ездить.

– Приезжай, епитимью наложу, не согрешишь – не покаешься… Меж двух зол выбирают меньшее, потому и веду речь об одной взамен многих.

После этих речей, увидев за дверью красивую вдовушку, князь уже не удивился, только крепко обнял и поинтересовался:

– Тебя как кличут-то?

– Варварой, – просто и спокойно ответила красавица.

– Многих ублажала?

Ее глаза открыто глянули в его:

– Ты первый. После мужа.

Князь чуть смущенно хмыкнул, но спорить не стал, тем паче что совсем рядом было именно то, что ему так нравилось – ладное белое тело, пышущее здоровьем и жаром нерастраченной женской ласки. И шея у Варвары оказалась белая да полная, и бедра такие, что есть чем качнуть, и сама она была вся крепкая и ладная.

Но до ночи еще далеко, Юрий просто не знал, что и делать с красоткой. Выручила она сама:

– Банька готова, пойдешь ли париться, княже?

– А ты?

– Велишь – приду.

Юрий вспомнил о Ефреме:

– А епископ как же?

Вдова махнула полной рукой:

– Он уже отказался, сказал, не можется ныне. Так идти?

– Тогда идти.

– Приду, – глаза обожгли синим пламенем.

Она действительно пришла, нимало не стесняясь того, что тонкая рубаха мигом намокла и прилипла к телу, стала охаживать его веником, потом окатывать водицей, снова парить… Когда князь совсем разомлел, исчезла, точно и не было ее в баньке. Но Юрий прекрасно понимал, где сможет найти свою красавицу, вернее, где она ждет.

Так и есть, Варвара была в ложнице и снова вела себя спокойно, нимало не смущаясь. Не очень-то поверилось князю,

что после мужа никого у вдовушки не было, но отказаться от ее объятий, ее тела, жаркого дыхания Юрий уже не мог.

Пришел в себя не скоро, сном забылся только к утру, а на рассвете вдовушки в постели уже не было. Ну и как ее теперь снова к себе приманивать? Не пойдешь же вечером еще раз в баню.

Епископ глянул пытливо:

– По душе пришлась?

– По телу. Грешен, каюсь.

– Каяться после будешь, когда греха поболе наберешь. А Варваре скажу, чтоб ныне снова к тебе пришла, если ты не против, конечно, – вскинул глаза Ефрем. Юрий только коротко кивнул. – И чтоб ни с кем не путалась, тебя в следующий приезд дожидаючи.

– А путалась?

– Нет, иначе не подпустил бы. Ты, князь, вот что, ты ее ключницей при своем дворе во Владимире сделай. Она баба толковая и, как видишь, ладная, она тебе и хозяйство в порядке держать будет, и тебя ублажать, когда тело потребует.

– Откуда тебе, святой отец, о ней известно?

Ефрем чуть хмыкнул:

– Жалобу ее разбирать приходилось. Поп тут по соседству к ней привязался, да так, что вдове прохода не было. Она его оглоблей проучила, а потом ко мне пришла заступничества просить. Пришлось попа убрать, а со вдовой поговорить.

– О чем?

– Как мыслишь, станет мужик, неважно, поп ли, простой мирянин, к бабе лезть, если сама того не желает? Вот и я не сразу поверил, что не привечала или глазами не заманивала. Но оказалось нет, честная вдовушка.

– А с чего ко мне пошла?

– А ты кого-нибудь вокруг себя видишь? Она с прошлого нашего приезда сюда на тебя пялилась, да так, что завидно стало. А ныне и ты ее углядел, все ладно вышло. Женке про то не говори, ей так легче будет. Люди все равно донесут, но женская душа обманутой быть жаждет, им так легче. Коли не станешь княгиню обижать, так и живи себе с двумя, только с другими не блуди, а этот грех мы отмолим.

Конечно, Олене сказали, что у князя на Владимирском дворе ключница появилась – красавица и приветлива очень. Княгиня была на сносях, двигалась хотя и легко, но не слишком споро, но все же поднялась и отправилась советоваться к Марье. К кому же еще, не жаловаться же на мужа Жданке?

Марья все знала, только коротко кивнула:

– Ты не о том ныне думай, а как дите доносить да родить. А любушка… куда ж, Олена, от них деться? Ты вон то и дело в тяжести ходишь, а у князя ретивое играет, куда ему деваться?

– Я понимаю, пока девок огуливал, не спорила, так ведь здесь зазноба завелась. Что делать?

– А ничего! Юрий Владимирович к деткам привязан выше

всякой меры, погуляет и к тебе вернется.

– А если и у нее кто родится?

– Кто ты и кто она! К тому же столько лет с кузнецом своим жила, не понесла, с чего бы князю-то дите рожать? А хоть бы и родила? Твои дети законные, ее – нет. Ты всегда впереди будешь, ты женка, она полюбовница. Я вон с Георгием Шимоновичем и без женки уже жила, и деток его растила, а все одно, пока из полюбовниц в боярыни не вышла, покоя не имела.

– Не одна она…

– Как не одна, а кто еще?

– На боярскую женку в Ярославле заглядывается. Она им вертит, как лиса хвостом.

– Так вот пусть лучше к Варваре ездит, чем в Ярославль к боярыне.

– К кому?

– Варварой ее зовут.

– Ты и это знаешь?

Но закончить разговор не пришлось, княгиня вдруг согнулась пополам, схватившись за них живота:

– Ой…

Родился еще один княжич, правда, на сей раз Олена рожала тяжело, не как всегда, и мальчонка появился на свет больной. Едва выжила и сама мать, чуть кровью не изошла.

Она улыбалась как-то чуть покорно, чуть потерянно… Ес-

ли бы жена хоть раз укорила его, пожаловалась, обругала, в конце концов, он никогда не посмел бы больше думать о другой. Но Олена была верной, тихой, терпеливой.

Юрий понимал, что жениться на другой при ее жизни никогда не сможет и в монастырь не пострижет. Но и верным не будет. И это будет даже не грех прелюбодейства, кто таковым не грешен? Это будет совсем другой грех – он станет ждать ее смерти! Понимал, что так нельзя, что само по себе это ожидание ничуть не лучше убийства, но поделать с собой ничего не мог.

Если бы она ругалась, если бы ненавидела мужа за измены, если бы даже изменила сама, ему было бы куда легче. Но Олена по-прежнему любила, была верна и терпеливо сносила все. И за это временами он просто ненавидел такую замечательную верную любящую жену!

Великий князь Владимир Мономах

Что-то недоброе носилось в воздухе, волновались и лошади, и собаки, и даже куры… Уже прилетевшие грачи и воронье и вовсе кружили с истошными криками, не садясь на деревья. Постепенно взволновались и люди, отчего-то стало жутко.

И вдруг в середине дня налетел ветер и как-то сразу потемнело. Теперь к голосам животных и птиц прибавились людские, заголосили бабы, заплакали дети, безостановочно крестясь, уставились в небо мужики. Было отчего – на солнце вдруг стала наплывать черная тень! Она обхватывала солнышко снизу, норовя закрыть его совсем. Большинство людей стояло на коленях прямо в стылой мартовской грязи, киевляне были поклоны и вопили, прося Господа о защите и милости.

Но казалось, спасения не ждать, тень пожирала солнце прямо на глазах. Мысль остаться совсем без дневного света была столь невыносимой, что единый вопль и плач несся по Киеву. Со всех сторон загудели колокола, и звон их был вовсе не праздничным, а набатным, добавляя свою толику ужаса во всеобщее настроение.

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! Спаси мя грешного, Господи! – шептал, забыв о своих жене и детях, здоровенный мужик, бивший поклоны на торжище, прикладыва-

ясь лбом прямо в растоптанный и разъезженный грязный с примесью навоза снег. Но страдалец не замечал ни этого навоза, ни жижи под ногами, ни остальных людей тоже. Впрочем, не замечал не он один, все вели себя так же.

И только когда от солнышка остались одни рожки размером с молодой месяц и людей охватил уже не просто страх, а настоящий ужас, что-то неуловимо изменилось. Сначала никто даже не понял, что именно, но уже через мгновение начало светлеть! Тень отползала с солнечного лика с той же скоростью, как и наползала на него!

На звоннице звонарь сначала замер, но тут же, опомнившись, стал бить совсем другое. Теперь это была радость от закончившегося ужаса…

Некоторое время киевляне продолжали стоять на коленях в мартовской дорожной грязи, но постепенно один за другим поднимались, крестясь, и отправлялись в церкви – поставить свечу за спасение и пожертвовать, кто сколько сможет… Жертвовали много, куда больше, чем в обычный день, да и в праздники тоже. Слишком страшным знамением показалось исчезновение солнышка, слишком испугались гнева Господня.

У многих в тот день болели глаза, потому что, когда солнышко появилось, глазели на него до глазной рези, стараясь увериться, что не пропадет через минуту снова.

По Киеву пополз слух, что пропажа солнышка неспроста. Быть какой-то беде. Нашлись те, кто твердил, что знак хоро-

ший, потому как солнце победило мрак. Очень хотелось верить вторым, но чаще всего в годы, когда происходило что-то подобное, помирали князья.

Так и в этот год, в марте случилось затмение, а через неполный месяц 16 апреля помер Великий князь Святополк по пути из Вышгорода. Его тело привезли на лодке в Киев и похоронили в им же основанном Михайловском Златоверхом монастыре. О смерти князя пожалели разве что его ближние да те, кто кормился из его рук. Слишком не любили Святополка в Киеве и на Руси, слишком он был корыстолюбив и слишком покровительствовал ростовщикам. И только сильная рука Мономаха столько лет удерживала его на Великом престоле.

Следующим Великим князем быть бы Олегу Святославичу, прозванному Гориславичем, но уж очень не любили Святославичей на Руси, и Киев вдруг показал, что не один Новгород может выбирать себе князей! Киевляне собрали вече и кричали, что хотят князем только Владимира Мономаха. Было решено послать к нему в Переяславль послов с приглашением.

Так и поступили, но Мономах отказался, потому как очередь была Олегова. И тогда в Киеве заполыхали сначала двор тысяцкого Путяты, а потом и всех, кто связан с почившим князем. Киев бунтовал, желая своего князя. К Мономаху снова бросились послы:

– Приди, князь, в Киев, ежели не придешь, то пограбят

уже не один Путятин двор или дворы сотских и жидов, но и обители киевские тоже. Твой грех в том будет.

Мономаху было шестьдесят, он и не чаял дождаться своей очереди на Великое княжение, не собирался биться за него со Святославичами, но киевское вече было непреклонно.

В Суздаль примчался из Киева гонец, рисковал, пробираясь лесными, малоезжеными дорогами, но обошлось. Вернее, гонцов было два, Мономах нарочно отправил в паре и с заводными конями, чтобы, если что недоброе случится, могли друг дружке помочь. Будут ли когда на Руси времена, чтобы дороги для гонцов да и всех остальных прямоезжие проложили, чтобы и передохнуть было где и коней поменять? Гонцы не ведали, что эта беда – дороги – останется с Русью, а потом с Россией на века. Больно велика страна, чтобы во все стороны отменные дороги проложить. Но пусть уж так, чем сидеть каждому в своем болоте безвылазно.

Но сейчас ни князю, ни гонцам не до того, слишком важную весть принесли. Глядя на гонца, достающего из-за пазухи грамоту, Юрий гадал, что за весть. По виду гонцов не тягостная, скорее наоборот.

Развернул, быстро пробежал глазами, вдруг рассмеялся, блестя глазами, протянул грамоту Шимоновичу и крикнул в сторону, прекрасно зная, что услышат и выполнят:

– Бей в колокола!

Боярин, стоявший ближе, ахнул:

– Набат?!

– Чего?! Радость у нас, мой батюшка, – Юрий тут же опомнился и поправил сам себя, – Владимир Всеволодович Мономах Великим князем Киевским стал! Сыновей на поставление сзывает. Еду!

Вот это было известие, вот это радость! Давно бы пора на Руси Мономаху Великим князем стать, да только по лествице все не его очередь. И ныне не его, впереди есть Олег Святославич, прозванный Гориславичем, но киевская чернь устала ждать, как помер Святополк Святославич, так и вздыбился Киев. В грамоте о том лишь два слова, потому Юрий Владимирович дал немного отдохнуть гонцам и к себе в горницу позвал, где кроме него только Шимонович.

– Говорите открыто, здесь лишних ушей нет, что за бунт в Киеве был?

Те рассказывали, как чернь принялась боярские дворы жечь и требовать Мономаха Великим князем. Тот сначала отказался, но потом по увещеванию митрополита и послов, спешно отправленных в Переяславль, все же пошел в Киев.

Юрий слушал рассказ о пожарах, о бунте, о том, что киевляне уже ни на что другое не были согласны, и думал об отце – вот кто сумел для всей Руси авторитетным стать. Пожалуй, против него и Олег Гориславич не рискнет выступить…

Юрий съездил в Киев к отцу и вернулся оттуда не просто окрыленный, но с такой мечтательной поволокой в глазах,

что Шимонович вдруг возмутился:

– Ты не о Киеве ли размечтался, князь?

Юрий вздохнул:

– Да как же можно о нем не мечтать? Знал бы ты, как ныне Киев хорош… Великий град, поистине великий, второй после Царьграда.

Это вызвало почти обиду у наставника:

– А Суздаль и Ростов тебе ныне и не надобны стали?

Князь в ответ на эту ревнивую обиду расхохотался:

– Что ты, дядька! Не мечтать о Киеве не могу, это теперь не только дедина, но и отчина, сам град того стоит, но я помню о том, сколько передо мной в очереди, хорошо помню. И про Суздаль даже там не забывал, и про Ростов тоже. Можешь мне не верить, только ходил по киевскому торгу и думал, когда у нас такой будет. А еще думал, смогу ли поднять Залесье так, чтобы и в нем от деревни до деревни не два дня ходу было. Много народа в Киевщине, где бы и нам столько взять?

Вечером он снова жаловался Шимоновичу:

– Братья на меня свысока всегда смотрели и ныне так смотрят, точно я против них недоумок какой, медведь, из глуши вылезший. А ведь когда Мстислав Ростовскую землю под собой имел, и не мыслил ведь ее поднимать! Стоял Ростов, с него и того хватало. Теперь же посмеиваются, что мой терем по соседству с медвежьей берлогой, как бы не пострадал…

– Гюрги, тебя что беспокоит, что братья посмеиваются или то, что в наших землях и впрямь берлог больше, чем теремов?

Князь некоторое время смотрел на наставника, широко раскрыв глаза, а потом расхохотался:

– А ведь ты прав, теремов меньше. Ничего, будет и у нас наоборот, берлоги пусть остаются, я на медведей не в обиде, но и терема нужны. Будем ставить грады новые и земли заселять! – Он вдруг совершенно по-русски полез большущей пятерней в затылок. – Только кем их населять-то?

Шимонович был доволен, началось многотрудное, но такое полезное княжение его воспитанника – Гюрги Владимировича в Ростово-Суздальской земле (или теперь уже Суздальско-Ростовской?).

Хозяин земли Суздальской

Следующие годы Юрия Владимировича как князя, хотя и не отражены в летописях вовсе (не происходило ничего для летописцев приметного), были, пожалуй, едва ли ни самыми важными – закладывалось могущество нового Суздальского княжества, которое станет основой будущей Московской Руси, а затем России.

Такие дела не делаются враз, тут и целой жизни не хватит, но начинать кому-то нужно. Юрий Владимирович начал, сыновья, внуки, а потом и остальные потомки продолжили.

Раз за разом шли разговоры, что можно сколько угодно ставить градов. Но если вокруг не будет деревень, им не выжить, что нужны насельники. Только где их взять? Где взять смердов, чтобы пашню расчищали, чтобы хлеб растили, землю нетронутую осваивали? Вокруг с трех сторон княжества сородичей, половцы набегами на Русь ходить перестали, разве только окраинные земли щипали понемногу, потому беженцев с юга почти не стало. Оставалась только Волжская Булгария. Тем паче булгары вскоре сами дали повод на них напасть.

Нет, они не налезали на суздальские земли, но вот хана Аепу, тестя Гюргева, в стычке убили. Юрий плохо помнил тестя, все же видел несколько раз, да и не интересовался тогда им, как и Аепиной дочерью, собственной женой. Да и

сама Олена уже давно привыкла, что живет на Руси, что вокруг русские порядки, полюбила баню и русскую еду, одна только половецкая забава для нее была неистребима – верховая езда. Стоило родить ребенка и до следующего, пока пузо не начинало торчать вперед, носилась по округе в паре с Марьей, точно и не баба вовсе. Окружающие привыкли и не протестовали.

И все же убийство отца сильно задело княгиню, плакала три дня, точно прощалась со своим половецким прошлым навсегда. Гюрги поклялся отомстить, но собрался только через два лета на третье.

Дружина походу была рада, собрались многие, не только княжьи, и Ростов свою дружину тоже прислал. И белозерские, и владимирские, и ярославльские полки шли. Собирались из разных мест в устье Оки, объединялись, часть шла лодьями, конные дружины берегом, чтобы не перебирать бесконечные повороты местных рек.

Когда все вышли наконец на волжский простор, от одного вида многих и многих лодей и тысяч всадников на берегах сердце защемило. Вот она, мощь нового Залесья! И пусть братья снисходительно морщатся, обзывая медвежьим углом, они просто не видели вот этой силы.

Обычно русские князья ходили в походы зимой, когда и санный путь легче, и речной лед вместо дороги хорошо использовать. Но Юрий Владимирович вдруг повел всех летом, видно, вспомнив отцовский поход против половцев, в кото-

ром, правда, сам не участвовал, но был уж много наслышан. Только отсеялись, тут и позвал князь менять плуг на топор.

Сила действительно собралась большая, булгар застали врасплох, потому грады сдавались на милость победителей без боя, платили знатные выкупы. Ханы спешно собрались на совет, судили-рядили меж собой, сокрушенно качая головами: вот оно, проглядели, когда за Волгой вдруг появился сильный князь, способный не только отпор дать, но сам набегом на них ходить. А давно ли…

Но теперь про собственные набеги на ростовские земли приходилось забыть, решили дань большую выплатить, чтобы не пришлось и голов лишаться. Дань, запрошенная явившимся в булгарские земли зятем погибшего хана Аепы, была большой, очень большой, но ее выплатили. Не ведали булгарские ханы, на что у Юрия Владимировича пойдет та дань, а если бы и узнали, то не поняли его задумки.

А задумка была хитрой. Юрий вдруг велел отпустить попавших в полон богатых мужей булгарских безо всякого выкупа, заставив поклясться, что не станут мешать русским купцам и тем паче сами ходить на Русь. Но это оказалось не все, каждый ратник получил наказ привести по паре пленных, причем работных людей, умельцев или даже просто холопов.

– Чего это? – дивились собственные дружинники. – Мы за купцов или вон тутошних бояр сколь золота да серебра возьмем, а за эту голытьбу, у которой ни кола ни двора, что?

К чему князю те, с кого взять нечего?

Но князь, совсем уж странно, обещал сам заплатить ратникам за такой полон.

– Чего?! Нет чтобы с богатых булгар брать, он голытьбу сам выкупать будет? Мономахов сын, одним словом.

Но оказалось, что княжья хитрость была не одного дня. Смердов да холопов в полон брать куда легче, таких оказалась не одна тысяча. А князь вдруг еще одну милость явил: обещал ханам, что взамен на их клятву никогда больше на его земли не налезать отпустит сей полон через три года, но неволить не будет, уйдут только те, кто сам того пожелает.

Ханы тоже решили, что князь не в себе, кто же из полона обратно рваться не станет? Согласились на все условия, клятву дали и вздохнули с облегчением, но ненадолго.

Булгарская земля пришла в странное замешательство – даже те, кто и вовсе не воевал с русскими, вдруг пожелали стать полоняниками!

– Что?! – не поверил своим ушам хан.

– Да, коназ обещал пленным землю дать, а кто лениться не станет, тому кунами помочь и несколько лет подати большие не взимать, чтобы хозяйством обзавестись успели.

Хан, выругавшись, со своей силы хлестнул плетью собственный сапог. Хитер этот коназ, ох, как хитер! Кто же из безземельных откажется от такого плена?! Да и умелые мастеровые, которым обещали помочь поставить избы и нала-

дить жизнь, тоже вдруг бросились сдаваться в плен. Так Булгария в одночасье останется без рабочих рук!

Но как ни злились ханы, а поделать ничего не могли, оставалось надеяться, что князь Юрий слово сдержит и большинство полоняников все же вернутся домой. Но князь слово сдержал во всем: прежде всего дал землю, а вернуть тех, у кого не было дома ни земли, ни воли, едва ли возможно. Терять в Булгарии пленникам было нечего, а в Суздальском княжестве они приобретали возможность нормально жить.

Так за один поход князь Юрий Владимирович умудрился населить немало новых деревень и пополнить новые города мастеровыми. Они с Георгием Шимоновичем немало поломали головы над тем, как расселить полон, не потому, что это было негде сделать, а чтобы полоняники не оказались рядом скученно, это опасно. Но земли и работы хватало на всех, потому раздоров не было.

Вот когда ростовские бояре поскрипели зубами, они по привычке брали в полон тех, кто побогаче, чтобы получить за них выкуп. Все обычно, но серебро и злато легло на дно сундуков, не все даже смогли пустить их в дело. А вот князь вдруг получил огромное число работных людей, готовых не жалеть сил для собственного и княжьего благополучия. Те, кто разумней, прекрасно поняли, что через пяток лет богатство князя просто умножится и будет расти дальше.

Но не только деревни насаживал Юрий Владимирович,

они с наставником старались поставить и новые города. Расчет тут был двойной: во-первых, города вставали для защиты границ, прежде всего в устьях рек, чтобы торговать можно свободно, во-вторых, это были его города, где садился его посадник, где не было боярской воли и боярской силы. И чем больше становилось таких городов, чем больше земли распахивалось княжьими насельниками, тем богаче становился сам князь, тем легче ему разговаривать с ростовскими строптивыми боярами.

Не раз добрым словом вспомнил Юрий совет Шимоновича не вступать в открытую борьбу с ростовским боярством, а делать свое дело, вроде и не задевая Ростов.

– Не спеши, Гюрги, придет наше время, станет Ростов пригородом при Суздале.

В Киев шла от Ростово-Суздальской земли добрая дань, сын писал отцу, что старается поднять свои земли, Мономах мог быть спокоен за своего Гюрги. За время правления сына он ни разу не побывал больше в этих землях, ни к чему, тот справлялся сам.

Мономах был уже стар, его все чаще одолевали болезни, и все же ему довелось испытать то, чего не было ни у одного князя до него и не скоро будет после.

В Киев прибыло невиданное посольство из Царьграда – митрополит Неофит со знатными людьми привезли необычный дар греческого императора Алексея Комнина. Дело бы-

ло не в ценности подарка, хотя в нем были и Крест из Животворящего Древа, и древняя, еще принадлежавшая императору Августу сердоликовая чаша, самым важным был третий дар – из Царьграда привезли царский венец, бармы и золотые цепи императора Константина Мономаха – деда самого князя Владимира. И этот венец митрополит Неофит возложил на голову Владимира Мономаха, назвав его царем. Византия признавала русского князя равным.

Почему же сам Мономах, хотя от дедова венца отказываться не стал, царем себя не считал? Разумный князь просто понимал, что одно дело – таковым зваться и совсем другое – быть. Великий князь хотя и был первым, но среди равных. К тому времени на Руси князья чувствовали себя настолько независимыми, что никакой царской власти быть не могло. Немного опоздали византийцы со своим признанием, авторитет Мономаха на Руси признавали, но единым правителем не считали.

Существует легенда, что Мономах передал свои бармы и венец сыну Юрию на хранение, сказав, что пока царя на земле Русской быть не может. Так это или нет? Какая разница.

Дни Мономаха сочтены, правил разумный князь лишь до 1125 года… Чувствуя скорую кончину, особенно старался оставить наказы сыновьям, чтобы жили мирно, по совести, чтобы не было их волей раздора на Руси. Сыновья выполнили, удержались, а вот внуки с дядьями не слишком мирились…

Без Мономаха

И снова плескалась за бортом вода, снова то налегали на весла гребцы, помогая движению ладьи, то поднимали их, отдаваясь течению и ветру. По берегам тянулись и тянулись леса, подступавшие к самой воде зарослями ивняка, укрываясь осокой или, напротив, открывая полянки, так и манившие пристать и посидеть на молодой ярко-зеленой травке.

Так бывало каждый год испокон века и будет дальше, независимо от их собственной жизни: весной земля покрывалась ковром разнотравья, а берега превращались в сплошную зеленую стену. Потом все отцветало, созревало, жухло на солнце, облетало желтой листвой, оголялось и уходило под снег, чтобы весной начать все сначала. Такова жизнь, и ей нет дела до человеческого горя, радости или смерти.

Умер Владимир Мономах… но ничего не изменилось. И от понимания вот этого Суздальскому князю Гюрги Владимировичу становилось не по себе. Так же все продолжится и без него?

Умер настоящий страдалец, труженик Руси, его стараниями, его волей, его ежедневным душевным трудом и терпением затихли междоусобицы на Руси, смогли помириться князья, жили спокойно люди… И смерть любимого князя была страшным ударом, хотя все понимали, что немолод, что часто недужен, что недолго осталось.

Зато следующим князем был без возражений назван старший сын Владимира Мономаха, Мстислав Владимирович. Никто слова против не сказал. Это согласовалось и с волей самого Мономаха, но, главное, Мстислав уже показал себя разумным, спокойным, но твердым и даже жестким князем. Таким его помнили новгородцы, таким успели узнать киевляне. Возражать не стали не только Мономашичи, все же Мстислав – старший из братьев, но и беспокойные Ольговичи. Самого Олега Святославича в живых уже не было, а его старший сын, такой же неугомонный, Всеволод, был зятем Мстислава и выступать против собственного тестя не рискнул. Спокойствие на Руси продолжалось.

Мстислав действительно оказался очень разумным князем, его современники прозвали Великим, такое не каждому выпадает. Русь он держал крепко, но справедливо, обиженных не нашлось.

Получив уделы, Мономашичи разъехались по своим княжествам. Следующий за Мстиславом – Ярополк – отправился в Переяславль, Вячеслав – в Туров, Андрей – во Владимир на Волыни, Юрий – в свой Суздаль, за ним осталось Ростово-Суздальское княжество. В Черниговском княжестве остались Ольговичи, в Новгороде сын Мстислава Всеволод, в Смоленске – тоже его сын, Ростислав. Большая часть Руси была за Мономашичами.

Для Юрия Владимировича Суздальского ничего не изменилось, кроме того, что в Киеве его больше никто не ждал.

Юрий совсем отделился непроходимыми лесами, но пока был жив разумный Георгий Шимонович, князя это не сильно беспокоило. Он не участвовал ни в одном походе Мстислава, даже когда сразу после смерти Мономаха половцы решили, что настал их час, и пришли к Переяславлю. Его брат Ярополк Владимирович не нуждался в помощи суздальского князя, да и вообще сумел отбиться сам.

Но «забыли» Юрия и тогда, когда разбирались с беспокойными Ольговичами, когда Всеволод Ольгович выгнал из Чернигова собственного дядю, Ярослава, и сел там сам. Не ходил и на полоцкого князя, чтобы посадить там послушного воле Мономашичей Рогволода.

Андрей Владимирович был Великому князю Мстиславу Владимировичу не опасен, недаром Андрея прозвали «Добрым», возразить, тем более старшему сильному брату, который по возрасту годился ему в отцы, младший брат не мог. Это не беспокойный Юрий, которого с удовольствием отправили в далекий Суздаль.

Возвращался Юрий Владимирович к себе в Суздаль после похорон отца и размышлял, как относиться к такому положению. С одной стороны, хорошо, что его не трогали, князь уже обжился в своем уделе, переманил на свои земли немало людишек, бежавших кто подальше от половецких набегов, а кто и от собственных князей и бояр. Уже встали новые города, строились крепостицы для защиты от булгар, пусть

медленно, но ведь строились. Богатела Суздальская земля, не знавшая за эти годы жестоких набегов и усобиц.

Но с другой стороны, жить словно отдельно от всех… Русь была где-то там за лесами, за Козельском, в не слишком обжитом крае это чувствовалось сильно. Страшно мешали булгары, не позволяя свободно ходить по Волге купцам. Юрий Владимирович понимал, что его княжество куда богаче Переяславльского, богаче и спокойней. Разумом понимал, а сердце рвалось туда, на юг, к остальным поближе. Конечно, ему ежемесячно привозили вести о происходившем, свои люди были и в Переяславле, и в Киеве. Но он-то сам далеко…

Юрий не мог рассчитывать на Великое княжение, перед ним за Мстиславом еще Ярополк, правда, он бездетен, и Вячеслав, Андрей младше, остальных Владимировичей уже не было в живых. Но он об этом и не думал. Пока жив и крепок Мстислав, который хотел бы посадить за собой своего сына Всеволода, но это было бы нарушением. Вспомнив спокойного, незлобивого Всеволода, Юрий подумал, что тот рваться к власти в Киеве раньше дяди не будет, можно не бояться.

Вот и получалось, что сидеть и сидеть Юрию Владимировичу на своем столе, заниматься Ростово-Суздальским княжеством, как советовал Георгий Шимонович. Да, варяг разумен…

Встречая вернувшегося из Киева князя, Шимонович вни-

мательно вгляделся в его лицо, пытаясь прочесть, что решили меж собой братья-князья по поводу власти. Юрий понял его заботу, усмехнулся:

– Сначала Мстиславу править, как должно и как все хотят…

Но чуткий варяг уловил недосказанность в его словах. Ох, не все так просто, как твердит Юрий… Попросил рассказать все подробней.

Юрий Владимирович рассказывал о последних днях жизни Владимира Мономаха, о его «Поучении», его наказах сыновьям… И вот, наконец, то, чего ждал суздальский тысяцкий: о воле князя-отца по передаче власти.

– Киев оставить у Мстиславовых сыновей. К чему?

– Гюрги, мыслю, они сами решат. За Мстиславом еще двое братьев до тебя есть. Да и Всеволод Мстиславич не таков, чтобы впереди дядей лезть.

Князь чуть набычился:

– Всеволод не таков, а вот Изяслав…

Живо вспомнилось, каким недобрым был взгляд князя, когда смотрел в церкви. И душа заныла, словно чувствуя, что со временем именно с этим племянником будет воевать не на жизнь, а на смерть за Киев.

– Угомонись, князь, до Изяслава сколько в очереди! Забыл про Ольговичей? Один Всеволод Ольгович чего стоит, неужто Изяслава на престол пустит?

Конечно, одно упоминание о несправедливости задуман-

ного отцом портило настроение и выводило из себя, но разум твердил, что Шимонович прав, ни к чему мыслить о том, что и быть не может.

Перевел разговор на другое, стал говорить о том, что не таков ныне и Печерский монастырь, словно бы забыли об обители. И игумен Даниил почти забыт.

– Я список «Хождения» привез. Все там читал и в дороге тоже. Точно с самим Даниилом беседовал. Эх, как жаль, что при его жизни не удалось!

Шимонович согласился:

– Вот про это жаль, ты прав. И про Печерскую обитель тоже. Давненько на могиле Феодосия не был… Знаешь ли, что он меня своим молением от слепоты спас?

– Слышал, да все спросить не решался.

– Да… Игумен Феодосий моего отца и весь наш род благословил, а я три года солнца не видел, лечцы ничего поделать не могли, только его молениями и прозрел. Мой отец тоже в Успенской церкви Печерской обители похоронен, аккурат напротив гробницы Феодосия.

– Захирела рака-то, – вздохнул Юрий. – Хотя и смотрят монахи, а все одно – проста слишком.

– Да и сам Феодосий не больно богат да вычурен был! – Георгий Шимонович о чем-то подумал и покачал головой: – Надобно бы денег дать, чтоб подновили… И обители самой тоже.

– И я дам, – кивнул Юрий.

Разговор перешел на церковные дела и в Суздальской земле. Юрий поведал наставнику то, о чем думал, коротая время в пути.

– Хочу церковь каменную поставить нашему с тобой покровителю. – И добавил несколько неожиданное для Шимоновича: – Во Владимире-Залесском.

Тысяцкий, конечно, хотел спросить, почему именно там, но предпочел благоразумно промолчать, пусть уж лучше в своей земле церкви строит, чем на Киев зарится. Столько лет уже Шимонович внушал Юрию Владимировичу, что своя земля дороже, что Киев далеко и не про него, за него всегда свары идти будут и стычки тоже. А уж о близости к половцам и говорить не стоило, сколько раз горел и бывал разорен? Да и княжество не столь богатое, чтоб за него цепляться, даром что Великим прозвано. Пусть себе…

Ничего, ты упрям, а я упрямей, Юрий Владимирович. Только бы успеть тебя к Ростово-Суздальской земле покрепче привязать.

Юрий привязался. Пока думал о своем княжестве, занимался строительством, судил да рядил людишек, пировал, охотился, вроде все хорошо шло. Но стоило вспомнить о несправедливом решении отца, как накатывали обида и желание вернуться в Киев и настоять на своем. Только вот на чем – не знал, потому как настаивать пока было не на чем, в Киеве на Великом столе сидел старший из Мономашичей,

Мстислав, за ним еще были Ярополк, Вячеслав и старший из Ольговичей, Всеволод. Но все куда старше него самого, надежда пересидеть все же была.

Зачем ему Киев, не знал и сам, просто коробило от одного воспоминания чуть нагловатого злого взгляда племянника Изяслава, который возрастом ровня самому дяде. Этого Изяслава когда-то отправил Мономах с Даниилом молиться ко Гробу Господню, и в том тоже были зависть и чувство обиды у Юрия Владимировича. Он так хотел поехать с игуменом Даниилом, но Мономах решил в пользу Изяслава. Тогда отроки едва не подрались, все успокоилось, но взаимная неприязнь осталась. Изяслав кричал обидные слова про мать-половчанку и то, что сам Гюрги зачат незаконно. И хотя самому Юрию до Киевского престола было очень далеко, одно князь знал точно: никогда не допустит до него Изяслава, даже если придется переступить через слово, данное отцу.

Так и остались Мономашичи и их потомки поделены надвое – детей и внуков Гиты и Юрия и Андрея – сыновей второй Мономаховой жены. Но Андрей и слова против старших братьев и даже племянников не способен сказать, а вот Юрий все же не был доволен и своим сыновьям внушил то же.

Став после отца князем Суздальской земли (уже Владимиро-Суздальской), сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский попросту разорит Киев и окончательно утвердит столицу Северо-Восточной Руси – Владимир. С него начнет-

ся настоящий подъем сначала Владимиро-Суздальского княжества, а потом и Московского, потомки его брата – младшего из сыновей Юрия Долгорукого, Всеволода, прозванного Большим Гнездом, – будут уже московскими правителями.

Но до этого было еще далеко, сама будущая Москва только-только превращалась в городок…

Мстислава Владимировича не зря при жизни прозвали Великим. Больших походов не совершал, земель не завоевывал, но правил так, что никто на Русь даже сунуться не мог и междоусобиц тоже серьезных не было. Крепко держал Русь старший сын Владимира Мономаха, Мстислав. Жаль только, выпало ему это ненадолго – всего семь лет прожил Мстислав после смерти отца… Но это были спокойные годы для Руси, а такие дорогого стоят, после Мстислава таких лет и не было больше.

Умер Великий князь Мстислав Владимирович, сын Мономаха, просидев в Киеве всего семь лет. Но память о себе оставил такую, какую многим и за жизнь не наскрести. Добрую память, его Великим при жизни назвали, такое мало кому удавалось. Было на Руси спокойствие все эти года, с внешними врагами он справлялся, а внутри Руси никто против старшего сына Мономаха не возражал, все по праву и по уму сотворено.

Но, конечно, князю хотелось, чтобы за Мстиславичами

остался Киевский стол, тем паче следующие за ним братья не возражали. Вернее, следующий сын Мономаха, Ярополк, был бездетным, а посему клялся умиравшему старшему брату, что примет его сыновей как своих и за собой власть передаст старшему Мстиславичу, Всеволоду, сидевшему к тому времени в Новгороде.

И это при том, что оставались трое сыновей Мономаха – Вячеслав Туровский, Юрий Суздальский и Андрей, сидевший во Владимире-Волынском. Переяславль в руках у племянника в обход дядей был пощечиной всем троим, но Вячеслав не противился, а вот Юрий с Андреем решили не допустить такого поворота дел.

На улице весна, обычно в это время князя Юрия Владимировича в тереме не сыскать, все мотался по округе, то проверяя, как идет сев, то намечая с древоделами, где и какие ставить хоромины, где подновлять старое, то объезжал будущие покосы, распределяя их между новыми поселенцами… И теперь он не сидел в тереме, а занимался совсем другим – собирался куда-то уезжать. Все наказывал и наказывал сыновьям, как быть и что делать, успокаивал княгиню, которая снова на сносях, перечислял тиуну его заботы, ходил на беседу к своему священнику. Княгиня только вздыхала: и к чему едет, зачем ему тот Переяславль, ведь так далеко… Но Юрий упрямый, если что решил, ничем не своротишь. Будь рядом разумный Шимонович, остановил бы, но этого старо-

го сына варяга уже не было в живых.

Суздальцы с тоской смотрели вслед князю с дружиной, уходившему в сторону Киева. Неужели не вернется, все уже привыкли, что князь добр и милостив, что к нему можно обратиться за помощью, что за его дружиной как за каменной стеной, а что теперь? А ну как соседи, прослышав, что князя нет, набегут? Или бояре за старое возьмутся? Осиротел Суздаль без Юрия Владимировича.

А Юрию было некогда, он действительно спешил в Переяславль, чтобы не позволить собственному племяннику Всеволоду Мстиславичу, выехавшему из Новгорода, сесть в отчине Мономаха, из которой всего один шаг до Великого престола в Киеве. Нет, право на Переяславль у Мономашичей, а не Мстиславичей, не должно племянникам опережать дядей, даже если этого очень хочется нынешнему Великому князю Ярополку Владимировичу. Он может сколько угодно желать посадить в Переяславле племянника, но остальные дяди этого не допустят, лествица есть лествица.

Над Переяславлем, столько раз уже бывшим яблоком раздора князей и еще не раз таковым будущим, плыл колокольный звон. Переяславльский епископ Марк встречал племянника нового Великого князя и сына предыдущего, Всеволода Мстиславича. Марк был многим обязан нынешнему Великому князю, а потому особо ратовал за княжение в городе его племянника. За Переяславлем обычно следовал великокня-

жеский стол, потому к будущему правителю были особенно внимательны, да и отзывы о нем только хорошие – благостен, незлобив, милостив… Чем не князь? Зачем искать еще кого-то?

Под перезвон колоколов будущий князь въехал в город, получил благословение на княжение и объявил, что само возведение на престол будет завтра поутру, хотя в переяславльском соборе Архангела Михаила все было готово.

Знай, что произойдет дальше, епископ поторопил бы Всеволода Мстиславича, но… Знал бы где упадешь, соломки бы постелил. Не оказалось той соломки. Уже к обеду Переяславль принимал совершенно нежданных и нежеланных гостей – дружину Суздальского князя Юрия Владимировича.

Вот уж кого меньше всего ожидали увидеть в Переяславле, так это князя из далекого Залесья! И желали тоже, хотя он и сын Мономаха. Юрий Владимирович был чужим для всех, и в Киеве, и в Переяславле, хотя там родился, никто уже и не помнил сидевшего за лесами в медвежьем углу сына половчанки. Но противиться его немалой и хорошо вооруженной дружине переяславльцы не посмели, как и несостоявшийся князь Всеволод.

Пришлось бедолаге возвращаться сначала в Киев, а потом в свой Новгород. Но новгородцы на такое поведение обиделись, позже они припомнили князю то, что бросил их город ради Переяславля.

А в это время Великий князь Ярополк собирал рать, что-

бы разобраться с нежданно появившимся из своего Залесья братом. Разобраться не удалось, хотя замирились, договорившись посадить в Переяславле не старшего, Мстиславича Всеволода, а следующего – Изяслава.

Это было плохое решение, и братья снова все поменяли, теперь в Переяславле сел следующий за Ярополком брат Вячеслав. Но в воздухе витало что-то такое, что заставило Юрия не возвращаться в свой Суздаль, а остаться в подаренном когда-то отцом Городце-Остерском. И не зря. Вячеславу быстро надоел беспокойный Переяславль, и он постарался вернуться в свой Туров.

Начался новый невообразимый передел Руси, при котором кто-то сумел закрепиться там, где и не ждал, кто-то, наоборот, все потерять. Так остался без дел Изяслав, которому пришлось уехать к старшему брату Всеволоду в Новгород. Этот сын Мстислава Великого, племянник Юрия, принесет еще немало хлопот и даже горя своему дяде.

Вообще-то они были ровесниками, но так получалось, что Изяславу всегда перепадало больше, чем его дяде, Юрию, именно он путешествовал с Даниилом в Святую землю, что вызвало у Юрия сильную зависть…

– Князь, – Кузьма смотрел просто умоляюще, – может, домой, а? Ну к чему тебе, Юрий Владимирович, этот Переяславль?

Сказал и едва успел увернуться от запущенного в голову

кубка, следом загремел голос князя:

– Дурень! Это моя отчина и путь к Киеву!

– А Киев зачем? – уже совсем тоскливо поинтересовался Кузьма, на всякий случай убедившись, что под рукой у Юрия нет ничего тяжелого.

– Поди прочь!

Кузьма не ушел, он с укоризненным видом принялся вытирать лужу, пролитую из брошенного кубка, словно для этого мало холопов, ворча себе под нос, но так, чтобы князю было хорошо слышно:

– Вот сколько говаривал Шимонович, что хуже нет – на двух лавках сидеть, непременно свалишься, обе потерявши…

Юрий и без Кузьмы понимал, что делает не то. Его душа уже рвалась в Суздаль, посмотреть, как там его сыновья, как идет покос, строительство, но и бросить начатое он тоже не мог.

Не допустив на переяславльский стол племянников и убедившись, что Вячеслав в таком трудном городе править попросту не способен, Юрий Владимирович встал перед выбором: бросить все и вернуться или остаться в Переяславле самому. Вообще-то Мономах так сидел – был князем и Ростовским, и Переяславльским. Но у Мономаха не было таких бешеных племянников.

И все же Юрий сдаваться не собирался. Он взял Переяславль под себя, отдав дань от Ростова Великому князю Яро-

полку.

Новгородские дела

Страдалец Всеволод Мстиславич возвратился в Новгород и сразу почувствовал, что ему не слишком рады. Самолюбивые новгородцы не смогли простить князю то, что он так легко сбежал от них в Переяславль, и теперь смотрели на него косо. Единственной поддержкой стал приехавший туда же брат Изяслав Мстиславич. Все познается в сравнении, только поговорив с братом, Всеволод осознал, что его дела не так уж плохи, новгородцы хотя и ворчат, но терпят князя, а вот Изяслав и вовсе остался без удела.

Рослый, красивый, воинственный Изяслав, очень похожий на их отца Мстислава, казалось, должен бы очень глянуться Новгороду, ведь любили же новгородцы князя Мстислава, ох, как любили! Но быть похожим на отца – не значит снискать любовь так же, как он. Мстислава просто терпели.

Новгород-то терпел, а вот сам Мстислав – нет. Не мог он простить Юрия Владимировича, из-за требований которого остался без земли. Сам так вон сидит на двух княжествах – и в Переяславле, и Ростово-Суздальская земля под ним. Не раз говорили об этом братья за братиной, и с каждым днем все чаще звучала мысль отобрать у Юрия его Залесье, хватит с него Переяславля!

С княжьего двора такие мысли быстро перекинулись на вечевую площадь перед Софией. В Новгороде нашлось нема-

ло тех, кто готов был пограбить стремительно богатевших соседей, тем более когда их князь далече. Но на вече Новгород раз за разом делился на две части: тех, кто хоть завтра в поход, и тех, кто против. Крик стоял немыслимый, но переорать друг дружку никак не могли, а потому все лето медлили.

Прознав о непорядках, митрополит Михаил наложил на весь город епитимью за такие глупости. Сначала страшно смутились, испугались, но кого это когда попытка усовестить издалека останавливала? Накануне Троицына дня вечевой колокол снова звал к Софии. Собираясь, новгородцы заранее закатывали рукава рубах и подхватывали дреколье, понимая, что просто криком дело не обойдется. Так и есть, стычка произошла на мосту – самом обычном месте для выяснения отношений между несогласными.

В келью к новгородскому епископу Нифонту почти вбежал инок Исайя:

– Владыка, там…

Что именно «там», и объяснять не нужно – новгородцы даже до веча не дотерпели, начали драку прямо на мосту. Слово за слово, в ход пошли кулаки и дреколье. Уже держались за свороченные носы первые пострадавшие, уже летели в воду первые сброшенные, истошно кричала какая-то баба над своим лежавшим с разбитым лицом мужем, уже лица красные, а в глазах бешенство, и все равно кто кого и за что, главное – ударить!

– А ну разойдись, чертовы дети! – епископ с большим крестом в руке метнулся между самыми драчливыми на середине моста.

На мгновение новгородцы обомлели, замерли, но почти сразу кто-то посоветовал:

– Владыка, ты бы шел отсюда, ненароком зашибем…

– Я те зашибу! – голос Нифонта неожиданно перекрыл все остальные голоса, заставил замолчать. – Разойдись! Кто ослушается – прокляну!

Не сразу, но подчинились, только надолго ли?

А тут послание митрополита Михаила… Но новгородцы нашли выход, отправили в Киев целое посольство, а на ростовские земли все равно собрались.

Шли по Волге, ежедневно собираясь и ругаясь. Недовольные сами собой, на том же собранном вече отняли посадничество у Петрилы Микульчича и поставили на его место Иванку Павловича. Помогло мало, все равно половина упорно тянула домой. В конце концов решили вернуться и подготовиться получше.

Изяслав просто бесился, слушая все эти споры и шатания, а потому в Новгород возвращаться не стал, остался в Волоке-Ламском.

Юрий в это время помогал старшему брату, Великому князю Ярополку, в борьбе против черниговских князей.

Но ни новгородцы, ни князь Всеволод не успокоились. Их

не остановило даже то, что митрополит Михаил сам приехал унимать ретивых любителей завоевывать чужие земли.

И снова шумело вече, пытались увещевать неразумных горожан митрополит и епископ, новгородцы словно с цепи сорвались, теперь уже сомневающихся почему-то не было, даже пророчества митрополита, что если пойдут, то будут биты, не помогло. Его самого силой задержали в городе, чтобы не сообщил о предстоящем походе в Суздаль.

Сообщили и без него, но в последний день декабря огромное войско все же выступило из Новгорода снова в направлении Волги. Сразу почувствовали, что поход будет нелегким, мороз, метель, бесконечный снег… А суздальцы справились и без князя Юрия Владимировича, были у них и силы, и воеводы…

Новгородцы, перемерзшие и измученные трудным переходом, и вовсе потеряли боевой дух, когда увидели войско, какое выставила против них Ростово-Суздальская земля на реке Кубре на Ждане-горе. Может, и хотели бы повернуть обратно, да поздно уже. Разгром новгородцев оказался полным, хотя и суздальцев погибло тоже немало. Но у новгородцев не вернулись оба посадника – и бывший Петрило Микульчич, и новый Иванко Павлович, да еще много кто. Князю Всеволоду удалось бежать с остатками своего войска.

А князь Юрий Владимирович был вынужден в это время разбираться с делами вокруг Переяславля и Чернигова. Воевать вместе с братьями, Ярополком и Андреем, против

черниговских князей и против половцев. Конечно, это мало понравилось суздальцам, Шимонович даже отправил своему бывшему подопечному, который теперь редко слушал старого тысяцкого, гневное письмо с укором, что о делах брата думает, а о собственных забыл.

Но Юрий, считая себя обязанным помогать Великому князю, все же вернулся в Суздаль только тогда, когда с черниговскими князьями и с половцами был заключен мир.

В Суздале косились обиженные бояре и даже простые горожане, Юрий дал себе слово не бросать свое княжество, чтобы не было беды.

А в Новгороде происходили странные события. После разгрома на Ждане-горе прошло больше года, когда новгородцы, сговорившись с псковичами и ладожанами, вдруг встали против князя Всеволода Мстиславича. Такого еще никогда не было, князя могли не принять, прогнать, но чтоб под замок сажать…

Два месяца бедолага просидел взаперти, пока не решили отправить его из города.

Почему вдруг теперь новгородцы решили спровадить Всеволода Мстиславича, они и сами объяснить не смогли бы. Просто вдруг «вспомнили», что он «не блюдет простого народа», словно раньше этого не замечали. И до такой степени возмутились, что посадили под замок в Епископский дом всю княжью семью – его, жену, детей и тещу, а к Святославу

отправили гонца с предложением занять Новгородский стол. Святослав Ольгович, тот самый, с которым одновременно женился Гюрги (Юрий) Владимирович, взяв каждый по половецкой княжне, долго не раздумывал, да и бедолага Всеволод от себя прибавил, чтоб приезжал поскорее, освободил его из-под стражи и позволил уехать.

Кто же от такого предложения откажется, тем более Святослав, сидевший словно нахлебником без удела? Обрадовался, подхватил свою Екатерину и двоих деток малых и помчался в Новгород. Казалось, жизнь начала налаживаться.

Семейная-то не задалась как-то сразу, за столько лет детей у них было всего двое – дочка Елена и сыночек Олег, в то время как у Гюрги сыпались, как горох, сыновья. Даром что его Олена маленькой да тоненькой была, а вон какой плодовитой оказалась! Екатерина снова в тяжести, но радости от не выживавших дочек у Святослава не было.

Но теперь он словно снова родился, ходил, поглядывая на всех вокруг свысока и вроде чуть заносчиво. Кто помнил о том, каковы новгородцы, только головами покачивали, ведь как позвали, так могут и прогнать. Но говорить об этом Святославу Ольговичу вслух как-то не хотелось, уж очень суровой была судьба в отношении этого князя.

С малых лет все не ладилось. Когда-то его отец Олег Святославич, прозванный за свое мыканье Гориславичем, связался с половцами, оказался в плену в Византии, но там судьба ему улыбнулась – женился на знатной гречанке Феофа-

нии. Пленником быть перестал, детки родились, в Тмутаракань вернулись. Но пришло время выбирать, и Олег Святославич предал свою Феофанию, вытащившую его из плена, чтобы… жениться на половчанке ради выгоды. Обретя родственные связи с половецким ханом, князь потерял умную, прекрасно справлявшуюся с хозяйством немалого города жену. Гордая Феофания ни укорять, ни умолять не стала, вернулась в Византию с одной дочерью, потому как сыновья уже были в дружине с отцом, им мать не слишком нужна.

Вот и получилось, что первые два сына, Всеволод и Глеб, родились от гречанки, а вторые, Святослав и Игорь, от половчанки, хотя Тмутаракани уже и не знали. Отец взялся отвоевывать Черниговское княжество, где сидел Владимир Мономах. Получилось, вернул, вернее, Мономах, чувствуя его силу и не желая воевать, уступил. Но Черниговский удел для четверых сыновей не слишком просторен, к тому же Олег Святославич не забывал, что его отец старше отца Мономаха, и после Святополка должен бы править он, Олег. Но все же князь чувствовал, насколько нелюбим киевлянами, и воевать с Мономахом за Киевский стол не решился. Укатали Сивку крутые горки, притих буйный Олег Святославич с годами, отвоевал Черниговский удел и успокоился.

Зато не успокоились его старший и младший сыновья – Всеволод и Игорь. Всеволод считал за Мономахом себя Великим князем, но его опередил Мономахов старший сын Мстислав. И снова здесь роль сыграли пристрастия киевлян,

Мстислава захотели видеть Великим князем. Он и правил разумно семь лет, так что Великим прозвали. Всеволод Ольгович даже женился на его дочери и явно метил на место тестя, да не удалось. Великим князем стал брат Мстислава, Ярополк, а остальные Мономашичи, Вячеслав, Андрей и, главное, Юрий, поддержали.

Святослав на Киевский стол не метил, прекрасно понимая, что тот не по зубам, а потому был рад поехать в Новгород, оставив своих воинственных беспокойных братьев Всеволода и Игоря Ольговичей следить за Киевом. Следили черниговские князья не зря, после смерти Ярополка на престоле сел следующий Мономашич – Вячеслав, но Всеволоду быстро удалось с ним «договориться».

Но пока братья пристально наблюдали за Киевом, Святослав пытался прижиться в Новгороде. Зря он думал, что если сами позвали, то все сойдет с рук.

У Святослава Ольговича своего удела не было, а потому и княжьего дворца, полного барахла, тоже. Его обоз не отличался особыми размерами. Но княжий терем в Ракоме со времен князя Ярослава всем обеспечен, бедствовать не пришлось. Да и княгиня Святославова непривередлива, что есть, того и достаточно. Кроме того, Екатерина была на сносях, сразу по прибытии родила еще одну дочку – Анастасию.

В город въехал честь по чести, на вече показался, обещал хранить Новгород и судить по «Правде» и справедливости.

Горожанам понравилось. Правда, не все желали ухода Всеволода, даже посадник был против и вместе со многими знатными горожанами вдруг подался в Псков. Святославу бы насторожиться, но он пока упивался своим новым положением – князя с уделом, да еще каким богатым, что легкомысленно махнул на все рукой.

Освобожденный из-под стражи новым князем Всеволод Мстиславич оставил в заложниках в Новгороде своего сына Владимира и уехал в Киев, где Великий князь выделил ему Вышгород, почетный, но очень небогатый. И тогда Всеволод решил попытать счастья во Пскове, тем более оттуда уже звали бывший посадник и другие его сторонники.

Святослав ходил по терему гоголем, поглядывая на дружину с усмешкой: вот, мол, я каков! Он готов был решать все споры в пользу новгородцев в благодарность за избрание, но быстро оказалось, что спорят они меж собой и еще с… его дружиной! Новый посадник Якун не мог найти себе места, нутром чуя крупные неприятности именно из-за вольности княжьих дружинников, больно задиристы и вели себя, словно варяги. Но у Новгорода и на варягов управа находилась. Пробовал говорить Святославу Ольговичу, но князь только отмахивался:

– Я без дружины – никто. Небось не обидят твоих новгородцев.

Ошибся, обидели, да еще как! И отличился сам князь.

К Святославу пришел с просьбой разобраться брат быв-

шего новгородского тысяцкого – Петрилы Микульчича. Дело вроде странное, такое, в какие и соваться не следует, но князь вмешался на свое счастье (или несчастье?). Причиной вмешательства оказалась виновница заварившейся бучи дочь погибшего тысяцкого – Мария Петриловна.

Дочери Петрилы Микульчича ставили в вину гибель мужа – новгородского сотника Громилы Силыча, которого, по совести говоря, угробили Святославовы дружинники. Но сородичи сотника обвинили в соучастии женку, мол, неверна была, и изгнали ее со двора. Чего хотел дядя красавицы, он, пожалуй, не знал и сам, защиты, и все тут. А какой? Заставить вернуть вдову в дом? Так ведь ей житья там не будет. Открыто наказать своих дружинников, да еще чтоб сказали, что Мария не виновна? Никогда князь на такое не пойдет. Куда ни кинь, всюду клин.

Но Святослав, глядя на крепкую, аппетитную вдовушку, которую, кажется, мало печалила мужнина смерть, думал совсем не о суде над дружинниками или созыве веча. Мария Петриловна пришлась ему по сердцу, да так, что объявил, мол, оставляет ее у себя в тереме, пока во всем не разберется. Сначала у брата тысяцкого взыграло: что ж это за защита, ежели бабу вот так при себе оставляют?! Такого позора в их роду не бывало, у князя больно масляно глаза на вдову блестели, для чего оставлял, и объяснять не надо. Но тут свое слово сказала строптивая Мария Петриловна, видно, решила, что с князем и наложницей лучше, чем на дворе у родни

опостылевшего мужа. Вдова глазами на дядю сверкнула:

– Сказано, князь разберется!

Боярин хотел было пригрозить, что потом и на свой двор тоже не пустит, но чуть подумал и махнул рукой:

– А… с вами, бабами, тут!..

Глядя вслед уходившему дяде, Мария Петриловна поинтересовалась у Святослава:

– Пересказать ли, князь, каково с нелюбым мужем было?

И голос вдовы звучал так ласково да заманчиво…

Княгини она не боялась совсем, Екатерина все же с молоком матери впитала уверенность, что жен может быть много и мешать супругу любить их всех не следует. Но Святослав не на ту напал, Мария не собиралась становиться просто наложницей, у нее были совсем другие планы… Только перехватив масленый взгляд князя, шустрая вдова уже знала чего хочет и как будет этого добиваться.

– Расскажи, расскажи…

– Да тут ли при людях? – вроде даже смутилась вдова.

У Святослава еще были дела, потому пришлось назначить другое время и другое место для беседы, сгорая при этом от нетерпения.

– А до той поры что же, на крыльце сидеть да горевать?

– Нет, что ты, что ты!

Распорядился, чтобы и горницу выделили, и слуг дали. Успел шепнуть:

– Сам приду. Вечером.

До вечера он едва дотянул, князю уж шестой десяток, но в горницу к новой любушке скользнул, точно парень на первое свидание. Боялся, что встретит неласково, но Мария знала, что делать. У Святослава женка только родила, потому он истосковался по горячей ласке, разве что девки развлекали, но то девки, а она желала стать княгиней… На шею бросилась, точно прося защиты:

– Князь, спаси от пересудов людских! Недоброе уже и на твоем дворе обо мне говорят!

Почувствовав на своей шее крепкие руки, а вплотную молодое горячее тело, Святослав уже не мог противиться зову плоти.

– Кто смеет?

– Да кто я такая? Как тебя увидела, так и голову потеряла… муж нелюб стал, и свет не мил…

Если до сих пор он еще мог сопротивляться хоть мысленно, то теперь и эта преграда пала.

– Так ты из-за меня… мужа-то?

Мария подняла на князя большие, блестящие от слез глаза:

– А то?

– Ну… ты это…

Она оказалась горяча, ох как горяча! Стонала и губы закусывала так, что Святослав почувствовал себя снова молодым и сильным.

Ушел князь от вдовушки только под утро, шальной и гото-

вый ради нее на все. А Мария Петриловна, глядя ему вслед, с удовольствием потянулась:

– Добро, князюшка, больше без венчания ты у меня такого не получишь. Да и после венчания тоже, придумаем, как отвадить.

Как она собиралась венчаться со Святославом, уже имевшим жену, пока не знала, но знала, что это будет.

На следующий вечер дверь в горницу оказалась заперта, а сама Мария после того утром объяснила:

– Грешно это – невенчанным так любиться. Я раз уступила и весь день проревела, каясь. Грех.

Говорила, а сама смотрела такими глазами, что хотелось снова повалить на постель и насладиться жаром ее тела.

Но Святослав не мог придумать, как быть с Екатериной. Она сама подвинулась бы, уступая супружеское ложе, да от венчания куда денешься? Как венчаться, будучи венчанным?

Князь отправился к новгородскому епископу Нифонту. Нифонт не слишком жаловал нового князя, и его надо было сначала задобрить. Епископ, как всегда в Новгороде, вес среди горожан имел большой, его слово значило многое.

Он с удивлением встретил Святослава, хотя и знал уже о Петриловой непутевой дочери и о том, что князь пригрел вдову у себя. Хотел пожурить, мол, непотребство это, но Святослав его опередил:

– Благослови, святой отец.

Нифонт хмыкнул:

– Это смотря на что…

– Мыслю твердый налог для церкви ввести и земельку выделить, чтобы не было спора ни в размерах, ни в сборе дани.

– Хм…

Нифонт прекрасно понимал, что это просто взятка, но отказываться от нее не собирался, действительно, неопределенность в сборе дани для церкви епископа тяготила, приходилось напоминать или просто ждать.

– Отобедай со мной, князь. Правда, ноне день постный, понравится ли?

– С тобой рядом, святой отец, и сухая корка яством покажется.

Ишь как запел! Чего хочет-то, развода? А ну как его княгиня не согласна будет, все же после стольких лет детки теперь есть, третьего вон родила…

За обедом говорили все о том, о сем. Епископ передавал жалобы новгородцев на самоволие дружины, напоминал, что горожане всегда честь своих женок блюли и в обиду их не давали, случись что, плохо может закончиться. Святослав кивал, соглашаясь, что грешно на чужое зариться, будь женка или добро. Воспользовавшись минутой, сказал и то, зачем, собственно, шел:

– Вот и я, хотя не первой молодости, женку хочу взять… Не жить же в грехе.

– Да ведь у тебя, Святослав Ольгович, есть княгиня.

Святослав вздохнул:

– Дитем совсем женили на половчанке. Столько лет тепла не чую, точно чурка какая рядом. Женку встретил по себе, венчай, святой отец, чтоб не блудил поневоле!

– А прежнюю куда?

– Половчанку-то? А никуда. Не в счет та, она так и осталась степнячкой. Деток не оставлю, будут во всем первыми.

Епископ встал во весь свой немалый рост, в глазах его появилось что-то нехорошее:

– Ты, князь, говори, да не заговаривайся. Перед свадьбой ее крестили? Имя Екатерина небось не ханом Алепой дадено было?

– Крестили, да только…

– Что – только? Венчан? Значит, и живи венчанным, а все остальное – блуд! И венчать тебя еще раз при живой женке не стану, не на то поставлен. Прости, Святослав Ольгович, неможется мне что-то…

Сказал и вышел твердой походкой, оставив князя одного. По этой походке отнюдь не чувствовалось, что епископу «неможется». Ах ты ж старый строптивец! Но отказываться от назначенной дани теперь нельзя, некрасиво…

Святослав злился сам на себя, чего бы сначала не завести осторожно разговор о возможной женитьбе? Но потом подумал, что епископ прав, негоже так-то. Оставалось уговорить Марию Петриловну жить невенчанной. А что, если уж так

люб, то потерпит, а там, может, и епископа уговорить удастся или придумать что другое…

Но не на ту напал, почувствовав, что возможность стать княгиней под вопросом, Мария Петриловна решилась на отчаянный шаг. Вокруг действительно уже шептались, да и сама понимала, что в наложницах у князя долго не продержишься, горячих да ловких во всяком городе пруд пруди. Тихонько попросила Святослава прийти ввечеру.

Тот поспешил, однако предчувствуя непростой разговор. Святослав, как все мужчины, боялся женских слез и что сказать, просто не знал. Но вдова встретила его спокойно, сказала, что попрощаться хочет.

– Чего это? Али плохо тебе у меня в тереме?

– Хорошо, да только как могу дольше оставаться?

Она замолчала, ожидая, что скажет, а Святослав просто не знал, с чего начать, пришлось Марии самой, все самой.

– Мне теперь один путь – в омут головой. – Она подняла руку, останавливая его удивленное возражение. – В тяжести я, князь, а как дитю жизнь давать, ежели без мужа?

Пользуясь тем, что он обомлел от такого известия, вдова залилась слезами:

– Знаю, что грех великий, но куда мне? И здесь наложницей жить не смогу, плевать вслед станут.

– Да я им!

– На всякий роток не накинешь платок. А сыну как скажу, кто его отец? Нет, уж лучше в омут. Проститься вот хотела,

в последний раз тебя поцеловать, обнять…

Святослав, почувствовав на своих губах ее горячие губы, а на шее – руки, снова потерял голову. И снова очнулся только к утру опустошенный, счастливый и несчастный одновременно. Он не мог отказаться от такой женщины, но и жениться на ней не мог.

Видя, что даже таким способом из Святослава не выбить обещание жениться, Мария задумалась, что же делать теперь.

– Прощай, Святослав Ольгович. Было мне с тобой хорошо, да ты сам нашу с сыном судьбу решил. Не поминай лихом. Иди, тебе пора. Да и мне тоже.

Она стояла, переплетая густые волосы, стройная, красивая… совсем не как немолодая уже годами Екатерина. Святослав обхватил сзади, горячо зашептал:

– Не уходи. Женюсь! К епископу ныне ходил, отказал он, так другого найдем. Повенчают.

Мария грустно покачала головой:

– Коли епископ отказался, кто повенчает?

– Духовника своего заставлю. Он без меня никуда, повенчает.

И вдруг его самого смутил такой поворот:

– А ты-то не боишься, все же у меня венчанная женка есть…

Мария, осознав, что задуманное получилось, обхватила его шею и прижалась, радуясь уже неподдельно:

– Я с тобой на все согласна! Не мне венчание нужно, а чтоб дите законным было да люди вслед не болтали.

Венчание состоялось, и провел его действительно княжий духовник, за что епископ Нифонт страшно на него гневался.

Мария Петриловна, став княгиней, родила, но не сына, а дочку, и чуть раньше срока. Отговорилась тем, что из-за переживаний раньше времени и получилось. Князю вовсе ни к чему было знать, что дите у новой жены завелось как раз тогда, когда и был погублен неугодный муж Громила Силыч.

А переживать было отчего. Пока князь Святослав Ольгович миловался с Марией, уламывал епископа да венчался, изгнанный Всеволод Мстиславич без дела не сидел. Его не устроил Вышгород, и князь решил сесть в Пскове.

Пригород (то есть зависимый город) Новгорода, Псков, всегда мечтал стать самостоятельным, и временами ему это удавалось. Потом на Новгородский стол садился сильный князь, и Псков снова становился зависимым. Но сейчас в Новгороде сильного князя не было, а псковичи получали одного из Мстиславичей, сила которых еще не избыла.

Дважды венчанному Святославу Ольговичу стало не до молодой жены. В Новгород принесли известие о приходе в Псков Всеволода Мстиславича с дружиной. И полоцкий князь пройти своими землями не помешал. Это было уже серьезной угрозой, тут не до жарких ласк новой жены. Но та и не настаивала, она занялась обустройством своей жиз-

ни. Первой супруге пришлось съехать не только из княжьего терема, но и вовсе в детинец, где ей помог найти местечко епископ Нифонт.

Угроза была нешуточной, и Святослав срочно отправил гонца к брату Глебу, княжившему в Курске, с просьбой о помощи, а еще к половецким родственникам, совсем забыв, что только что, по сути, предал собственную жену-половчанку. Как представлял себе проход половцев до псковских земель князь Святослав, неизвестно, но вот полоцкий князь не представлял никак! Да и Псков тоже!

Новгородский посадник Якун, поставленный князем Святославом, ходил хмурым уже который день. Из Пскова сообщили, что псковитяне решили за своего князя стоять насмерть, а потому завалили все дороги засеками, изготовившись к отражению нападения. В самом Новгороде пожгли дома сторонников Всеволода и обложили их большой данью, чтобы вооружить ополчение.

Князь Святослав вышел навстречу половцам, которую назначили в верховьях Ловати у Дубровны. Да только зря князь изображал деятельность, пропускать через свои земли черниговские и половецкие рати никто в Полоцком княжестве не собирался, а потому к Дубровне помощь новгородцам не пришла. Постояв немного и осознав, что в одиночку ему со Всеволодом не справиться, Святослав решил сделать вид, что не желает проливать кровь сородичей и судьбу вручает Господу.

Вернулись в Новгород ни с чем. После столь шумной подготовки и ухода это выглядело некрасиво. Псков остался самостоятельным, а вот с Новгородом поссорились все. Все остальные княжества, кроме Черниговского, где сидел брат Святослава Ольговича, Всеволод, оказались Новгороду враждебны. И как бы ни был богат город, хлебушек он получал с Юга.

А изгнанный Всеволод не просто пришелся по вкусу псковитянам, но и своим заступничеством, благотворительностью, незлобивостью заслужил быть причисленным к лику святых! Вот когда пожалели новгородцы, что выгнали князя… но было поздно.

Кучковна

Степан Кучка всегда держался среди ростовских бояр особняком. Он не любил сидения со знатными боярами, где больше времени уделялось выяснению, кто кого знатней и чей род старше. Кучку раздражало то, что бояре не желали видеть перемен, видеть свою выгоду в развитии Ростовской земли. И Степан часто понимал досаду князя Юрия Владимировича и его тысяцкого Георгия Шимоновича на медлительность боярства, для которого, кажется, главным было – не допустить перемен. Злился: им бы сидеть, точно свинье в луже, где тепло и грязно, только бы не трогали!

У самого Кучки владения были такими, что любой позавидует, но вовсе не из-за размеров, а потому что все с умом использовалось, всему свое место и время, от всего своя корысть.

Князь куда моложе боярина, но Кучка уже наслышан о том, что Юрий Владимирович сманивает на Суздальские земли переселенцев, которые готовы покинуть свои дома в южных княжествах, боясь половецких набегов. Знал и о том, что поддерживал сына в том сам Мономах, а князь на новом месте первые два-три года не брал с переселенцев полетного, напротив, помогал обзавестись немудреным хозяйством и только потом определял, сколько платить должно. Но и после не обдирал как липку.

Так же поступал в своих землях и Степан Кучка. И у него переселенцам были рады, помогали встать на ноги. Чем больше людей на твоих землях сидит, тем они богаче. Что толку с пустого Ополья? А у Кучки были все условия для доброго хозяйства – и для пашни места хватало, и для рыбной ловли речек, и леса богатые, и путь водный есть, не такой, чтоб на нем град, как Ярославль, ставить, но если волоки удобные сделать, так и град можно.

И семьей Кучка не обделен – два сына-красавца и дочь такова, что всякий чужой, кто видел Улиту, шею сворачивал. Свои не рисковали заглядываться, зная крутой нрав боярина. А еще у Степана Кучки молодая женка, потому как вдовцом в его годы быть рановато. И женка – тоже красавица, только для нее дальние владения мужа – скука смертная, женка все больше Ростов любила, как раз то, что сам Кучка терпеть не мог.

Но чего ни сделаешь для красавицы, тем паче любой? Приходилось частенько возить боярыню в Ростов то на торжище (а как иначе ей украшения да ткани для нарядов выбирать?), то просто родню проведать… Еще одна задумка у боярина была, брал с собой в Ростов и Улиту, ведь она девка почти на выданье, замуж, может, и рановато, отец подождал бы, а вот женишкам возможным загодя показать не грех.

Вот и на сей раз отправились всем семейством – людей посмотреть да себя показать. Ростовские хоромы Кучки знал всякий, боярин, хозяйственный во всем, сил на их содержа-

ние не жалел. А все потому, что понимал: по хоромам и о его делах судить будут.

На сей раз у Кучки и своя забота была. Охранные грамоты на свои земли он получал от князя Владимира Мономаха, и хотя их никто не оспаривал, кто знает, как завтра повернет. Великие князья меняются что погода весной, а в Ростовской земле столько лет уже не просто Мономашичи, а прочно сел Юрий Владимирович. Пару лет назад Юрий Владимирович уехал в Переяславль, решив, что отчину упускать грешно, да и завяз там в княжьих междоусобицах на несколько лет. За это время новгородцы дважды пытались прийти на ростовские земли, в первый раз с полпути вернулись, а второй были биты на Ждане-горе.

Переяславль Юрий Владимирович не удержал, хотя смог закрепить за собой Городец-Остерский, и вернулся в Ростов, вернее, привычно – в Суздаль. И вот теперь князь, вполне разумно решив, что границы Ростово-Суздальской земли не укреплены, начал ставить новые города в устьях впадавших в Волгу рек. Первым была очередь Кснятина на Нерли Волжской, за ним последовали Тверь на Тверце, Шоша и Дубна на своих речках, Угличе Поле и Молога… Ростовские бояре неодинаково приняли такую строительную активность князя, не всем хотелось, чтобы он оставался в княжестве.

Вот и Степан Кучка тоже задумался. Конечно, набег новгородцев ясно показал, что от них защищаться нечем, князь, верно, ставит крепости и от булгар, и от своих же племян-

ников. Но, отгораживаясь от Новгородской земли, не закрывает ли он тем самым торговлю с ней? Куда будет идти суздальский хлеб, если его не примет Новгород? И что будет, если новгородцы волоки закроют?

Но еще больше Кучку все же волновали собственные вопросы с жалованными грамотами. Насколько серьезно сел в Суздале Юрий Владимирович, не потянет ли его снова поменять Ростов на Переяславль? Если сел прочно, уверовав наконец, что это его земля, то надо у него и просить возобновить грамоты, выданные отцом. А ежели нет, то и помолчать пока следует, мало ли что завтра случится?

Обычно Кучка ездил в Ростов раза два, иногда три зимой и столько же в начале осени. Но этой зимой прихворнул крепко, не был в городе, а потом дороги развезло, половодье широким было, и вот теперь уже в середине весны, когда сошла вода и стало можно и проплыть, не рискуя ни на что налететь, и даже проехать, собрался в город к радости жены и дочери, которым не терпелось повидаться с подругами и узнать новости.

Ростов встретил боярина, как всегда, шумом, гамом, многолюдьем, какого пока не бывало в его собственных владениях, заставив задуматься, а хочет ли он вот такого же или лучше сидеть за своими лесами тихо, лишь изредка вот так показываясь на люди. В глубине души он уже давно знал ответ: сам не хочет, и даже женку приучил бы постепенно к

домоседству. Никуда не делась бы, сидела, глядя в окошко на Неглинную и окрест. Но вот для детей иное нужно, если мыслить о них и внуках, то надо расширяться, даже его владения внукам будут малы, значит, надо либо прикупить, либо, что гораздо лучше, получить охранные грамоты еще и на округу, благо пока она никому не нужна.

Вот об этом и размышлял боярин Степан Кучка, рассеянно оглядывая свой ростовский двор. Но долго бездумно глазеть не пришлось, взыграло внутри при виде непорядка. Всегда знал, что тиуны народ вороватый и бестолковый, вечно делали все не так, как сделал бы сам, но всякий раз ярился, когда получал подтверждение своей уверенности.

Вот и сейчас принялся орать, отчего на шее вздулись жилы, а лицо стало багровым. Орал, в общем-то, по делу, но супруга все равно поморщилась и потянула падчерицу в дом:

– Пойдем, пусть себе ругается.

Отношения у Улиты с Кучковной были сложными. С одной стороны, хитрая мачеха, прекрасно понимая, что дочь у отца любимица, старалась с ней не ссориться, напротив, всячески выказывала свое расположение, с другой – временами в сладком голосе Кучковны звучало столько лжи, что Улиту просто передергивало. Но и она старалась с мачехой ладить, все же отец и женку любил тоже. Негоже заставлять его выбирать между двумя женщинами. Кроме того, Улита хорошо понимала, что от мачехи в немалой степени будет зависеть, за кого выдадут замуж. Рисковать всем своим будущим из-

за строптивости не следовало.

Пока хозяин распекал тиуна и челядь за нерадивость, боярыня и боярышня успели переодеться и даже чуть перекусить.

Кучка зашел в дом, нервно дергая плечом и даже щекой. Приставать к такому с расспросами значило быть обруганной даже жене или дочери, потому молчали. Но хозяин их словно не заметил. И все же, чуть подождав, Кучковна сладко пропела:

– Мы на торжище сходим, Улите лент нужно новых…

Она всегда отговаривалась надобностью падчерицы. Боярин фыркнул:

– Какое торжище, коли скоро темнеть начнет? Ждут вас там!

Конечно, им не хотелось сидеть рядом с сердитым хозяином, но он был прав, поздно уже. Выручила пришедшая родственница Кучковны, Анна. Кучка остался додумывать свои думы в одиночестве, женщины ушли на свою половину, у Анны накопилось множество новостей, которые требовали немедленного пересказа. Степан Иванович не запрещал супруге слушать, твердил только, чтобы сама поменьше говорила. Кучковна дивилась:

– О чем я могу говорить? О том, что нынче овес уродился или сколько меда накачали? Так это никому в Ростове не интересно.

Зато из болтовни подруг и родственниц супруги Кучка

мог узнать иногда куда больше, чем из осторожных разговоров бояр.

Так и в этот раз. Уже разболокиваясь при помощи сенной девки, чтобы ложиться спать, Кучковна сладко зевнула:

– Анна много чего рассказала… У князя Юрия Владимировича перемены. Сказывать ли?

Боярин тоже широко зевнул и согласился, мелко крестя распахнутый в зевке рот:

– Сказывай…

Девка скользнула за дверь, плотно прикрыв ее, помнила, что хозяева не любят, чтоб подслушивали, можно и порку заработать.

– Княгиня его, половчанка, померла. Говорят, на охоте кабанище здоровенный сшиб, мол, кровью изошла. А я другое мыслю: скинула она, потому как в седле чуть не до самых родов мотается.

Эта новость мало заинтересовала боярина, вздохнул, перекрестившись и пожелав земли пухом, но не больше. Жена изумленно воззрилась на мужа:

– Ты не понял, что ли? Князь, говорю, ныне вдовый. Вдовый, понимаешь?

– Хочешь, чтобы я его пожалел?

– А еще говорят, что Кучка сообразительный. Ему женка будет нужна…

– Ну?

– А у тебя дочь почти на выданье…

– Тю, дура! Сколь ему лет и сколь Улите.

– И что? Старый конь борозды не испортит, а Улита старше своих годков выглядит.

– Да у него сыновья взрослые, давно женить пора. Князь на сколько Улиты старше?

– А ты меня на сколько? – только что не уперла руки в бока Кучковна.

– Вот дурная баба. Угомонись, не о том говоришь. Что еще? Или все новости таковы?

Конечно, резон в словах боярыни был, только как ей объяснить, что Юрий Владимирович – князь, а он, Степан Кучка, простой боярин не из самых знатных. С чего бы князю на боярской дочери жениться?

А супруга продолжала.

– А новгородцы выгнали князя Всеволода Мстиславича, тот сел во Пскове… а недавно помер…

Вот это была новость! Многого Кучка не знал, живя в своем имении. Он даже присел, уставившись в лицо жены. Боярыня не поняла, что именно так заинтересовало мужа, а потому замолчала. Он не верит, что ли? Так ведь за что купила, за то и продает, Анна так сказала про новгородцев…

– А в Новгороде кто?

– Кажется, Святослав Ольгович…

– Кто?!

– Ну, откель я знаю!

Она продолжила сыпать местными новостями: кто с кем

поссорился, кто на кого плюнул, кто кому кумом стал… Это Кучка слушал уже вполуха, как жужжание попавшей в паутину мухи. И вдруг сквозь поток неинтересных ему слов уловил нужное:

– Хлеб в новгородские земли пока не возят…

– Кто?

– Все… и суздальские, и смоленские, и киевские…

Та-ак… На дворе апрель, если новгородцы просидели зиму без хлеба, то они скоро выгонят и этого князя. Кто следующий? Сколько ни думал, не мог угадать. Новгородцы таковы, что любого могут пригласить и любого же выгнать. Чем им не понравился Всеволод Мстиславич? Спокойней и добрей князя не найти, а что поход на Ростов не удался, так мало ли кто где поражение терпит…

Эта новость поважней предстоящей женитьбы князя. Боярыня так не считала, каждому – свое, она решила, что надо изыскать повод, чтобы встретиться с князем Юрием Владимировичем, ненароком показать ему Улиту, говорят, он любит молодых и красивых, вдруг глянется? Ну и что, что немолод, что она не ровня? Ровню выбирают по молодости, когда еще детям рождаться да для пользы дела нужно, а в таком-то возрасте можно и по любви жениться, чай, не мальчик уже. По расчету пусть вон сыновей женит.

У Кучковны даже сердце сладко запело от призрачной возможности стать княжьей тещей. Выслушав в пятый раз ее стенания, Кучка махнул рукой:

– Ну, ищи эту возможность! К тому же у князя сыновья есть, как раз Улите сгодились бы.

Жена фыркнула:

– Чего это – сыновья?! Кем они станут, князьями мелких уделов? Не-ет… нам нужен сам князь! Его окрутить, и все тут!

Кучка смеялся:

– Крути, крути…

Знать бы ему, чем обернется это его благодушие, загодя запретил бы даже смотреть в сторону князя, вспоминать о нем, увез бы своих женщин обратно в имение, а купцов с лентами и украшениями лучше привез прямо в Кучково. Но судьба распорядилась иначе…

Князь был в Ростове, ему некогда долго оплакивать свою Олену, и без того долго не жил в своей земле, дел накопилось столько, что и за десять лет не переделать.

Юрия Владимировича тоже заботили новгородские дела, свои люди из города сообщали о неурядицах из-за нехватки хлеба, а еще – из-за безобразий, чинимых дружиной Святослава Ольговича новгородцам. Главным пока было все же первое. Когда хлеб стоит столько, что не знаешь, есть его или любоваться, становится не до князя.

На княжье подворье Ростова примчался человек из Новгорода с новостью: новгородцы на вече крикнули, чтобы Святослава прогнать, а княжить позвать… самого Юрия

Владимировича! Несколько мгновений князь недоуменно смотрел на гонца, стоявшего столбом. Верные люди не рискнули отправлять бересту, опасно, велели передать все на словах, гонец сказал и ждал ответа. Но князь повел себя странно, сначала молчал, а потом по терему вдруг разнесся его хохот!

Немного отсмеявшись, Юрий Владимирович махнул рукой:

– Иди, тебя накормят и устроят.

Гонец помотал головой:

– Я долго не буду. Вскоре гонцы от веча приехать могут, нельзя им на глаза попасться.

– И то верно. Все же поешь – и поедешь не водой, а верхами, коней дам.

Отправив гонца, Юрий Владимирович еще посмеялся. Вот она, нехватка хлебушка-то! Ненадолго новгородцев хватило. И то, ежели в животе пусто, любую вольность забудешь… Хорошо, что не поторопился, не стал с Ольговичами воевать, Шимонович всегда советовал в сложных случаях, особенно когда не понимаешь, что делать, чуть-чуть подождать. Он не понимал, к чему новгородцам, только что получившим по зубам на Ждане-горе, портить отношения с Ростовом совсем. Ведь не будь он во время нападения Всеволода Мстиславича на юге, в Киеве, то не только побил бы, пошел до самого Новгорода и заставил такую виру платить, что надолго запомнили бы. А ростовчане не рискнули без

князя-то. Вот ему урок – свою землю забывать нельзя.

Ничего, вот поставит заслоны от новгородцев, как поставил от булгар, посадит младших сыновей в Суздальской земле, а со старшими возьмет под себя Переяславль, а потом и Киев. И будет вся Русь не просто Мономашичей, а его, Юрия, землей!

Но ныне Новгород шел в руки сам, не бросаться же таким…

Князь крикнул, чтобы позвали Ростислава. Княжич где-то в Ростове, это Андрея из Суздаля не вытащить, да не просто из Суздаля, второй сын больше Владимир, что его дедом поставлен, любит. Конечно, город на Клязьме хорош, спору нет, но самого Юрия слишком тянуло в Киев и Переяславль. Почему, и сказать не мог бы. Так и половинилось сердце – одна часть здесь, другая – там. А вот как бы все земли под себя взять, ну, кроме Черниговского княжества да вон Рязани…

С Черниговским княжеством почему-то одни дурные воспоминания связаны, это вотчина Ольговичей, туда он согласен не соваться. И в западные княжества тоже не пошел бы, не по сердцу ему ни Туров, ни Владимир-Волынский. Юрия Владимировича больше тянуло на северо-восток, свои земли он мыслил от правобережья Днепра до правобережья Волги…

Долго размышлять не пришлось, в дверь, едва не зацепив притолоку лбом, вошел его старший сын Ростислав. Телом в

отца – рослый, крупный, а обличьем в мать, даже не просто в мать, а в деда Аепу или прадеда Осеня, чистый половец! Олена всем сыновьям такие черты передала, Андрей вон – тоже степняк степняком, не знали бы, что княжич, так и шарахались, как от половца. Сколько их мальцы исподтишка половцами дразнили… Ростислав сдачи давал, вечно дрался, а Андрей пытался все объяснить.

– Ростислав, сядь, речь вести хочу.

Искоса поглядывая на присевшего на край лавки сына, Юрий думал о том, кого ему дать в помощь, если Новгород позовет, но потом подумал, что сыну-то двадцать восьмой год, можно бы и самому, и так точно норовистый конь копытом бьет, свободы требует.

– Гонец весть принес, что новгородцы на вече кричали, мол, Святослава Ольговича прогнать, а на стол меня позвать…

Сказал и ждал, как отреагирует. Ростислав не смог скрыть своей радости: уйдет отец в Новгород, кто на Суздале и Ростове останется? Он сам был согласен посадить Андрея в Суздале, а Ростов взять под себя. Земли большие, богатые, обоим хватит, а младшие пусть ждут своего срока. Но отец ответа не спрашивал, и сын молчал, ожидая, что князь скажет дальше.

– Только я мыслю, что нельзя мне Ростов али Суздаль оставлять, стоит уйти отсюда, так кто-то обязательно нападет и разорит. Нет, останусь я в Суздале…

Юрий Владимирович вроде рассуждал сам с собой, хотя и в присутствии сына. И снова Ростиславу не удалось скрыть свои чувства, его захлестнуло разочарование. Только впереди мелькнула возможность самому стать князем, как оказалось, что снова предстоит сидеть под рукой отца. А ведь лет немало, сколько же ждать? Как дед Киева – почти до старости?

– Мыслю, тебе надо в Новгороде садиться… Справишься ли?

– Мне? – Кажется, Ростислав даже с трудом проглотил вставший в горле комок. Новгород… это же не просто город или княжество, новгородские земли куда больше и богаче не только многих княжеств Руси, но и нескольких вместе взятых. Княжичу не думалось о том, что город строптив, что если уж там не смог усидеть Всеволод Мстиславич, то кому другому и того труднее. Казалось, стоит только появиться в Новгороде, и новгородцы поймут, какого толкового, разумного и щедрого князя они получили!

Отец внимательно наблюдал за сыном. Ясно, Ростислав обомлел от возможности стать новгородским князем, да только сдюжит ли? Стал говорить о трудностях, о том, что в строптивом Новгороде надо быть Мстиславом Великим, чтобы не просто не прогнали, но и не позволили поменять. Рассказывал то, что помнил о своем старшем брате, Мстиславе Владимировиче. Помнил мало, потому что годился ему в сыновья, больше говорил со слов других, но и сам Ростислав

должен знать, как уважали на Руси Мстислава Владимировича, что в Новгороде, что потом в Киеве. Отец, Владимир Мономах, и сын, Мстислав Владимирович, оставили о себе такую память, что позавидуешь.

Говорил и видел, что для Ростислава важнее другое – сам, он сам может быть князем огромного города, огромной земли. Юрий Владимирович вздохнул, у него не было второго Шимоновича, чтобы отправить с сыном, но пусть уж, прогонят так прогонят, тоже хороший урок будет.

Новгородцы подсуетились знатно. Сообразив, что Ярополку на Киевском столе долго не сидеть, хворый он, а дела рядом с ним вершит все больше Юрий Владимирович, как некогда делал его отец, Владимир Мономах, при князе Святославе, они поняли, что зря поссорились со Всеволодом и вообще с Мономашичами. Кто будет следующим Великим князем? Ясно, что Юрий приложит все силы, чтобы попасть на Киевский престол.

А уж после смерти Всеволода в Пскове новгородцы и вовсе почувствовали себя виноватыми. Потом добавилась нехватка хлеба, и решение мириться с Мономашичами, в первую очередь с Юрием, созрело быстро.

В Ростове гонцы, теперь уже не тайные, а нарядные и важные с поручением. По городу разнеслось:

– Новгородцы приехали нашего князя к себе просить…

Народ на торжище недоумевал:

– Вот те на! Давно ли воевали?

Знающие объясняли:

– Воевал князь Всеволод Мстиславич, и не против Юрия Владимировича, а просто супротив земли Ростовской.

Остальные уже все чаще называли княжество Ростово-Суздальским или вообще Суздальским, но не могли же ростовчане сами звать свои земли именем пригорода?! Нет, они продолжали гордо именоваться ростовскими.

– А то не все равно?

– Так Всеволода за то и выгнали из Новгорода.

– А Святослава за что?

– За то, что хлеба на торжище нет! Посидишь на сухарях, и не так запоешь небось.

– Да… у Новгорода одна беда есть всегдашняя – хлеб там не растет, слышно. Оттого и готов всем кланяться, чтобы в хлебушке не отказали…

Это было правдой, сколько раз позже Низовые земли, как будут называть княжества южнее новгородских земель, именно так станут наказывать город за неподчинение – прекращением торговли хлебом.

Послы держались важно и независимо, объявили, что прибыли к князю Юрию Владимировичу от Великого Новгорода. Их провели в терем, где уже ждали князь, его старший сын Ростислав и некоторые ростовские бояре.

– Господин Великий Новгород челом бьет тебе, князь Юрий Владимирович.

Посол склонился почти до пола, Юрий ответил таким же глубоким поклоном, мысленно дивясь: ишь как себя величают-то!

Выслушал призыв на княжение, чуть помолчал, потом чуть сокрушенно хмыкнул:

– Благодарствую на добром слове Господину Великому Новгороду, да только в своей земле дел невпроворот. Не могу княжество без пригляда оставить, и поднимать его надо после набега-то…

Послы почти обиделись:

– Кто старое помянет, князь.

– А я не поминал, то вы вспомнили. Просто сказал, что дел много. Но ежели вы согласны, то могу отпустить своего старшего сына, наследника, Ростислава Владимировича.

Видно, и эта возможность новгородцами обсуждалась. Не удивились послы, только зыкнули на княжича. Не слишком-то он глянулся – ну чистый половец, да только куда денешься, кивнули согласно. С другой стороны, княжич молод и не так силен, его можно и в бараний рог скрутить.

– Согласны принять к себе княжича, да только вече порешило ряд с князем заключить…

Вот те на! Вот почему они так легко согласились на замену Юрия на Ростислава.

– Что за ряд? – Юрий сделал все, чтобы его мысли не проявились на лице, как когда-то учил Шимонович. Удалось. Чуть обескураженные таким спокойствием послы принялись

объяснять, что на вече было решено отныне князя приглашать по договору, а если не выполнит сего договора, так и «путь чист» указать в любой день и чтоб без обид.

– Хм… а если город тот договор не выполнит?

– А чего – город? Город князя зовет с его дружиной и земли на кормление дает. Да только чтоб не поступал супротив воли горожан, ни во что не ввязывался. И чтоб дружина себя достойно вела.

– Так вам князь или воевода нужен?

– Князь.

– Угу, жить отдельно, в походы выступать только по вашей воле, быть готовым, что за любое недовольство выгонят… Чем не воевода?

– Еще княжий суд судить…

– И то небось не без посадника?

– Дак…

– То-то и оно. Я бы не пошел, а пойдет ли княжич, спрашивайте сами.

Молчали и послы, и сам Ростислав, кажется, просто не зная, как быть. Юрий обернулся к сыну:

– Пойдешь ли?

– Как скажешь, отче… – а глаза в это время кричали: «Да! Да!»

Юрий кивнул:

– Княжич согласен. Только чтоб помнили: обида моему сыну – то мне обида. За племянника спрашивать не буду, сам

виноват, что в свару ввязался супротив меня, а вот за сына, ежели что, спрошу.

– Господь с тобой, князь, кто же княжича Ростислава обижать собирается?

– Хорошо, урядимся по другим вопросам – сделаем дело.

Урядились, пришли к согласию и о том, где князю жить, как дружину содержать, договорились заключить мир с Псковом. А еще Юрий Владимирович настойчиво напомнил, что он супротив Ольговичей стоит и что сын должен стоять так же, иначе какой же он сын?

И на это был согласен Господин Великий Новгород (постепенно это гордое название станет для города привычным, но первым князем, на своей шкуре почувствовавшим настоящие ограничения новгородцев, был, пожалуй, сын Юрия Владимировича, Ростислав Юрьевич, после него этот ряд-договор с князем стал привычным).

10 мая 1138 года Ростислав Юрьевич стал новгородским князем, пробыв в таком качестве до 1 сентября 1139 года, когда ему пришлось бежать обратно к отцу, а на его место вернулся недавно еще опальный Святослав Ольгович.

Новгородцы решили воспользоваться своими правами и отныне меняли князей, как переборливая невеста женихов, ориентируясь на сильнейшего. Усилились Мономашичи – вон из Новгорода Святослава, позвать Юрия, принять его сына Ростислава, вступил на престол Всеволод Ольгович –

обида на Святослава тут же забыта, грехи прощены, Ростислава – вон, а Святослава – в Новгород! Потом снова прочь Святослава, даешь Ростислава… И так надолго ни один князь после старшего сына Мономаха, Мстислава Юрьевича, долго в Новгороде не задерживался, звали, прогоняли, снова звали, снова прогоняли… И так до тех пор, пока Московский Великий князь Иван не приказал сбросить со звонницы вечевой колокол Новгорода. Но было это на несколько столетий позже…

Ростислав уехал княжить, Юрий, проводив сына, посмеялся:

– Пусть попробует на своей шкуре, что такое княжение. Легко все кажется, пока вторым за первым сидишь, пока не на твоей шее ярмо…

Старший княжич Ростислав уехал в Новгород, второй сын Китан (Андрей, позже прозванный Боголюбским) сидел во Владимире, а князь пока жил в Ростове, никуда уезжать, кажется, не собирался, чем немало раздражал ростовских бояр.

Но что одному досада, то другому – благо. Кучки, и муж, и жена, решили воспользоваться присутствием князя. Степан Иванович уловил день, когда вокруг князя Юрия толклось не слишком много народа, попросил разговора. Надо же было такому случиться, что рядом оказалась и Кучковна, да во всей своей красе. Супруги отметили долгий заинтересован-

ный взгляд, которым князь одарил боярыню, понятно, что мужу он не понравился, а жену привел в нервное состояние.

– Ну, и чему радуешься? Эка невидаль, князь ее облапил взглядом! Да Владимирович, я слышал, ни одну смазливую бабенку не пропустит, а ты и довольна!

Конечно, Кучку душила досада, с чего это князю так смотреть на его молодую женку? Но недовольство пришлось спрятать, потому как Юрий Владимирович от княжения в Новгороде отказался и ростовские земли покидать не собирался, значит, и охранную грамоту все же просить у него. Пришлось забыть о недовольстве и идти к князю.

Конечно, отправился один. И сразу услышал вопрос:

– А чего же боярыню не привел?

– К чему, княже, я по делу…

– Ну, говори свое дело.

Настроение у Юрия было хорошим, почему бы не воспользоваться. Степан принялся рассказывать о своих владениях, о том, как радеет за земли, как трудится не покладая рук, как так же работал его отец, Иван Степанович, как хочется и детям оставить сильное хозяйство…

– Ты же такое, княже, по себе знаешь. Вижу, как о сыновьях радеешь.

Юрий слушал внимательно, пока не понимая, в чем дело, кивал. Кучка, ободренный таким отношением, наконец решился, сказал о грамоте охранной, о том, что с каждым Великим князем ту грамоту выправлял заново, что у него и от

Владимира Мономаха сохранилась, упомянул о разумности и доброте Мономаха, считая, что этим польстит его сыну…

И снова Юрий слушал, словно Кучка ничего и не просил. Потом кивнул:

– Приеду в твои владения, посмотрю. Коли все так, как говоришь, дам новую грамоту.

Со вторым Степан Кучка был согласен, а вот первое ему почему-то не понравилось, почему, и сам не знал. Нутро чувствовало, что этим навлечет неприятности на весь свой род. Но назад не повернешь, сам напросился. Оставалось надеяться, что либо князь забудет, либо на Киевском престоле сядет кто-то из Ольговичей и просить придется у них.

Надеяться на второе не следовало, слишком близко подошел к Великому престолу Юрий Владимирович, слишком он хваток, чтобы упустить свое. Руки-то загребущие, – мысленно ворчал Кучка, – так и норовит всю Русь под себя забрать. Боярин напрочь забыл, что совсем недавно пел похвалы Владимиру Мономаху, который, по сути, занимался тем же, только под видом замирения русских князей.

Долго еще беседовал князь с боярином, казалось, того должна бы интересовать беседа, потому как шла о ростовских землях, о том, как лучше населять их, как хлеб растить да продавать, чем еще торговать можно прибыльно… А у Кучки в голове вертелась одна мысль: приедет князь в его Кучково – и тогда конец. Почему, и сам не знал.

Юрий заметил, усмехнулся:

– Ты, Степан Иванович, точно и не рад мне? Ладно, живи спокойно, не поеду, пока сам не позовешь. Али у тебя там сокровище такое, что и показать боязно? Так я не стану смотреть, что не покажешь…

Посмеялся, но узелок на память завязал. Что-то есть у Кучки, чего не хочет на глаза казать. А любопытство вперед толкает лучше любого толкача. Теперь уже оба знали, что при первой же возможности приедет в Кучково князь Юрий Владимирович.

– Так велишь подтвердить грамоту на мои земли, Юрий Владимирович?

– Сказал же: посмотрю, как ты там хозяйничаешь, и напишу новую грамотку. Живи спокойно, никто твое Кучково отбирать не собирается, своих земель невпроворот.

Расстались не слишком довольные друг дружкой.

Так бы все и забылось, да Кучковна покоя мужу не дала. Как услышала, что приедет князь к ним в Кучково, потеряла покой и сон, ей уже не до торжища, пристала к мужу, точно банный лист к мокрой коже:

– Зови князя сам, да не одного, а с княжичем Андреем!

– Сдурела?! К чему тебе княжич?

Двенадцатилетняя Улита смотрела на отца и мачеху во все глаза, чего они не поделили? Отец всегда потакал молодой жене, выполнял все ее капризы, а та не совалась в его дела. Но теперь то ли требовала чего-то запредельного, либо все же влезла не в свое, уж очень сердился Степан Кучка на свою

супругу.

Есть бабы, которым проще подчиниться, чем от них отстать. Наступила минута, когда Степан Иванович плюнул в сердцах и снова отправился к князю на двор. Вернулся довольный – Юрий Владимирович уже уехал, некого было приглашать в Кучково.

Чтобы приставучая супруга забыла свои дурацкие мысли по поводу князя и княжича, Кучке пришлось основательно опустошить кошель, закупая и закупая строптивице на торжище все, на что только глаз ни лег. Обратно везли столько, что на десяток боярынь хватило бы. Зато в Кучково снова потекла спокойная, размеренная жизнь, когда боярин вставал рано поутру и весь день крутился, стараясь ничего не упустить, за всем приглядеть, а его супруга нежилась едва не до полудня.

Князю же было не до поездок по владениям своих бояр, довольно скоро его закрутила новая свара за власть в Киеве.

Киевская замятня

Спокойствия на Руси никогда долго не было. В феврале следующего года умер Великий князь Ярополк Владимирович, и на престоле оказался его брат Вячеслав. Именно он отделял Юрия от вожделенного Великого княжения, следующим Мономашичем в их роду был именно Юрий Владимирович. И хотя Юрий и Вячеслав никогда друг дружку не любили, потому как не были единоутробными, старшего брата суздальский князь все же признавал.

В Суздале долго не знали о том, что происходило в далеком Киеве и вокруг него, ранняя весна – не самое удобное время даже для гонцов, пока добрались, киевская свара пришла к своему завершению – Мономашичей на Великом престоле сменили Ольговичи.

Следующий за Великим князем Ярополком из Мономашичей был Вячеслав Владимирович, потому, почувствовав, что земной жизни осталось немного, Ярополк прежде всего сообщил брату. Но тайно одновременно с этим надежные люди отправили гонца и к Всеволоду Ольговичу Черниговскому.

Тайный посланник из Киева примчался в Чернигов студеной февральской ночью, его даже не сразу пустили в городские ворота. Только когда сказал нужное слово да объяс-

нил, что спешно к князю, чуть отворили щелку, чтобы протиснуться смог. Гонец был замерзший, злой, потому ругался нещадно, пришлось впустить и его коня.

На княжьем дворе, только услышав: «Из Киева», больше вопросов не задавали, видно, ждал Всеволод Ольгович каких-то известий. И сам князь вышел быстро, хотя, видно, спал.

– Умер Великий князь Ярополк Владимирович. В Киеве вокняжился Вячеслав Владимирович.

– Добро, – кивнул Всеволод Ольгович.

Гонец, отряхивая снег с одежды и шворкая веничком по обуви, чтобы не натащить в гридницу, куда его пристроили ночевать, удивленно размышлял, к чему это сообщать так срочно. Все знали, что следующий Великий князь – Всеволод Владимирович, да только он слаб и тих, совсем не таков, как его почивший брат.

А князь Всеволод Ольгович, кивнув гонцу, скрылся у себя в ложнице. Жена приподняла голову с подушки:

– Что?

– Спи! – но все же добавил: – Ярополк помер.

– А-а… – разочарованно протянула княгиня. Эка невидаль, помер очередной Мономашич! Их вон сколько, надолго Великих князей хватит.

Женщина отвернулась, поглубже зарываясь в подушку. Уже через минуту она сладко спала, а вот ее муж до самого рассвета ходил по ложнице, размышляя.

Вот оно, пришло его время! Вячеслав столь слаб и нерешителен, что если Киев не взять ныне, то его не возьмешь никогда! Всеволоду Ольговичу, как и Вячеславу Владимировичу, шестой десяток, времени ждать, когда придет его очередь, просто нет. Сел же Владимир Мономах в обход его отца, Олега, почему бы теперь не вернуть отчее право себе? Когда дойдет дело до Юрия Суздальского, тот сделать этого не позволит.

Всеволод нервно покусывал ус, губу, снова и снова вышагивал от окна к двери и обратно. Конечно, рискнув, можно потерять все, как случилось с отцом, когда стал изгоем. Но если не рисковать, то и вовсе ничего не будет!

К утру под глазами князя от бессонницы было сине, но сам он бодр и решителен. Супруга, поняв, что муж собрался куда-то с рассветом, зевая, поинтересовалась:

– Хоронить поедешь?

– Кого?

– Ну… Ярополка. Помер же.

– Кто меня зовет? Нет, спи!

Еще немного погодя в разные стороны уже мчались гонцы – князь Всеволод Ольгович звал к себе брата Святослава Ольговича и двоюродного брата Владимира Давыдовича. Для себя он решил: пора возвращать Киев Ольговичам!

Торопились, в Киев надо бы поспеть, пока Вячеслав во вкус власти не вошел, как почувствует, может быть поздно…

И дружину взяли малую, настоял сам Всеволод Ольгович:

– Если с большой придем, скажут, что войной на Киев, а так с малой вроде просто уговорить Вячеслава сойти с Великого стола добром.

Владимир Давыдович не понимал:

– Чего ты боишься, ежели сядешь, так кто тебя погонит? Разве только вон Юрий Суздальский, но он и так может, что с большой дружиной, что с малой…

– Киевлянам не все равно, если приведу с собой войско, окрысятся, не поверят, а мне потом как сидеть? Нет, Вячеслав должен добром стол уступить, как его брат когда-то сделал. И если уступит, то Юрию против меня головы не поднять будет.

Святослав вздохнул, по-хорошему завидуя брату. Он сам так не смог бы. Отовсюду гнали, вот и новгородцы тоже почуяли силу Мономашичей и позвали Ростислава, указав Святославу «путь чист». Видно, поняв невеселые мысли брата, Всеволод усмехнулся:

– Сяду на Киевский стол, новгородцы небось снова тебя позовут…

Святослав невесело огрызнулся:

– Ты сядь сначала!

– Митрополит Михаил помочь обещал.

Владимир Давыдович ахнул в догадке:

– Никак он тебе и весточку прислал?

Всеволод не дурак даже братьям свои тайны раскрывать,

неопределенно пожал плечами:

– Может, он, а может, и не он…

Для начала они заняли Вышгород, в котором ни дружины, ни особой охраны не было, и в самом начале марта двинулись к Киеву. Святослав ежился: как собирается Всеволод воевать такой город с таким малым числом ратников? Но тот и не собирался, ему надо было испугать Вячеслава, вселить в него неуверенность. Насколько Всеволод знал дядю, тот отражать нападки не способен, он и в Переяславле-то княжить не хотел, потому как опасно, то и дело набеги.

У Киева стали жечь дворы. Запылал и Копырев конец, где не то что дворы, избы чуть не лепились друг к дружке, одну запалили, остальные сами занялись, хотя и было не сухо.

Из ближней избы выскочила седая старуха, у которой плат сбился на сторону, открыв реденькие волосы, запричитала, подняв тощие руки к небу:

– Что ж вы, ироды, делаете?! Креста на вас нет! Пошто своих же губите?!

Ратник остановился, не донеся факел до соломы на крыше, Всеволод зло блеснул глазами:

– Поджигай!

Вросшая в землю избушка занялась быстро. Старуха упала наземь, но ни биться в слезах, ни звать на помощь не стала, то ли поняла, что не помогут, то ли было уже все равно. Но, глядя прямо на Святослава, вдруг тихо сказала:

– Проклят ваш род, сгинете, аспиды…

Святослав, не выдержав, хлестнул коня, помчался в сторону, сам не зная куда. Сколько раз вот так от факелов своих же русских ратников горели дома в русских городах. Бывало, так разоряли, как и половцам не суметь. Мстили друг дружке князья, а горели горожане. Билась мысль: прокляли, нас всех давно прокляли. Он пытался возражать сам себе: но почему же тогда у других все получалось? Вон Всеволод жжет и не боится, а он мается из-за какой-то старухи.

Убедившись, что еще немного – и может заполыхать весь Киев, чего ему самому горожане не простят, Всеволод приказал прекратить и отправил к Великому князю предложение уйти из города… добром.

По всему городу давно звучали набатные колокола, сначала никто не мог взять с толк, что это. Половцы? Нет, полыхало с северо-запада, на Копыревом конце. Значит, просто погорели по чьей-то дури или неосторожности, такое тоже бывало нередко. Но к Великому князю вдруг примчался гонец от… Всеволода Черниговского. Осознав, что посад и Копырев конец жжет собственный племянник, Вячеслав чуть не рухнул на лавку, с трудом удержался, чтобы не показать своего страха гонцу. Сумел кивнуть, что понял, и сказать, чтоб подождал ответа.

Решить такое Вячеслав сам не мог, позвал митрополита Михаила. Тот словно знал, что позовут, пришел быстро и даже согласился отправиться переговорщиком к нежданному набежнику.

Вернувшись, он передал увещевания Всеволода: черниговский князь убеждал Великого, что Юрий Суздальский не даст ему сидеть в Киеве, непременно захватит и самого Вячеслава оставит совсем без удела.

Вячеслав от таких слов даже поежился, если честно, то он и сам этого же боялся, помня всегдашнюю свою распрю и нелюбовь с Гюрги. Вот навязалось Великое княжение на его голову! И чего было бы загодя не отказаться? По нему так лучше Туров, сидел бы себе спокойно, никого не трогая и чтобы его никто не трогал. И чем братьям да племянникам так нравятся Киев или Переяславль, где ни дня спокойно прожить нельзя? У Юрия есть своя Ростовская земля, тоже далеко и спокойно, булгар побил и жил бы себе. Так ведь нет, с ростовскими боярами только что не на кулачках, в Суздале все больше. Ну и сидел бы в Суздале…

От размышлений о брате Вячеслава отвлек митрополит:

– Коли, князь, не слишком лежит душа биться за Великий стол, так и согласился бы, чего же людскую кровь лить? Сейчас от Всеволода можешь потребовать, чтоб он за тобой крепко утвердил Туров или еще чего, он согласится.

– Будь по-твоему. Не хочу кровь лить, пусть себе идет пока в Вышгород, а я завтра уйду в Туров. Потом пусть берет Киев.

На том и порешили. На следующий день Всеволод Ольгович торжественно въехал в Киев и закатил пир на весь город. Погорельцам помог заново дворы поставить, чтоб оби-

ды не держали, бояр, кто против него не был, обласкал, горожан поил-кормил три дня, чтоб надолго запомнили доброту и щедрость нового князя. Меды лились рекой, столы ломились от снеди, а горожане получали обещание доброго и справедливого правления.

Святослав попробовал найти ту старуху, но никто из соседей не знал, куда она девалась, сказали только, что у нее в избе сгорела больная внучка, а больше не было никого из родни, потому ушла куда глаза глядят, всем оказалось не до нее. И Святослав понял: ее проклятье будет висеть над ним всегда.

Митрополит успокоил:

– Сделай вклад добрый в обитель, покайся, прими епитимью, вот и полегчает.

Не полегчало, но постепенно просто забылось.

Киев перешел к Ольговичам, но головная боль у Всеволода только началась. И причиной тому стал вовсе не далекий Юрий Суздальский. Для начала начались разборки в собственной семье. Помогавшим ему брату Святославу и племяннику Владимиру Давыдовичу надо было как-то платить. Не гривнами, конечно, а землями. Владимиру как наследнику Давыда отошел Чернигов. На что тут же обиделись другие, в том числе собственный брат Игорь, которому Чернигов должен был перейти как отчина.

Игоря удалось уговорить и выделить Северскую землю в

отдельное княжество со столицей в Новгороде-Северском. Худо, конечно, что черниговские земли делиться начали, но другого выбора не было.

Со Святославом получилось проще – его действительно снова позвали новгородцы, живо сообразившие, что стоять за сына Юрия Суздальского – не то, прислали гонцов, но не к самому Святославу. А к Всеволоду, мол, помоги брата обратно заполучить. Всеволод смеялся:

– А ты не верил! Помнишь, я тебе твердил, что как только на Великом престоле сяду, так и тебя обратно позовут?

– Они как позовут, так и погонят, – вздыхал Святослав.

– А ты меньше с ними волошкайся, меньше внимания обращай. Ты князь, и тебя слушать должны! Стой на своем. Надо будет – помогу.

Но для Всеволода была еще одна опасность – объединение Мономашичей меж собой. Вячеслав тих и слаб, так же тих и Андрей Владимирович, но были еще Юрий Суздальский и его племянник, сын Мстислава Великого, Изяслав Мстиславич. Вот уж кого хлебом не корми, дай повоевать за свое! Дядя с племянником – ровесники, друг дружку терпеть не могли, но против Ольговичей способны и договориться.

И перед Всеволодом стояла задача оставить Юрия Суздальского без поддержки. Для этого надо договориться с Изяславом, тот против дяди с чертом готов дружить. И тут его ждала неожиданность, Изяслав с детства не любил Юрия Владимировича, но объединяться против него с Ольговичем

не стал.

Но это не обеспокоило Всеволода, воинственный князь был готов подмять под себя всех, причем сразу.

Всего этого пока не знали в Суздале. Вести в Залесский край приходили с опозданием, может, это и к лучшему, но спокойствия не добавляло.

Когда в Суздаль все же примчался гонец от верных Юрию, а вернее, умершему Ярополку, киевлян с рассказом о вокняжении сначала Вячеслава, а потом Всеволода, суздальский князь только зубами заскрипел. Сидя в Суздале или Ростове, он никак не мог дотянуться до Киева и Переяславля, а если больше жить там, то суздальские земли либо разорят, либо прихватят.

Вот и не поймешь, хорошо или плохо – иметь вотчину так далеко.

Сразу мелькнула мысль, что Ростислава непременно из Новгорода погонят, но это не было главным, как бы у Всеволода рука не поднялась для начала погнать Андрея из Переяславля или отдать его собственный Городец-Остерский кому-нибудь. Это отчина, городок Юрий получил от отца, чтобы была своя земля и подле Киева.

Китан (Андрей), услышав такие вести, нахмурился:

– Говорил же, что надо от Киева вовсе отделяться.

– Как это? Там средина Русской земли, как можно отделиться?

– А ты перенеси.

– Куда?

– А хотя бы сюда, в Суздаль или вон Владимир.

– Что говоришь-то? Белены объелся или голову напекло?

Сын упрямо мотнул головой, узкие глаза на скуластом, широконосом лице смотрели почти зло:

– Нету больше твоей Русской земли, неужто не видишь? И дед зря старался всех объединить. Вот есть у тебя Суздальское княжество, присоединил бы еще новгородские земли, и хватит. А в Киеве, Чернигове да Переяславле пусть себе грызутся. Неужто тебе не хватит?

– Нет, Андрей, – отец неожиданно назвал сына крестильным именем, обычно дома звали Китаном, – не могу я киевское княжение вот так бросить. И Переяславль не могу, отчина это.

– А для меня отчина вот здесь, так что ж? И для Ростислава тоже. Так что ж, нам тоже за Киев бороться и держаться?

– Да.

– Не хочу. Чужое там все.

– Это потому, что ты там не жил. Пожил бы, понял, столько хорошо и красиво.

Сын стоял на своем:

– Красиво и здесь, только ты все мечешься, ничего не видя.

Юрий изумленно смотрел на своего неожиданно взрослого сына. Вон оно как… И не мыслил, что у Китана интерес

совсем другой, что ему Киев не нужен и даже Переяславль тоже.

Они так ни о чем и не договорились, да и как договориться, если каждого тянуло в свою сторону.

До конца дня и всю ночь Юрий не мог опомниться от этого разговора, все думал и думал. Получалось, что Китан вырос словно чужим.

Сенная девка, приученная ублажать князя ночами, сунулась было, но он махнул рукой:

– Поди, не нужно ноне…

Не хотелось ни женских прелестей, ни умных речей, зато захотелось меда либо вина, за что всегда ругал Шимонович. Приказал принести и долго пил в одиночестве, чувствуя, что действительно остается один. Стало себя даже немного жаль.

Но Юрий постарался взять себя в руки, Андрей не хочет в Киев или Переяславль, потому что всю жизнь провел здесь, сам Юрий тоже вовсе не хотел ни в Ростов, ни тем паче в Суздаль, а теперь вон как сердцем тянется. Все сильнее брала злость на Ольговичей, Всеволод всегда был воинственным, пошел в своего отца Олега Гориславича, которого только Мономах и мог усовестить. Но ныне такого Мономаха нет, Вячеслав слаб, Андрей тоже, а его самого загнали в суздальские леса и обложили точно медведя в берлоге.

С кем договариваться против Всеволода? Хитер Ольгович, ох, хитер… Стоит только что-то сделать, первым пострадает брат Андрей Владимирович в Переяславле. Но и

просто сидеть, ожидая, пока Ольговичи, окрепнув, отнимут один за другим уделы, тоже нельзя.

Теперь Юрий Владимирович, может, и пожалел, что недружен с племянниками Изяславом и Ростиславом, да как исправить? Не идти же дяде к племянникам с поклоном, хотя ровесники…

И сыновья тоже слабы, Ростислав едва сидит в Новгороде, Китан вовсе ни в каких перебранках участвовать не хочет, Иван молод, остальные либо мальчишки, либо недужны…

Рассвет застал князя без сна в тяжелых раздумьях. Утром с трудом смог подняться, мутило от выпитого вечером, во рту было горько и противно. Пришлось вылить на себя не один ковш воды, чтобы голова хоть чуть посветлела.

Зато пришло решение договориться с Ростиславом, сидевшим в Смоленске (всегда же помогал), а еще с новгородцами. И сделать это нужно как можно скорее, пока с ними не договорился Всеволод. Конечно, если будет такая поддержка, то можно идти на Киев. На его стороне правда – Всеволод неправедно обидел Вячеслава, за водворение на Киевский стол старшего брата можно и побиться. Конечно, никого обмануть не удастся, остальные князья прекрасно поймут, что суздальский князь не за Вячеслава радеет, а за себя, но и выбора у Юрия Владимировича просто не было.

Распорядившись собирать рать, он сам отправился в Ростов, чтобы ехать в Смоленск лично. Юрий схитрил, что-

бы не сразу поняли, что делать собирается, дружину поручил сыну Ивану, а сам двинулся вперед. Предстояло еще выдержать бой с ростовскими боярами, сколько лет уже он сидел на этом княжении, а бояре как были строптивыми, так и остались! А теперь и вовсе заупрямятся, почувствовав его слабость. Именно потому слабость показывать было нельзя.

Степан Кучка

Снова бежала наезженная уже дорога. Летом верхами ехать хорошо, в лесу прохладно, дышалось пока еще не тяжко, чуть позже пряный дух увядающей травы будет даже давить. Вокруг косили, и многие, завидев князя в малом сопровождении, решили, что он просто проверяет свои владения. Это тоже хорошо, ни к чему, чтобы в Киеве раньше времени узнали, что он задумал.

В Ростове привыкли к приездам князя или княжичей, всегда были готовы, разве только горячего не стряпали да баньку не топили, а в остальном чисто, опрятно… Это еще Олена приучила. Вспомнив об умершей супруге, Юрий вздохнул. Что ж ему теперь, всю жизнь сенными девками да ключницами довольствоваться? Хотелось, чтоб женка была разумная, добрая, домовитая, чтобы не носилась на коне по полям, гикая и пугая окрестных мужиков, но где такую взять?

Почему-то на ум пришел боярин Степан Кучка. Вот у кого женка-красавица и, видно, умница. Но Кучка – боярин, захочет и на купеческой дочери вон женится, а князю так нельзя. Но где же в Залесье разумную красавицу взять да еще чтоб родовитая была?

Мелькнула шальная мысль объявить в Ростове, что женку себе ищет, и посмотреть, как бояре суетиться станут, своих дочек предлагая и забыв о том, что в другие дни костерят

его на чем свет стоит. Усмехнулся, не заметив, что в лицо напряженно заглядывает ключник, пытаясь понять, что вызвало у хозяина этот смешок.

Но дворовые свое дело знали, быстро было готово все, пока распрягали коней, пока пересказывали свежие новости, подоспела и банька. Юрий порадовался, что в Ростове пока ничего не ведают о сложных киевских делах. Или ведали, да помалкивали, выжидая, что князь скажет? И такое могло быть.

Ключник, отправляя в баньку, услужливо зашептал, что девку новую нашел, красивая… страсть! И ладная вся. Сам бы… да князю надо.

Юрию стало смешно:

– Ну, кажи свою ладную да красивую…

Девка действительно оказалась загляденье. И не воротила нос от него, напротив, глядела ласково. Угодила… Князь спросил:

– Чего хочешь?

Ждал просьбы про безделки разные или еще чего, а она ответила просто:

– С тобой быть.

– Как – со мной?

– Тебе не понравилось?

Юрий долго смотрел в ее лицо, но ничего не высмотрел, хмыкнул:

– Понравилось, да только я же в Ростове не живу, я на

коне часто и в походе.

– И я с тобой.

– На коне?

Вот это Юрию уже не понравилось, живо вспомнил Олену.

– Нет, в походе.

Вот глупая!

– Как тебя зовут-то?

– Настасьей.

– Со мной, Настя, все время нельзя. А здесь жить будешь, ни в чем не нуждаясь, и меня ждать.

Губы девки дрогнули, вот-вот заплачет. Чтобы не заметил, отвернулась, тайком смахнула слезинку. Юрий удивился несказанно:

– Ты чего ревешь-то?

– Люб ты мне… давно люб… Я еще совсем девчонкой с тебя глаз не спускала, когда приезжал. Отец бивал даже, чтоб на князя не заглядывалась. А я не потому что князь, а потому что люб!

Он поверил, и потому что ничего для себя или родни не просила, и потому что вот так плакала от невозможности быть с ним вместе. Эх, Настасья, да если бы люди делали только то, что хочется!

Ключник Явид живо определил Настасью к житью поближе к князю, чтоб не бегать девке через весь двор, хотя ни для кого не было секретом, где она проводит ночи. Но рано поутру до света Настя всегда тихонько выскальзывала за дверь,

он ее утром никогда и не видел.

А через два дня, когда Юрий еще не успел и с боярами потолковать, вдруг встретилась ему на торге Кучковна. Случилось это нечаянно, он пришел вовсе не для забавы, а торг посмотреть, приметить, что изменилось в этом году, как торговля идет.

Конечно, лето – не самая пора для торга, по реке везти легче, но многие бояре в своих деревнях за покосом наблюдали, хлеба оценивали. Вот чуть позже осенью, когда еще не наступит дождливая пора, и особенно зимой, когда работы куда меньше, торг зашумит во весь голос.

Может, будь народа побольше, Кучковна и не заметила бы князя, а тут как глянула, так и обомлела. В Ростове она была без мужа, Степану Ивановичу не до поездок по гостям, зато с двумя пасынками, приехала как бы полотна заморского на нарядные рубахи выбрать. Кучка ворчал, что свои умелицы не хуже делают, да разве бабу переспоришь?

Завидев князя, Кучковна едва не бросилась к нему, но вовремя себя остановила, что подумает? Нет, надо, чтоб сам приметил… Сделала круг, удивляя пасынков, стала смотреть то, чем никогда не интересовалась, – сбруи. Тыкала пальчиком:

– А это что?

А сама при этом косила в сторону Юрия Владимировича. Князь тоже заметил боярыню, подивился, что упряжь смотрит, подошел.

Кучковна, смеясь, созналась, что ничего в этом не смыслит, но хочет понять, что интересного находят мужи. Она разговаривала так легко и свободно, нимало не стесняясь князя, была так весела и приветлива, что Юрий невольно залюбовался. Обратил внимание и на красивых мальчиков:

– Твои?

– Нет, – замахала руками Кучковна, – то есть мои, только пасынки! Где уж мне…

Задела нужную струнку, князь стал убеждать, что у такой красавицы детки будут еще краше. И с мальцами поговорил, вгоняя тех от удовольствия в краску. Обещал взять к себе в окружение.

Между разговором Кучковна напомнила Юрию обещание заехать в их Кучково, посмотреть, как живут.

– А падчерица у меня как хороша, чудо!

– У Степана Ивановича, я гляжу, все вокруг красавицы и красавцы. Заеду, вскоре и заеду.

Кучковна не давала покоя мужу, и ведь с чем пристала-то? Почему ростовские бояре не любят князя Юрия Владимировича.

– Да что тебе-то с того?

– Не пойму, вроде и добр, и собой хорош, и не обижает никого… С чего не любят?

– А с чего его боярам любить? В Ростове бывает наездами, все больше в Суздале, бояр хоть и слушает, а делает все по-

своему…

– Так ведь на то он и князь. И боярам так легче, когда князь в Суздале, а не у них под боком. А суздальские бояре его любят?

Кучка чуть задумался, потом мотнул большой головой на толстой, словно бычьей шее, от этой крепости загривка получалось, что не мотнул, а боднул воздух:

– Чаю, пока любят, потому как Суздаль над Ростовом поставил. Но это ненадолго.

– Почему?

Вот пристала! Хорошо, что у боярина настроение хорошее было, не то давно разозлился бы.

– А с того, что он и более суздальских бояр любит с простым людом знаться. Всегда вокруг него не знатных больше, а деловитых, то градостроители, то сотники, то вообще вчерашние холопы, что с его помощью в крепкие хозяева выбились. А каково при том знатным?

– Глупости про него говорят, что он толстый! – неожиданно заявила Кучковна. Муж даже обомлел:

– Когда это ты успела разглядеть, какой он?

– Так ведь в шубе и я толстая, и ты вон какой, глянешь – кажется, что на кобыле не объехать. А князь вовсе не толстый. И нос у него не кривой, а просто крупный, и он сам крупный…

– Тю, сдурела, князя обсуждать! Тебе что, за него замуж идти или дочь выдавать?

– Мне, может, и нет, а тебе?

– Замуж? – вытаращил глаза Кучка.

– Сам сдурел! Улиту за князя пристроить.

– Замолчь, чтоб я этих речей больше не слышал. И Улите голову не морочь, какая из нее княгиня, девке только двенадцать минуло.

Жена чуть помолчала, а потом все же возразила:

– А простой люд князя любит!

Кучка, отвернувшийся было к стене, повернулся обратно:

– Простой любит. Да только не волей простого люда на Руси дела делаются, как бояре скажут, так и будет.

– А в Новгороде? Там вече…

– А на вече кто громче всех кричит? Кто боярами куплен или должен им больше других. Князь, конечно, молодец, что земли свои крепит и населяет, только с боярами тоже дружить нужно, иначе может и погибнуть…

Кучковне от этих слов стало страшно. А муж ее снова отвернулся к стене и еще долго возился, устраиваясь своим упитанным телом поудобней.

Если бы только он знал, что так и будет, только через много лет и не в Ростове или Суздале, а в Киеве.

Что заставило князя ехать в Смоленск не привычным путем, а прямиком через леса? Неужели желание все же глянуть на владения Степана Кучки, а еще на его красавицу-жену? Наверное, и то, и другое вместе.

Несмотря на неприятности, настроение у Юрия Владимировича было хорошим. Он рассчитывал на поддержку племянника, Ростислава Смоленского, тот мог помочь договориться с остальными своими братьями против Всеволода Ольговича, даже с Изяславом, сидевшим во Владимире-Волынском.

Возможно, сыграло роль и третье – нежелание, чтобы Всеволода предупредили раньше времени, а так… поехал князь по владениям своих бояр и поехал… кто знает, где он и каким путем движется? Ивану пока приказано с дружиной подождать в Ярославле. Тоже дело, никому в глаза бросаться не будут.

Дорога оказалась, к удивлению, наезжена, видно, боярин Степан Кучка частенько возил в Ростов свои товары. Ну и женку в Ростов – развлечься…

Сказать, что и место, на котором стояло Кучково, и сами его владения понравились, значило бы не сказать ничего. Все то, о чем они столько говорили с Шимоновичем, то, что он старался ввести у себя в суздальских землях, Кучка ввел в своих. Так ладно да складно было все в кучковых деревнях, на кучковых полях, на дороге, на сходнях к реке, всюду, куда только мог дотянуться взгляд. Казалось, даже лес рос по хозяйскому замыслу!

Боярин исправно посылал князю дань, была она немалой и вопросов не вызывала, хотя Шимонович когда еще твердил, что Кучки недодают, у них хозяйство столь справное.

Что брать можно больше. Но Юрию не хотелось тягаться с этим веселым толковым боярином, одним из немногих в Ростове, с кем не было вражды, пусть даже скрытной. Он дорожил хорошим отношением со Степаном Кучкой, которое стоило дороже большей подати.

Может, потому и в его землях на Москове да Неглинной никогда не бывал, чтобы не убеждаться, что Шимонович прав? Но пришло время и сюда добраться.

Полюбоваться было чем, а потому князь не торопился, к тому же давая возможность хозяину встретить. К Степану Кучке и правда примчался кто-то из челядников с криком:

– Князь едет!

– Кто?! – ахнул Кучка и тут же приметил, как блеснули глазки у жены. Все понял, рыкнул: – Ты позвала?!

– Нет, сам спросил и обещал.

Кучка не поверил, но делать что-то было уже поздно. Выскочил на крыльцо, краем глаза примечая, все ли в порядке. В порядке было все, у Степана Ивановича иначе не бывало.

А князь с малым числом сопровождающих (чего бояться в своей земле?) уже въезжал во двор. Навстречу бросился, заливаясь лаем, огромный лохматый пес. Юрий Владимирович рассмеялся:

– Неласково нас твой охранник встречает.

Кучка рассмеялся в ответ:

– Служба у него такая… – Цыкнул на пса и поклонился: – Милости прошу в дом.

Челядники подскочили к князю и его людям, принимая поводья лошадей, а из двери уже выплывала сама Кучковна с большим блюдом и чарочкой на нем:

– Милости прошу отведать нашего хлеба-соли…

Мысленно подивившись: и когда успела, Кучка поддержал супругу. В конце концов, что дурного в том, что князь заехал к своему боярину, с чего беды ждать? Напротив, может, сразу грамоту и выправит?

Приняв чарочку и сладко расцеловав хозяйку прямо в сахарные уста, Юрий довольно крякнул:

– Благодарствую…

Он с явным удовольствием разглядывал и двор Кучки, похвалил:

– Такого справного хозяина еще поискать надо. Вот все бы так…

Все шло хорошо, не понравился хозяину только поцелуй, вроде к чему и придраться, обычай таков, да и князь известен своей любовью к красивым бабам. Но вот показалось Степану Ивановичу, что не впервые они целовались, неизвестно с чего, но показалось… И мысль эта не давала покоя.

Потом они еще долго осматривали двор, сидели за богато накрытым столом, вкусно ели, сладко пили, смеялись и жаловались друг дружке на все подряд… И все равно что-то тревожило Кучку. А Юрию Владимировичу так понравилось, что решил задержаться на пару дней, все посмотреть.

От крестной из соседней деревни вернулись сыновья и

дочь. Юрий Владимирович восхитился мальцами, и по тому, как приветствовали его сыновья, было понятно, что в Ростове они тоже беседовали по-доброму. А княгиня говорила, что только вскользь. Почему? От сплошных тайн вокруг становилось не по себе. Решил строго расспросить обо всем жену позже вечером.

А пока князь разглядел и Улиту, ахнул:

– А ведь женка твоя, Степан Иванович, правду говорила, краса писаная! Женишок-то есть?

– Что ты, князь, мала еще.

– Хм, а у меня сын Андрей неженат до сих пор.

Кучка вспомнил сразу и разговоры жены, и самого Андрея. Вот уж кого он вовсе не хотел бы для своей любимицы! Сыновья князя удались в деда Аепу, скуластые, носы широкие, глаза узкие. Кучка представил, что и у него внуки могут быть такими же, мысленно ахнул и решил пока время потянуть, отвлечь князя другим, а Улиту спешно отдать за кого другого.

Но Юрий Владимирович и не настаивал, видно, мысли были заняты другим…

Сам Кучка все размышлял, как бы напомнить про грамотку-то?

Уже вечерело, в небе появились первые звездочки, когда князь с боярином вышли на берег Неглинной, постоять, посмотреть вокруг. И тут Кучка вдруг понял: Юрий до сих пор не сказал ни куда, ни зачем едет! Не в гости же явился. Если

бы так, то давно сказал бы, но князь явно собирался дальше, а куда дальше, если там лишь лес и дорога на Смоленск через него.

В Смоленск обычно шли водой, так проще, с чего вдруг князь поехал верхами? Юрий что-то говорил, спрашивал, Кучка отвечал, думая совсем о другом. Не хочет, чтобы его на волоках гнездовских видели? Почему? Степан Иванович понял: случилось что-то очень важное, о чем князь уже знает, но пока молчит. Почему и что это могло быть?

И вдруг Юрий Владимирович стал говорить, видно, поверив боярину. Он рассказал о том, что Всеволод изгнал Вячеслава и сам сел на Киевском столе. Об этом Кучка уже знал и ломал голову о том, как это надолго.

Но заботило суздальского князя совсем не то, живут братья и племянники далеко за лесами (хотелось сказать, что это они сами далеко), и пусть живут. Юрий Владимирович стал говорить о том, что не все пока получается в Суздальской земле, много сделано, но сколько еще предстоит.

Да уж, сделано было очень много, пустая, укрытая лесами земля заселялась на глазах, прослышав о помощи и податных льготах на первое время, сюда шли и шли люди. И из соседних княжеств, вызывая злость у черниговских, рязанских и муромских князей, и даже от булгар и мордвы. Кому же, не имеющему земли и хозяйства, не хочется пусть и тяжким трудом, но обзавестись таким, встать на ноги? Добрые люди труда не боятся, знать только должны, что не нападет враг

завтра, что не сожгут свои же князья, придя на соседскую землю разором, что не заберет все боярин…

Набегов давно уже не было, как сходил Юрий Владимирович на булгар, так и сидят спокойно. Новгородцев и без него славно побили на Ждане-горе, ни черниговский, ни смоленский князья тоже не налезают, потому как у Юрия с ними никаких споров нет.

Такого спокойствия бы на сотню лет… На ноги встать можно так, что никаких походов с богатой данью не нужно.

Слушал Кучка мечты своего князя и посмеивался, но на ус мотал. Верно говорил Юрий Владимирович – трудом да тщанием большего достичь можно, чем набегом. Ты напал, значит, жди ответного разора. Хоть и привыкли к этому, особенно те, кто ближе к Степи жил, но каждый мечтал пожить без ежегодной рати.

– Вот ты, Степан Иванович, потому спокойно и хозяйствуешь на своих землях, что никогда их враг не разорял, и воля тебе дана большая.

Кучка напрягся: вот оно! Неужто князь такие долгие разговоры вел, чтобы заставить дань платить большую. Тогда к чему, сказал бы просто и прямо, а не ходил вокруг да около… Но Юрий добавил совсем другое:

– Хорошему хозяину и не жаль дать воли большой. Любо-дорого глядеть, как у тебя все разумно устроено, вот бы мне так во всем княжестве сделать?

Кучка облегченно выдохнул:

– Да… слышал я, Юрий Владимирович, и у тебя недурно устроено, в твоих владениях.

Сказал, а сам затаенно ждал, вдруг ответит, что все княжество его владения. И снова ошибся боярин.

– Тоже стараюсь. Еще Шимоновичем все заведено да налажено. – Юрий сладко потянулся. – Ничего, Степан Иванович, будет и наша Суздальская земля, а твоя вон, Кучковская, тоже заселена и обжита, как Киевская…

Что ж, после таких речей не грех и пир в честь князя закатить. Но Юрий от пира отказался:

– Ехать поутру пора, дела не ждут.

– Куда ехать-то, Юрий Владимирович?

– В Смоленск, – просто ответил князь. Он ничего не скрывал. – Нужно убедиться, что не предаст меня племянник, да с новгородцами снестись, чтобы позволили Ростиславу мне помочь в случае надобности.

Юрий Владимирович уехал на встречу сначала с сыном Иваном, который вел свою дружину из Суздаля, а потом действительно в Смоленск. Ему не удалось заручиться поддержкой племянника и новгородцев тоже. Новгородцы, почувствовав, откуда ветер дует, тут же переметнулись к Великому князю, слезно просили вернуть им на княжение Святослава Ольговича, а сын Юрия, Ростислав, не только не смог помочь отцу, но и вынужден бежать из такого строптивого и неверного города.

Разозлившись на непостоянный город, Юрий захватил Новый Торг (Торжок), стоявший на торговом пути Новгорода, и снова запретил возить туда хлеб. Но было лето, это не зима, новгородцы сразу запрет на торговлю не почувствовали, к тому же теперь они были друзьями с Великим князем и хлеб подвозили по Днепру. А к осени бог весть что еще будет…

Это была тяжелая потеря для Юрия Суздальского, он остался один против всей остальной Руси. Хотя он вовсе не был против, князь хотел одного – чтобы его не трогали, чтобы его Залесье жило спокойно и мирно. Это было время, когда Юрия Владимировича даже не интересовал Киевский престол. Позже за особое рвение в Киев из далекого Залесья он даже получит прозвище – Долгорукий. Но ведь тянуться будет только тогда, когда будет иметь на это право, ни у Мстислава, ни у Ярополка, ни у Вячеслава, ни даже у Всеволода Юрий Киев не оспаривал, бороться за него начал только тогда, когда на престол попробовал сесть его племянник Изяслав, с которым у Юрия были особые враждебные отношения.

С Изяславом еще до Киева ему предстоит столкнуться, и их противостояние развалит Русь на три части – Киевскую, Залесскую и Волынскую – окончательно. А Новгород снова будет, как капризная невеста, выбирать, к кому же выгодней преклонить голову. Метаться будет до тех пор, пока Московский уже царь Иван не увезет вечевой колокол в знак полно-

го подчинения города.

А ведь могли еще тогда договориться с Юрием Суздальским, и была бы земля столь сильная, что никому и ничем не взять… У Низа (как чуть позже стали называть Залесье) был хлеб и Волга, а у Новгорода – меха и Ганзейский торговый союз. Но строптивый город предпочел иное…

Авдей приехал к Кучке среди ночи, даже не сразу пустили на боярский двор, все не могли понять, кто это. Кучка вышел к свату заспанный, осоловевший, тем паче предыдущий вечер провели со старшим сыном и зятем за медами и разговорами. Но даже им Кучка не раскрыл своих разговоров с князем, мало ли как после повернет…

Сват сипло кашлял, видно, застудился где-то, Кучка поморщился:

– Эк тебя разобрало. Может, баньку велеть истопить?

– Не-е… – помотал головой Авдей, – сначала поговорить.

– Чего случилось-то? – крестя зевок, поинтересовался боярин.

– Дело есть.

– Де-ело… Да какие дела посреди ночи могут быть? До утра подождать не мог?

– Недосуг, мне поутру надо обратно, чтобы успеть к Якиму.

– Чего это?

– Ты, Степан Иванович, лучше челядь свою отправь до-

сыпать да послушай, чего скажу…

Разговор, видно, предстоял тайный, Кучка, ворча, что ежели хотел втайне, так не надо было и шуметь, точно на торгу, все же сделал нужные распоряжения. Его челядь свое дело знала, тут же на столе появилось холодное мясо в большой миске, куря верченное, кусками рыба, соленые грузди, рыжики и еще много чего, словно за стол собиралась сесть вся Кучкова родня сразу. Сват от медов или заморского вина отказался:

– Сказал же, что по делу приехал.

– Так после…

– Вот после и подашь.

– Ну, говори, с каким таким делом ты ко мне среди ночи прибыл.

Авдей чуть помялся, но потом вскинул свои крохотные колючие глазки и почти шепотом поинтересовался:

– Степан Иванович, у тебя грамотка на твои земли есть?

– Хм, нет, так будет.

– Откель будет?

Не хотелось Кучке говорить, но пришлось, уж больно прилипчив Авдей, не отвяжешься.

– Князь намедни тут был проездом, обещал написать.

– Во-о-от! – почему-то довольно ткнул в боярина пальцем Авдей. – Ты от Юрия Суздальского намерен грамотку получить, так?

– Ну, так, его же княжество-то…

Кучка не мог понять, к чему это клонит сват, а тот был явно доволен услышанным.

– А про то, что Мономашичи с Ольговичами издревле не дружат, знаешь?

– Эк удивил.

– Но нынче князь Всеволод Ольгович и Мономашичей к себе переманил, всех, кроме нашего Юрия. Во как!

– И что?

– А то, что когда супротив самого Олега Святославича все русские князья поднялись, то и выгнали его прочь с Русской земли, недаром же Гориславичем прозван.

– Ты не темни, говори толком. Мыслишь, и Юрия могут погнать?

– А как же! – снова обрадовался кучковской сообразительности сват. – Вот он ныне поехал в Смоленск, а племянники-то его не подде-е-ерживают… О том, что князь Новый Торг захватил, про то еще не ведаешь?

– Не ведаю. Ну, и молодец, что захватил.

– Ага, только кто ему тот Торг простит? Как навалятся все вместе, так и пропал твой Юрий.

– Да не мой он! Чего ты-то хочешь? Не страшилки же ночью рассказывать приехал?

– Нет, только завтра надежный человек поедет к Великому князю Всеволоду, письма повезет с просьбой грамотку написать на земли…

– Да ведь это предательство! Можешь не любить князя,

только к чему предавать, крест же Мономаху за него целовали?

– А где предательство? Разве мы от Юрия отказываемся? Нет, только просим Великого князя подтвердить, что земли наши. Выстоит Юрий, и ладно, получишь и у него грамотку, будешь хранить обе. А ежели нет, тогда как? Придут на твои земли другие, покажут Всеволодову охранную – и иди отсюда? А так у тебя уже есть готовая и раньше свары выданная.

Кучка слушал Авдея и понимал, что тот прав, хоть как-то надо охраниться от загребущих рук, но все равно качал головой:

– Узнает Юрий, не простит, и того, что есть, лишиться можно.

– Откель узнает-то? С Великим князем он ныне в ссоре, им вместе не жить и мира не будет. Коли другой Великий после Всеволода Ольговича будет, так и грамоту можно будет сжечь. А человек поедет надежный…

– Ростовские бояре удумали?

– Не-е… ростовские умней нас с тобой, у них давно такие грамотки выправлены, как только Всеволод сел, так и сделали. На всякий случай… А ноне мы с Тимофеем узнали и себе решились. До утра только думай, после поздно будет. Завтра гонец через твое Кучково поедет, я решил вперед прибежать да тебе предложить.

– А с чего это ты ко мне приехал, сам-то отправляешь письмо?

– А как же! Тоже земли утвердить прошу да дары шлю.

Кучка задумался, Авдей пока рвал зубами мясо, хрустя луком и капустой. Он ловко подхватывал соленые рыжики и один за другим отправлял в рот, причмокивая:

– Хорошо у тебя грибки солят, ей-богу…

Кучка вздохнул, до рыжиков ли? Он понимал, что сват прав, если получить грамоту от Великого князя, это будет хорошей защитой перед другими, но перед Юрием совсем наоборот. Что делать, если Юрий Суздальский узнает? Тогда ничего хорошего не ждать.

– С огнем играешь, узнает Юрий – не простит. Голова полетит с плеч.

– Да откель узнает-то, ежели сам не скажешь?

– Ох, Авдей, не сносить нам с тобой головы…

У Кучки все нутро противилось такому делу, но сват раз за разом твердил одно: надо отправлять и себе письмецо с просьбой к Всеволоду подтвердить грамоткой земли, если этого не сделать, то, одолев Юрия, Великий князь или кто-то из тех, кто с ним, непременно отберут Кучково. А ежели Юрий выстоит, так и сам напишет грамоту. Как обещал.

Мял рукой бороду Степан Кучка, скреб затылок, ходил взад-вперед по горнице, кряхтел и маялся, но написал-таки уж под утро то, за что так ратовал Авдей.

Поутру у него глаза были красные от бессонницы. Голова, одуревшая от разных мыслей, может, потому и не заметил, как переглянулись отец с дочерью, когда Авдей собрал-

ся ехать и увидел свою Завею – сношеньку кучковскую.

– Ну, смотри, Авдей Ефремыч, коли что, на тебе грех будет…

Не выдержал сват, вздрогнул, чем добавил сомнений в душу Кучки, но тут же закрестился:

– Что ты, что ты, Степан Иванович, господь с тобой! Одной веревочкой же повязаны…

– Ладно, чему быть, того не миновать.

На том и разъехались.

Два гонца отправились вперед, один повез тайные письма к Великому князю в Киев, а второй… куда поехал второй, не знал никто, кроме отца и дочери…

У Юрия, когда прочел прошение Степана Кучки ко Всеволоду, в глазах потемнело. Давно ли сидели на берегу Москвы. Князь перед боярином душу раскрывал, о своих планах рассказывал, как дальше мыслит ставить грады на земле Суздальской, как новых насельников расселять, льготы им давать, чтобы на ноги встали, как торговлю мыслит развивать… Говорили о том, что Кучково хорошо стоит, если постараться, то центром стать может, пусть не по рекам, неудобно, так дороги прямоезжие прорубить, просеки. Чтоб из Кучкова в одну сторону к Суздалю, в другую – через Козельск к Дебрянску и там к Чернигову быстро идти можно было.

И этот же Кучка, стоило только княжьей дружине скрыться за поворотом, написал к Всеволоду, прося у того грамоту на свои земли. Что это, не доверяет своему князю или… от следующей мысли стало совсем тошно на душе, неужели решил за спиной супротив выступить?!

Большая рука смяла письмо так, что и не расправить, но к чему оно Юрию? От тоски хотелось волком взвыть, крикнуть:

– За что?!

Разве он что плохого сделал тому же Кучке? Столько лет и не заглядывал в его владения, понимая, что обманывает его боярин, платить дань меньшую, чем должен бы, но закрывал на это глаза, оберегая Кучку от своего гнева. Но оказалось, зря…

А Ростову он что худого сделал? Сам в Суздале живет да новые грады ставит? Чем они Ростову мешают, да и боярам проще без князя в своем городе жить. В поход на булгар ходил удачно, добычу и полон большой привели все, кто хотел, бояре брали богатеев и выкуп за них, какой хотели, сам князь только работных людей да будущих насельников, кому как выгодней показалось.

Почему его так не любят в том же Ростове, почему предал Кучка? Из-за того, что не желает свою выю под боярскую волю гнуть? Но на то он и князь, самих бояр-то под себя не гнет, вольно жить дает.

Чем больше думал, тем обидней становилось, может, по-

тому и рванулся вдруг с места в Кучково, сам посмотреть в глаза Степану Ивановичу, спросить, почему предал, почему не поверил. Была даже мысль, что обманом у боярина такое письмо выманили, что подговорил его кто дурной, неразумный, что если снова поговорить по душам, так и передумает Кучка, станет помощником и опорой, как совсем недавно сговаривались?

Князя с дружиной приметили далеко на подходе, пока он броды на реках искал да болотца обходил, к Кучке умчался человек предупреждать. Юрию бы задуматься, вдруг сбежит Кучка, но он, напротив, только хмыкнул:

– Пусть приготовится к приезду…

Юрий даже сыну Ивану, который вел с ним свою дружину, ничего про письмо не сказал, если поймет Кучка, что натворил, и разберутся меж собой, ни к чему остальным о его предательстве знать. А если сбежит, значит, делал все сознательно и никаким помощником никогда не будет. Тогда это враг, причем враг в своем же доме.

Человек от дальней заимки, увидевший княжью дружину, примчался и впрямь быстро, боярина нашел сразу, единым духом выпалил, что князь с дружиной близко и очень торопится…

Кучка понял все: князь либо узнал о послании Всеволоду Ольговичу, либо даже перехватил его. Это была гибель. Что он мог сказать в ответ? Что бес попутал? Что без всякой

мысли написал только потому, что хотел застолбить за собой свои же владения?

И вдруг обожгла мысль: кто?! Кто его выдал?

Метнулся к жене, та смотрела на взъярившегося, красного от бешенства мужа с ужасом:

– Что случилось?! Ты точно с пожара…

– Ты?!

– Что – я?

– Князю ты про меня передала?

– Да что передала-то?

– О том, что я Всеволоду в Киев письмо писал?

Кучковна ахнула:

– Ты писал?! Совсем разума лишился, хочешь сам погибнуть и нас погубить?! Али не ведаешь, что Мономашичи с Ольговичами смертным боем бьются?

Он не поверил, ни на мгновение не поверил ее крику, за руку потащил к порубу:

– Туда ее и держать, пока не разрешу выпустить!

Княгиня орала благим матом, а рядом, не понимая, в чем дело, кричали младшие дети. Кучка грязно выругался непонятно на кого и с перекошенным лицом бросился прочь. Никто не рискнул его догонять, когда хозяин сердился, остальным лучше попрятаться.

Степан ушел на берег Москвы, долго стоял, пытаясь хоть как-то успокоиться и понять, что делать дальше. Выход видел теперь один: пока не вернулся из Смоленска Юрий Вла-

димирович, надо бежать. Прихватить детей и злата побольше и бежать. С тоской огляделся вокруг на свои поля, заливные луга, где шел второй уже укос, так хорошо встала в этом году трава. Невольно посчитал копны сена на другом берегу, приметил, что ближнюю полоску ржи сжали чисто.

Все вокруг было его, поставлено его волей, его разумом, его тщанием. Если бы не его отец, не он сам, разве был бы здесь такой городок, такие поля, переправа на Москове, огороды вон за Неглинной… здесь ничего бы не было, сплошной лес, ну, может, кое-где распаханные поля, но не так, как ныне!

И это все бросить? Оставить только потому, что сглупил, послушал свата, метнулся в сторону? Брала невыносимая досада на себя, на свата, на жену, на всю такую нелепую жизнь, заставляющую сначала совершать дурные поступки, а потом за них жестоко расплачиваться. Тоска захлестнула душу.

Но тоскуй не тоскуй, а уезжать срочно придется, князь не простит связи с его врагом после того, как открыл душу. Кучка усмехнулся: а сам он простил бы? Тоже нет. Начал понемногу успокаиваться, чем дольше и спокойней размышлял, тем явственней становилось понимание, что нужно не бежать, а просто покаяться, объяснить, повинную голову меч не сечет, простит его князь, не так много у Юрия Владимировича ныне верных людей. Снова усмехнулся: а он верный, выходит? Если такие верные, то никаких врагов не нужно. Еще раз обругал себя за бездумное следование чужим сове-

там.

Но от этого ничего не изменилось, а день клонился к закату, пора было возвращаться, не сидеть же и ночь на берегу. Понимал, что в доме никто ни о чем не спросит, не рискнут. Что жену придется выпустить, но и ей ничего объяснять не собирался. Оставалось придумать, как оправдываться перед князем.

Ладно, утро вечера мудренее, может, что ночью в голову придет…

Он шел к своему двору и уже точно знал, что никуда бежать не станет, что ему слишком дороги вот этот терем, этот двор, все его хозяйство, его владения, вложенные труд, мысли и даже душа. Уже утвердился в намерении преклонить голову перед Юрием Владимировичем и просить пощады, только чтоб оставил жить вот тут, оставил за ним Кучково.

Дойти до двора не успел, увидел бегущего от околицы со стороны моста Игната:

– Князь едет!

Кучка был готов виниться, но не готов делать это немедленно. Ноги сами понесли его прочь от двора и дома. Но почти все на виду, даже спрятаться негде, и все же он ловко нырнул в густые заросли орешника на краю двора, выходившие прямо на берег реки. Мелькнула мысль: если придется, то можно и вплавь. Куда вплавь и почему придется, не подумал.

Нет, в Кучкове их никто не встречал, хотя боярин явно знал о подходе князя с дружиной. Наоборот, испуганно засуетились. У Юрия на лице заходили желваки, он с каждой минутой злился все сильнее, сбывались худшие опасения.

Кучково окружили сразу, хорошо что у самих кучковцев хватило ума не сопротивляться, все же князь. Полки Ивана Юрьевича встали так, что ни бежать из городка, ни даже просто выйти невозможно.

Сам Юрий Владимирович сразу проехал на боярский двор. Там суетились, побросав привычные дела, челядники. Хозяина не видно, и для кучковцев это было странно, потому как если Степан Иванович в Кучкове, то уж непременно встретил бы гостя, да еще и такого.

Только никто не сомневался, что князь приехал не гостем, слишком грозен и даже страшен был его лик. Таким злым Юрия Владимировича видели редко, даже когда сильно на кого гневался, быстро отходил, уже через час-другой от ярости не оставалось и следа, а тут…

На крыльцо выскочил ключник, низко согнулся, приветствуя князя, крикнул в сени, чтобы стол готовили. Юрий слетел с коня, зло бросил подскочившему тиуну:

– Где боярин?!

Тот слишком явно растерялся:

– Так… где Степан Иванович, не ведаю, ушел куда-то…

– Ушел, говоришь? – У князя даже желваки ходуном заходили от злости. – Не ведаешь? А вот мы тебя сейчас вздер-

нем за руки на суку, может, память вернется?

Тиун упал в ноги:

– Не вели казнить, Юрий Владимирович, не ведаю, где Степан Иванович, вот те крест, не ведаю. Зол был, когда уходил, потому не сказал куда, а спрашивать нельзя…

– Уходил или уезжал?

– Ушел, пешим ушел.

– Давно?

– Давненько…

– А боярыня? Тоже пешей ушла? Пошто не встречает?

Не то чтобы князь начал успокаиваться, он просто понял, что Степана Кучку успели предупредить, значит, и среди своих есть предатели, и это было теперь важнее, чем поймать самого боярина. То, что ни за что не даст грамоту на земли, знал точно. Упади вот сейчас Кучка в ноги, повинись, как ни зол, а поверил бы, простил, но боярин бежал, чем подтвердил свою вину и злую волю. Рука Юрия невольно сжалась в кулак: убью!

– Дак… она…

– Что? Недужна? В Ростов уехала?

– Нет… в порубе…

– Где?!

– В порубе она, Степан Иванович, перед тем как уйти, посадить велел.

Юрий уже поднялся на крыльцо, но в дом входить не стал, остановился, оглядывая двор. Что-то здесь произошло перед

самым его приездом, слишком перепугана челядь, заметно, что боялись не только дружину князя. Видно, сам Кучка что-то сотворил перед уходом.

Видя, что князь собирается задержаться на крыльце, ключник ловко подсунул ему большое кресло. Юрий оглянулся искоса, грузно опустился, кресло жалобно скрипнуло под крупным телом.

– А дети где?

– Там… – неопределенно мотнул головой тиун.

– Собери всех сюда.

– А… боярыню?

– И боярыню тоже приведи.

Пока по дому и двору собирали сыновей Кучки и челядь, пока из поруба освобождали Кучковну, и та хоть чуть приводила себя в порядок, поправляя одежду, князь сидел на крыльце, наблюдая и размышляя. Вот уже встали толпой ближние, опасливо оглядываясь друг на дружку и на княжьих людей, заполонивших весь двор. Вот пришли сыновья Кучки, тоже робко жались в сторонке, снова согнулся почти до земли тиун, мельтешил ключник. Не было только боярыни и ее падчерицы, это не считая самого Кучки.

И вдруг мимо сидевшего князя в сени попыталась проскользнуть какая-то совсем юная девушка, по виду так не сенная девка. Юрий загородил оставшийся узкий проход рукой:

– Куда?!

– Я матушке плат принесу, негоже боярыне выходить простоволосой…

Юрий глянул внимательней, дочка Кучкова, и не признал сразу!

– Стой. Где матушка? – Почему-то подумалось, хорошо, что падчерица мачеху матушкой зовет.

– В порубе она. Отец посадил.

– За что?

– Не ведаю.

Князь чуть подумал, согласно кивнул:

– Иди.

Боярышня метнулась в дом, потом – с крыльца куда-то в дальний угол двора, видно, поруб там.

Князь ждал. В том, что Кучка писал это злосчастное письмо, теперь сомнений не было, что отправлял – тоже, иначе с чего так пугаться? Но почему виниться не желает, неужто и впрямь на устах мед, а в душе яд? Стало больно, сердце сжало так, что свет помутился.

Но Юрий взял себя в руки, знаком подозвал ключника.

– Расскажи, за что боярыню в поруб?

– Не ведаю, княже. – И было видно, что не врет, сам поражен, Кучка, который выполнял любые прихоти своей молодой боярыни, вдруг взбеленился и так обошелся с ней. – Видно, сильно провинилась, Степан Иванович не кричал на боярыню никогда…

– А сам как ушел и куда?

– Куда не ведаю, а как?.. Просто ушел, вроде постоять на берегу вон, – ключник мотнул головой в сторону Московы.

Юрий уже знал, что сделает. Ни искать боярина, ни вылавливать его по лесам не станет, земли заберет себе, с предателями иначе не поступают, семью боярскую отправит в Ростов или даже вон во Владимир под строгий пригляд, чтобы, когда станет их искать Кучка, так и попался. В Кучкове оставит посадника, а позже здесь вообще поставит настоящий город, хороши места больно. Не обмани его так Кучка, был бы здесь его город, а теперь обратного хода нет.

Юрий чувствовал, что начинает успокаиваться, это заметили и все его люди, и ключник с тиуном, вздохнули чуть свободней. Но дальше произошло то, чего никто, в том числе и сам князь, не ожидал.

Со стороны поруба шли две женские фигурки, видно, мачеха и падчерица, сенные девки держались чуть поодаль. Юрий только взглядом скосил, дожидаясь, когда Кучковна подойдет и поклонится.

– Здрав буде, князь Юрий Владимирович…

Голос у Кучковны странный, шепелявый. Юрий вскинул на боярыню глаза и обомлел. Как ни прикрывалась, скрыть разбитую губу и ободранное лицо не смогла. Кучка в запале, притащив женку к дверям поруба, так яростно ее туда швырнул, что женщина, споткнувшись, полетела и расшиблась о столб. Оказалась разбита губа, выбит один зуб и поцарапаны щека и висок. Чуть покрепче – и не было бы в живых бояры-

ни, тяжела рука у Степана Ивановича Кучки…

Князь зачем-то спросил:

– Кто?!

Кучковна только плечом дернула, мол, всем ясно.

– Убью-ю!.. Найти! – взревел Юрий во весь голос, даже птицы с ближайших деревьев взмыли вверх.

Никто не спрашивал, кого найти, и так ясно. Видно, не зря прячется боярин. Но где его искать, леса вокруг Кучкова стоят знатные, опытный человек может там и год прятаться, а уж у Степана Ивановича на случай каких нападений схронов достаточно, и на Яузе, и у Большого оврага, да много где, на то он и хозяин своей земли.

Подумав об этом, ключник вдруг понял, что уже нет. Если и вернется боярин Кучка, то князь ему чего-то там, из-за чего так зол, не простит. И как быть? Ключника Ефрема меньше всего теперь беспокоила судьба хозяина и куда больше своя собственная. Как остаться в чести у князя, чтобы не прогнал, здесь оставил? Иначе куда ему, хромому, податься? Степан Иванович за схватчивость да готовность услужить держал, только такие черты не всякий заметит и не сразу.

Ключник только угодливо наклонился, чтобы предложить князю кваску или вообще пока отобедать, как тот обернулся что-то сказать сам. Юрий даже вздрогнул, прямо рядом с его лицом оказалось приторно улыбающееся лицо с жиденькой бороденкой и бегающими глазками. Терпеть не мог такие лица, коробило, понимал, что предаст любого, даже са-

мого Господа, если случится спасать свою шкуру. Вот и ныне готов притащить своего хозяина, прикажут – найдет его, как пес по запаху, и в зубах притащит. И князю сапоги лизать будет.

Юрий отвернулся, не став спрашивать, где мог спрятаться Кучка, даже злость на боярина оказалась слабее гадливости от присутствия рядом его ключника. И как Кучка такого терпел? Махнул рукой:

– Поди, потом позову…

Ключник ушел, но во дворе появилась еще одна семья, видно, старшего сына Кучки – хлипкий боярский сын и крепкая некрасивая женщина с дитем на руках. Мелькнула мысль: это вот наследник? Стало почему-то жаль, что богатые кучковские угодья наследует вот этот сморчок, растеряет ведь все, погубит! Окончательно созрело решение оставить все в своих руках. А этих? Им дать взамен что другое, поменьше, поплоше.

Князь перевел взгляд на прикрывающую платом лицо боярыню и ее падчерицу. Махнул рукой:

– Иди к себе, после поговорим.

Кучковна спешно удалилась, Улита – с ней.

Надо было что-то делать, искать Кучку могут долго, не сидеть же ему на крыльце до завтрева, а то и весь месяц? Юрий заметил злой взгляд кучковской снохи, которым та проводила мачеху и Улиту. Ясно, завидует…

Сноха перевела взор на князя, но глаз не опустила. И

вдруг, как-то гадко усмехнувшись, произнесла, вроде сама себе:

– Чтой-то сорока нынче так расходилась…

Князь снова вскинул глаза на кучковскую сноху, и снова та не отвела глаз.

В следующий миг рука Юрия уже указывала на кусты орешника, что на краю двора и, видно, закрывали спуск к реке, где действительно беспокойно стрекотала длиннохвостая разбойница:

– Проверить!

И почти сразу кивнул на боярскую семью:

– В терем, пока не скажу выйти!

Сыновья Кучки и сноха подчинились, причем сноха шла мимо князя почти с усмешкой, видно, чувствуя себя уже хозяйкой на этом дворе. В углу двора осталась стоять челядь кучковская, но уж на этих Юрий внимания не обращал.

А еще чуть погодя во двор уже втаскивали упиравшегося боярина Кучку, с поцарапанным, красным от злости и натуги лицом. Он стоял перед крыльцом, набычившись, стиснув зубы.

– Что ж ты, хозяин, гостей так плохо встречаешь-привечаешь? Сам по кустам прячешься, женку в поруб посадил…

Был миг, когда еще все могло решиться добром, упади Кучка в ноги, повинись, наказал бы князь, но не до смерти. Юрий шагнул с крыльца, остановился прямо перед боярином. Он был выше Кучки почти на голову, а потому, чтобы

глянуть в лицо, взял того за бороду и поднял вверх. Как холопа! Степана Ивановича «понесло», то ли, в кустах насидевшись, обозлился окончательно, то ли уже не верил в прощение, вскинул глаза на Юрия, ноздри раздулись, лицо побагровело…

Князь от взгляда, полного ненависти, даже отшатнулся. И это решило все, не мог больше верить Юрий Владимирович боярину, даже если бы тот и повинился. Глаза князя тоже стали злыми, ключник заметил, понял, что боярину пришел конец, не простит его князь, нет, не простит…

– Гости с дружиной не приходят, князь.

– Почему же? Ежели я мимо шел с дружиной, что ж мне, ратников своих в лесу держать? Или в своей земле я не волен ходить так, как хочу?

Кучка молчал, ноздри массивного носа раздувались, глаза бегали по земле, точно что-то выискивая. Юрий от собственных речей ярился все больше:

– А твое дело – холопье: князя своего встречать. Или ты теперь не мой? У Всеволода Киевского грамоту на эти земли просил, меня обойдя? Своими считаешь? А что княжество мое, забыл?

Кучка взъярился:

– То мои земли, князь, мои! Я здесь хозяин, моим тщанием все поставлено! И я у Великого князя Киевского грамоту просил, а не у кого попало!

Боярин почти плевал слюной, выкрикивая дерзкие слова

Юрию в лицо. Князь багровел, ответно приходя в ярость, но Степану Ивановичу было уже все равно, он понимал, что это последние его слова, а потому осторожным быть не собирался. Вдруг вспомнил про жену, совсем зашелся:

– И женка моя, куда хочу, туда сажаю!

Князя почему-то добило упоминание о побитой боярыне, рванул на себе ворот, скорее просипел, чем крикнул:

– Взять!

И жест поперек шеи, объяснивший, что сделать дальше. Мгновение во дворе было тихо, потом одновременно буквально зарычал боярин, скидывая со своих рук и плеч вцепившихся дружинников, закричала, забилась какая-то баба, заплакал с перепугу ребенок у кого-то на руках, раздались крики ратников, оттесняющих потрясенных челядников от их боярина.

Ратники, конечно, справились с Кучкой, повалив на землю и скрутив руки сзади. Они все еще ждали, что князь прикажет просто увести, но не казнить, но Юрий Владимирович такого приказа не отдавал, напротив, отвернулся, словно подчеркивая, что передумывать не собирается.

Одновременно с женским криком (и не понять чьим) в воздух поднялась стая воронья, раздался предсмертный хрип боярина, заржал поднятый молодым ратником от неожиданности на дыбы конь. Боярин Кучка лежал на земле, заливая ее кровью из перерезанной шеи, а какая-то баба,

прижав руки к груди, в голос причитала:

– Зарезали… как овцу зарезали…

Юрий резко дернул головой, крикнул:

– Уберите баб!

Но бабенку уже и так отпихнули, рот закрыли, чтоб молчала, не навлекала гнев княжий на остальных.

Юрий пару раз дернул головой и стал говорить громко и уже куда спокойней:

– Земли в Суздальском княжестве все мои, чтоб о том помнили. Боярина вашего казнил за измену, к Ольговичам переметнулся, а с изменниками у меня всегда разговор таков, – кивнул он на лежавшего Кучку. – Здесь справится мой тиун, станете мешать, пойдете за боярином вслед. Семья боярская будет жить по-прежнему, на сыновей за отца зла не держу. На женку тоже. Боярина похоронить, как положено, хотя и изменник, но вам хозяин был добрый, да и муж, чаю, изрядный.

По его знаку почти рысцой подбежал тиун, слушал, кивал, с чем-то соглашаясь. Потом Юрий так же знаком подозвал своего боярина Петрилу, снова оба, он и тиун, кивали, слушая князя.

Оставаться в Кучкове князь не стал, слишком тяжелым было пережитое, но в городке оставил в помощь Петриле часть дружины. Глядя вслед уезжавшим ратникам, кучковцы не знали, чего еще ждать. Разговоры вести опасались, все больше качали головами.

Но постепенно по городку и округе все же поползли слухи, ведь то, что знают двое, знают все. Князь прилюдно казнил боярина за измену, потому что к Киевскому князю Всеволоду Ольговичу переметнулся, правда, как такое могло быть, никто не понимал, где Киев, а где – Кучково. Но самые знающие твердили, мол, попросил у Великого князя грамотку на свои земли, а кто дает, к тому и дан отходит.

– Да как же, ведь совсем недавно здесь Юрий Владимирович был, гостил, добром его встречали… к чему же к Ольговичам-то? – не могли понять кучковцы.

– Вот за то и поплатился.

– Это его Авдей, змей подколодный, подбил, не иначе! Недаром же приезжал в ночи и рано поутру смылся вон, в гости али по путному делу так не ездят. Тот кого хошь на любую подлость подобьет! – рассудили кучковцы и были совершенно правы. Припомнили и поведение сношеньки, Авдеевой доченьки. Верно, она, змеюка подколодная, свекра выдала, она на сороку внимание обратила, не скажи эта поганка, может, и обошлось бы, пересидел бы Степан Иванович, а после сбежал. Пусть бы уж имения лишился, зато жизни нет.

А еще говорили, что князь позволил два года дань в половинной мере боярской семье оставлять, чтоб ни в чем не нуждалась. Долго рядили кучковцы, выходило, что и Кучковичей князь не обидел, и себя тоже, да и самим кучковским смердам и горожанам тоже облегчение вышло. Вроде и неплохо, хотя Степана Ивановича все равно жалко, добрый

был хозяин, пусть и крутоват на расправу. Зато все по делу и на жесткий спрос были и похвала, и благодарность…

Теперь у Кучкова новый хозяин, теперь они княжьи. Каково-то будет? Как всегда, нашлись знающие, твердили, что в княжьих землях тоже порядок, еще со времен Шимоновича приучены. Люди вздыхали:

– Поживем – увидим…

Жизнь покатилась дальше, что с боярином, что без, хлеб убирать да льны мочить, пашню под озимые пахать, потом сеять, да мало ли работы людям на земле, а мастеровым – у себя?

И снова Новгород

Юрий тоже недолго переживал из-за казни Кучки, забот хватало и без изменника-боярина.

С приходом к власти, а вернее, с захватом власти в Киеве Всеволодом Ольговичем спокойствие на Руси закончилось. Это Мономах и Мстислав могли править спокойно, Ярополк сидеть с помощью своего младшего брата, Юрия Суздальского, править, не опасаясь быть выкинутым из Киева, Вячеславу помощь брата оказалась не нужна, за что и поплатился…

Всеволод Ольгович быстро показал, что сидеть спокойно в ожидании, пока его самого скинут, не собирался. Первым делом он, как и ожидал Юрий, попер на Переяславль, вернее, сам ушел на Изяслава Мстиславича, а против Андрея отправил Святослава Ольговича, сидевшего после неприятностей в Новгороде пока без дела. Суздальский князь ничем не мог помочь брату, вдруг оказавшемуся один на один с большой силой. Уйти из суздальских земель нельзя, Ростислав Смоленский поддерживать отказался, собственный Ростислав из Новгорода вынужден бежать, пришел, конечно, к отцу.

Но пока до Суздаля дошли вести, в Переяславле все закончилось… миром. Не отдал Андрей Владимирович город, хоть и был прозван брат Юрия Добрым, а за свою отчину встал крепко. Ответил Андрей Владимирович твердо:

– Лучше мне умереть с дружиной в Переяславле, на своей отчине и дедине, чем уйти на другое княжение…

Не испугался огромной силы, подошедшей к стенам, сумел не просто отстоять, но разбить осаждавших. А дальше получилось нежданно, вроде и разбил рать Святослава Ольговича, подошедшую к городу, решили крест целовать для замирения, но тут вдруг Переяславль загорелся. Случайно или все же постарались сторонники Ольговичей, неизвестно, только, увидев в том знак, Андрей решил совсем замириться с Всеволодом и признать того Великим князем.

Пока Всеволоду удавалось все: он помирился и с Андреем, и с половцами, заключив мир, и с Изяславом Мстиславичем, и даже с изгнанным им же из Киева Вячеславом Владимировичем. Он не столько воевал, сколько просто пугал, причем всех Мономашичей сразу, и те, будучи разделенными тем, что сидели далеко друг от дружки, но еще больше тем, что недружны, оказать общего сопротивления не могли, а поодиночке воевать не решались.

Новгородцы, вовремя почувствовав изменения в Киеве, снова прислали послов, прося Всеволода, чтобы вернул к ним в город ими же прогнанного Святослава Ольговича, и были готовы слушаться нового Великого князя.

Юрий Владимирович остался один против всех. Осознав это, он два дня метался по своим покоям, не желая никого видеть и ни с кем разговаривать и бессильно скрипя зубами. Идти на Киев и вообще выступать против Всеволода он

не мог, если тот поднимет всех, то можно оказаться, как когда-то Олег Гориславич, изгнанным из Руси. Оставалось одно: пока затаиться и крепить свою землю и свои границы.

Временами приходила мысль, может, сын Андрей и прав, плюнуть на этот Киев, забрать под себя побольше новгородских земель и отделиться? Но душа такого не принимала, его родина – Переяславль, и пусть сейчас даже любимый брат Андрей признал Ольговича Великим князем, ничего, придут времена, когда все поменяется. Юрий хорошо знал, что ничего постоянного в мире нет, то, что сегодня кажется незыблемым, завтра может рухнуть в одночасье.

Этим Юрий Суздальский был пока крепок – умением признавать свое положение и отступать, если не можешь победить, отступать на время, чтобы не потерять все. Куда потом денется его разумность, когда он все же не на шутку вцепится в Великое княжение, ввергнув всю Русь в эту драку за власть, и в которой погибнет, хотя и будучи Великим князем?

Просто он так и не смог смириться с мыслью, что ушел Киев из рук Мономашичей, а когда все-таки в Киеве сядет его племянник Изяслав Мстиславич, не сможет простить тому ни нарушение лествичного права, ни дружбы с Всеволодом Ольговичем в ущерб родным дядям, Мономашичам.

Если честно, то Святослав Ольгович просто боялся возвращаться в строптивый Новгород, памятуя, как был изгнан, он все тянул и тянул время, надеясь, что что-то изменится в

этом бурном мире и ему перепадет княжество поближе. Не слишком торопилась туда и Марья Петриловна, будто чувствуя что-то недоброе. Бабье сердце – оно вещун, бабу слушать надо.

Но как ни тянул, а ехать пришлось. Зато по пути Святослав Ольгович постарался припомнить всех, кто так или иначе обидел его, намереваясь, если уж вернулся, отомстить.

В Новгороде это хорошо понимали, потому, кто поумней да порасторопней, поспешили уйти. Только куда, если Псков с Новгородом замирился, это они за князя Всеволода Мстиславича горой стояли, а за бывших посадников так не встанут. Оставался один путь – Суздаль. Юрий принимал всех, прекрасно понимая, что за каждым боярином стоит его челядь и немалые деньги, а это всегда сила.

На княжьем дворе очередные новгородские беглецы, бояре не из последних – Судило, сын бывшего посадника, и Нежата Твердятич. Юрий Владимирович вопросов задавать не стал, если бежали, значит, припекло. Что ж, всякий недовольный Святославом – поневоле сторонник его, Юрия.

Вышел на крыльцо приветствовать сам, не чинился, на поклон ответил, позвал в дом. Но бояре чего-то мялись, потом объяснили: бежали хоть и в борзе, но, опасаясь расправы, с семьями. В обозе бабы и детишки.

Князь распорядился устроить всех до завтра, а там предстояло решить, где и кому жить. Убедившись, что родные будут в тепле (все же на дворе начался просинец), новгород-

ские бояре тоже пошли в тепло.

Немного погодя они уже сидели за столом с суздальским князем и рассказывали, что происходило в Новгороде. Началось с того, что бывший посадник Константин Микульчич и ближайшие к нему бояре, кто не успел бежать, были схвачены и высланы в Киев в заточение, оставлять их в Новгороде Святослав побоялся. Посадив под замок тех, кого успел, и разогнав остальных недовольных им, Святослав Ольгович дал волю своей дружине, не забыв и себя самого.

Новгородцы рассказывали правду, в городе действительно очень быстро стало твориться такое, что оставшиеся просто пожалели, что тоже не ушли. Но хорошо – бояре, им есть куда уходить, а что делать купцам, у которых лавки и склады, мастеровым, простым горожанам? Святославовы дружинники, почувствовав княжью то ли защиту, то ли попросту беспомощность и нежелание навести порядок, стали вести себя совсем вольно.

Столкнуть кого с деревянного настила в грязь и посмеяться, наблюдая, как станет выбираться, – это было уже привычным делом. Начались драки, которые тоже затевали дружинники, это считалось молодецкой удалью. А потом началось и насилие над женками и дочерьми новгородскими. Пока дело касалось кого попроще, только кричали, но терпели, а вот когда стали насильничать над знатными горожанками и даже женками кончанских старост, дело дошло до веча.

Тысяцкий Якун вскинулся, прислушиваясь. Никак снова вечевой колокол сзывает? Снова будут ругать дружинников и самого князя, напоминая, что договора не выполняет, и грозя выставить вон безо всяких почестей. Если честно, то Якун, бывший приятелем и даже кумом князя Святослава Ольговича, и сам твердил ему, что пора урезонить дружину, Новгород не Курск и даже не Киев, здесь терпеть долго не станут. Святослав смеялся в ответ:

– А что сделают, выгонят? Уйду хоть завтра, надоел мне твой Новгород.

«Ты-то уйдешь, а я как?» – со вздохом думал Якун, понимая, что близости с этим князем ему не простят.

Пришлось поторопиться, пока на вече не распалились слишком сильно…

Так и есть, снова насилие, снова дружинники надругались над какой-то женкой, а ее муж не стерпел, подкараулил обидчика (а может, и не его, но дружинника) и убил поздно ночью. Князь зубами скрипел, требовал наказать, но кто именно убил, не видели, да и за обиженную женку вступились многие.

– Сколько можно надругательства терпеть?!

– Сколько еще над нами будут измываться?!

– На кой и князь такой нужен, коли от него не защита, а одна беда?!

Крик стоял такой, что даже воронье покинуло вообще пределы Новгорода, кружа где-то за Волховом ближе к Иль-

меню. Потому никто не услышал теньканье спущенной тетивы, даже не все заметили, как мимо уха Святослава, совсем рядом, просвистела стрела!

Это было уже совсем серьезно, но сколько тысяцкий ни вглядывался, понять, откуда прилетела стрела, не мог. Святослав даже и не сразу понял, что произошло, а когда осознал, стало по-настоящему страшно. В тот же день он отправил гонца в Киев к брату с просьбой перевести его из города. Всеволод Ольгович был согласен сделать это, но не успел.

Особенно доставалось новгородским гостям, их обирали больше всего, дочерей и женок бесчестили, не желая терять Новгород, именно торговые люди первыми и стали тайно говорить об убийстве князя, ежели уходить не хочет. Новгород встал перед выбором: либо этот князь со своей дружиной, либо торговые гости. Князья приходят и уходят, а вот гостьбой город всегда жил, ссориться с гостями никто не хотел. В Новгороде вызрел заговор против князя. Не хочет уходить добром, быть ему убитым! – решили горожане.

Тысяцкий Якун обсуждал с сотником Кудряшом кое-какие ратные надобности, потом посидели, просто поговорили, наконец сенные девки принесли на стол меды и съестное, беседа потекла под содержимое большой корчаги. Тысяцкий вздыхал, опасливо сетуя на самовольство княжьей дружины. Говорить откровенно он не рисковал, все же и у стен собственной горницы бывали уши. Сотник – тоже.

Но постепенно хмельное развязало языки, стало все по

плечу, и оба принялись ругательски ругать и дружину, и князя заодно.

– А у князя девок сколько живет, а?! А я зна-аю… – втолковывал тысяцкому его давний приятель-сотник. С Кудряшом Якун был связан с давних лет, тот мог бы стать тысяцким и сам, но не попался вовремя на глаза кому нужно, зато теперь не слишком боялся, что пострадает, когда князя все же выгонят из Новгорода (в чем никто не сомневался).

– Сколько? – зачем-то уточнил Якун, точно сам не видел этих девок.

Кудряш подумал, морща лоб, и сообщил:

– Много!

– Эк сказал, это все знают.

– Во-от… При живой женке баб да девок при себе держать, это как, а?

Кудряш внимательно вглядывался в лицо тысяцкому, словно тот собирался скрыть еще одну девку, о которой сотник не знал. Тот кивнул и сокрушенно помотал головой:

– Кто думал, что Марья Петриловна такое терпеть станет?

Этого действительно не ожидал никто, бойкая, державшая своего первого мужа в руках и сумевшая заставить князя жениться на себе при живой жене-половчанке, Марья Петриловна почему-то терпела все его нынешние выходки.

Выпили еще, закусили хрустящим огурчиком, сотник подхватил тонко напластанный кусок мяса, сунул в рот и, не прожевав, пробурчал:

– Ниче… недолго осталось терпеть. Ноне его и уберут, аспида…

У Якуна даже хмель из головы вылетел, точно и не пил вовсе. На миг замер, а потом постарался сделать вид, что не понял, расхохотался:

– Да кого уберут?

– Князя твово, понял?

– Куда это князя можно убрать? Вот пришлет Всеволод Ольгович из Киева замену. Тогда пожалуйста.

Сотник, почувствовав себя оскорбленным в лучших чувствах (ему не доверяют?!), замотал головой, а потом и вовсе схватил тысяцкого за грудки:

– Ты чево? Сказано, ноне уберут, значит, ноне! Твово князя убрать, тьфу! – чтобы сомнений не оставалось, насколько тьфу, он смачно сплюнул на пол, отпустил одежду тысяцкого и вдруг махнул рукой: – А хрен с ним, убьют и убьют! Не больно жалко, сам виноват!

Тысяцкому стоило большого труда не выскочить из горницы, где сидели, сдержался, налил еще, снова выпили, потом еще, и только когда Кудряш соображал уже совсем плохо, Якун попробовал выяснить что-то подробней:

– А ты будешь убивать князя?

– Я? Без меня справятся.

– Кто?

Пьяный, пьяный, но Кудряш сообразил, что болтает лишнее, помотал головой:

– Того сказать не могу.

– Ну и ладно, – согласился Якун, чувствуя, что дальше расспрашивать опасно. Он сделал вид, что пытается встать, задел ендову с медом и смахнул ее на пол.

– Раззява!

– Погоди, еще принесу, у меня там еще есть…

Оказавшись за порогом, тысяцкий не стал отправлять гонца к князю и делать что-то еще, пока Кудряш не свалится без памяти, ничего нельзя, даже пьяный, он легко сообразит и все испортит. Потому Якун достал из сундучка маленький кошель с каким-то порошком, спешно сыпанул его в небольшую корчажку с заморским вином и вернулся в горницу:

– Вот, принес… Заморское, что князья пьют, только голова от него кружится и язык заплетается. Хочешь попробовать?

– Налей.

Налил. Вкус Кудряшу не понравился, но заявить об этом он не успел, свалился лицом на стол и захрапел на весь терем.

Вот теперь Якун торопился. Если жить князю осталось недолго, то и ему тоже. Тут же в две стороны отправились верные людишки, один понес Святославу кусок бересты с начертанными словами: «Князь, тебя хотят убить, спасайся», второй спешно звал к тысяцкому его брата, Прокопия.

Глухой зимней ночью из Новгорода выбирался обоз – князь Святослав с семьей, дружиной и его тысяцкий тоже

с семьей и братом спешно покидали город. Въезжал князь торжественно, а удирал тайно.

Когда на рассвете убийцы приблизились к княжьему двору, то, увидев раскрытые ворота и брошенные как попало вещи, все поняли. Что было делать, поднимать весь город и гнаться за князем? Решили подождать до утра.

Святослав с обозом сначала двигался очень споро, но потом, когда стало ясно, что догонять их не собираются, замедлил, все же до Смоленска, где уже сидели его двоюродные братья, Давыдовичи, путь неблизкий, а зима в тот год встала неровная, лед в промоинах и полыньях, быстро не поедешь. Так и ползли – впереди князь со своим обозом, позади – Якун и Прокопий со своим. Будь иначе, может, и обошлось бы.

Утром новгородцы убедились, что вместе с князем удрал и его кум тысяцкий Якун, и брат Якуна, Прокопий. Где это видано, чтобы тысяцкий бросал своих ратников и удирал?! Это пахло уже предательством. Снова поорав на вече, решили княжий обоз догнать, тысяцкого вернуть и казнить! Брошенные ополченцы, словно мстя за кровную обиду, хотя особых прегрешений, кроме мздоимства и умеренного воровства (кто этим не грешен?), за Якуном не было замечено, бросились вслед за бывшим тысяцким.

Догнали, братьев отбили и вернули в Новгород.

Вече бушевало так, словно это Якун и Прокопий были виновны во всех прегрешениях не только дружины Святосла-

ва и самого князя, но и всех предыдущих князей. Приговор был жестоким: казнить, утопив в Волхове. Большая прорубь после последней казни двух татей еще не успела замерзнуть. Не подоспей на выручку епископ Нифонт, утопили бы, хотя Прокопий орал, пытаясь вразумить новгородцев:

– Я-то чем пред вами виновен?!

Его урезонили быстро:

– Ты пошто с князем бежал? Должон был в вечевой колокол грянуть, узнав, что побег замышляется.

– Окститесь, братцы, как можно супротив своего же брата? Как я мог?

Народ довольно хохотал:

– Вот вместе с братцем рыб-то и покормите.

Спас епископ, как часто бывало в последние годы, встал между новгородцами, держа большой крест в руках, принялся увещевать:

– Не творите суд неправедный, не лишайте живота, точно татей, не берите грех на душу. А коли виновны, так пусть виру выплатят.

Слова про виру новгородцам понравились. Якун и Прокопий были готовы заплатить большие деньги, но когда горожане стали кричать про виру кто больше, и сумма поднялась для Якуна до 1000, а для Прокопия для 500 гривен серебра, оба так и сели. Все, что за бытность тысяцким собрал, нужно было отдать. Рослый бондарь стоял, уперев руки в бока, и хохотал:

– Что, тысяцкий, серебра жалко? Ну, так прости…

Епископ тихо посоветовал:

– Лучше быть нищим, да живым, а серебро и так возьмут.

Якун вздохнул:

– Согласен на виру.

Брата он и не спрашивал, после того как Прокопий почти отрекся от него, Якуну не хотелось даже смотреть в сторону брата. К стоявшим связанными братьям пробрался сквозь толпу Кудряш, долго презрительно смотрел в лицо бывшему тысяцкому, а потом смачно плюнул тому прямо в бороду:

– У, вражья сила! Меня из-за тебя пороли!

Позже обоих братьев заковали в цепи и отправили подальше «к чуди». Вызволить бедолаг сумел Юрий Суздальский, забрав к себе вместе с женами и детьми. Постепенно Юрия стали воспринимать как защитника всех обиженных Ольговичами и вообще обиженных на Руси. Князю это было на руку.

Кроме того, на вече прокричали, что надо к князю Всеволоду послов отправить, сказать, чтоб заменил Святослава.

Святослава заменили на сына Всеволода, но не успел тот добраться до своего нового удела, как новгородцы, погорланив еще на нескольких вече, снова передумали и отправили в Киев послов во главе с Нифонтом, просить себе уже не Ольговича, а Мстиславича. Правда, упоминать сыновей Юрия Суздальского не рискнули, понимая, что с таким кня-

зем вернутся те, кому пришлось из города бежать, а вернувшись, могут обиды и припомнить…

Пришлось Всеволоду Ольговичу отправлять в Новгород Мстиславичей, благо тех было еще много. Изяславу предлагать строптивый город не рискнул, вдруг да сговорится с Новгородом и пойдет на Киев, а Юрий Суздальский поддержит…

Всеволод взъярился, вернул не успевшее далеко уехать посольство с Нифонтом во главе и посадил всех под замок. В темнице очутились и новгородские купцы, оказавшиеся в Киеве и других южных княжествах. Новгородское посольство сидело под замком в Киеве без малого год.

Новгород остался без князя. Конечно, можно бы обойтись и без него, ополчение у Новгорода такое, что никакая дружина не сравнится, тысяцкий только звался так, а под его началом была не одна тысяча. Но Юрий Суздальский не зря захватил Новый Торг и держал в своих руках всю южную торговлю Новгорода, он знал, что делать…

Князь снова отправился в Новый Торг посмотреть, как там дела. Он уже знал, как влиять на новгородцев, в Торге почти не было ладей, груженных хлебом, все собранное отправлялось в княжьи закрома в ожидании лучших времен. Это означало, что в Новгороде снова перебои с хлебом. Может, поймут, что опасно ссориться сразу со всеми князьями-соседями? Убедившись, что хлеб в строптивый город не

идет, Юрий вернулся в Суздаль, и к нему тут же пришли бежавшие новгородцы.

Приглашая мужей в горницу, князь пытливо вглядывался в лица, неужто станут просить, чтоб разрешил возить хлеб? Понятно, людей жалко, на торжище, слышно, цены взлетели из-за перебоев, но как иначе? Хотят новгородцы жить только по-своему, ни с кем не считаясь, так пусть и кормятся сами.

Но Судила Иванкович и Нежата Твердячич, которых зимой прошлого года принимал уже вместе с семьями, низко поклонившись, речь завели совсем о другом:

– Из Новгорода гонец прибыл. Обратно зовут Судилу Иванковича вон посадником…

Смотрели неуверенно, почти вопросительно, что ответит Юрий Владимирович. Но должен же он понять, что в чужой земле хорошо, тем более пригретыми, а дома все равно лучше. Князь раскатисто захохотал:

– Очухались? А тысяцким к тебе Якуна?

– К чему мне он? – почти обиделся Судило.

– Ну, ну, не серчай, я так… Якуна больше в Новгород и на княжье место не заманишь, чаю. Пойдешь, коли зовут?

Судила глянул прямо, не опуская глаз:

– Пойду.

– Ну и добре.

– Благодарствуй, князь, за заботу и ласку. Пока буду посадником, не допущу, чтобы Новгород против тебя встал или что противное сделал.

Юрий усмехнулся:

– Не зарекайся, не все в твоей воле.

Так и вышло, правда, Судило все же постарался отблагодарить своего спасителя, новгородцы прислали посольство к Юрию, снова зовя того на княжение или прося прислать сына. Андрей ехать категорически отказался, зато согласился попробовать справиться с новгородцами еще раз Ростислав. Прокняжил он недолго, узнав о таком раскладе сил, Всеволод Ольгович захватил и совершенно разорил когда-то подаренный Мономахом Юрию Городец-Остерский – единственную землю Юрия Владимировича близко к Киеву. Разорили и сожгли не только княжий двор, но весь город и округу. Юрий потерял последнее пристанище, теперь у него не было земель в Южной Руси, оставался только брат Андрей в Переяславле.

Кроме того, Всеволод примучил новгородское посольство, все еще сидевшее в темнице Киева, вынудив Нифонта и остальных согласиться на Святополка Мстиславича, племянника Юрия. Судила Иванкович, как и остальные, ничего не смогли сделать, Ростислав, прокняжив всего пару недель, снова вернулся к отцу.

Разговор у них произошел тяжелый, между отцом и сыном впервые почувствовалось отчуждение. Ростислав говорил так, словно это отец виноват, что новгородцы сначала позвали его, а потом тут же прогнали, заменив Святополком.

Юрий фыркнул:

– Кто тебе мешал править, как Мстислав Великий? За того новгородцы были готовы горой стоять и заменить кем-то не позволили.

– А что я мог, если и пробыл только две седмицы?!

Отец хотел напомнить, что в прошлый раз и полутора лет, чтобы завоевать уважение Новгорода, не хватило, но, щадя самолюбие сына, промолчал, только глазами сверкнул. Зато сын никого щадить не стал, запальчиво выкрикнул:

– Ежели бы ты не сидел в своем Залесье, а как Всеволод Ольгович бился за Киевский стол, и новгородцы слушались бы! А ты здесь все растеряешь, станем после меж собой три города делить!

Это было справедливо и несправедливо одновременно. Юрий вздохнул:

– В Залесье меня посадил отец Владимир Мономах, то тебе ведомо. С Всеволодом воевать не мог, потому как он Вячеслава из Киева выгнал, а моя очередь только за Вячеславом, дед твой завещал очередь не нарушать и в зряшные рати не вступать.

– Вот то-то и оно! А Всеволод Ольгович нарушил и на Великом княжении сидит, пока вы с Вячеславом по разным углам! Побеждает тот, кто ничего не боится!

– Сам придумал или сказал кто? – вскинул на сына глаза князь. Он поднялся во весь свой немалый рост, сказал, словно припечатывая каждое слово в столешницу: – Против дедова обычая не пойду. А Всеволоду не перечу, потому как он

старше, его отец старше моего, возражать ему может только Вячеслав. Пока он молчит, и я молчать буду.

Но запал Ростислава еще не закончился, видно, крепко обидели княжича в Новгороде:

– Вот вы и будете сидеть, пока Киев Мстиславичи не захватят или вон вообще Давыдовичи.

Юрий, уже шагнувший к двери, обернулся:

– Племянников впереди себя на Киевский стол не пущу, но со Всеволодом воевать не буду, если сам не нападет. А свою Суздальскую землю никому не отдам.

Потом он долго размышлял над обвинениями сына. Прав ли, что помнит отцовские заветы? Конечно, хорошо иметь спокойную совесть, не рваться к власти впереди тех, кто раньше право имеет, но как же тогда быть с сыновьями? Ростислав верно сказал, сыновей немало, а удел один, как после себя, неужто дробить? Южные княжества вон как раздроблены, скоро совсем крошечными станут, неужто и огромную Суздальскую землю такое ждет?

Не ладятся отношения меж князьями на Руси, потому что не хотят соблюдать лествичное право, к тому же стоит одному прийти к власти в Киеве, тут же норовит под себя уделы перераспределить. А он сам не так бы поступил? Где эта истина, как лучше? Так, как делал отец – терпеть, ждать, увещевать… или как Всеволод – брать силой и, запугав всех, заставить поступать по-своему?

Но при отце Владимире Мономахе и потом при старшем

брате Мстиславе Владимировиче на Руси тишина была, все сидели по своим уделам и никто не воевал. Иногда наползали мысли, что, может, и прав был Мстислав, что завещал Киевский престол своим сыновьям, может, и должна власть переходить к старшему сыну? А как тогда остальные? А если старший такой, как вон Вячеслав? И сам не усидел, и другим впереди себя не позволит.

Юрий Владимирович усмехнулся: из этих других только он и остался, Андрей ни за что вперед не полезет. Трое их – Мономашичей, – они да Вячеслав. И пока Вячеслав жив, по лествице Юрий не имел права на Великое княжение. Всеволод об этом помнил и этим воспользовался.

У Юрия вдруг мелькнуло смутное воспоминание, как однажды о том речь шла в Киеве, Всеволод почему-то дотошно расспрашивал, сможет ли Юрий опередить старшего брата. Юрий тогда твердо сказал, что нет. Сказал и забыл, а Всеволод запомнил и расспрашивал, видно, тоже не зря.

Власть, власть, власть… Или нужно так, как твердит Андрей: расширять свои земли за счет новгородских, все равно они со своими дрязгами и перебором князей сопротивляться сильно не смогут. Тоже не дело, в Новгороде то и дело собственный сын вон сидит…

Но долго размышлять Юрию Владимировичу не пришлось. Из Переяславля пришло горестное известие – скончался любимый брат Юрия, Андрей Владимирович. Прочи-

тав послание, Юрий долго сидел без света в своей горнице… Нет, не о новом переделе уделов думал он, не о Переяславльском княжестве, куда должен бы по праву сесть, а о том, что остался совсем один. Хотя и жили с Андреем всегда врозь, виделись редко, даже писали друг дружке тоже редко, но он всегда знал, что там, в Переяславле, живет человек, который не предаст, встанет на его сторону. Правда, случилось так, что ни он Андрею, ни Андрей ему помочь ни разу не смогли, но даже понимание о возможности такой помощи грело душу.

А теперь он совсем один. Брат Вячеслав терпеть не мог с детства, племянники волками глядят. Князь чувствовал себя плохо как никогда. Смерть Андрея словно развязала руки Ольговичам, теперь они навалятся всей сворой, станут рвать Суздальскую землю кусками, кто какой сможет… Андрей словно был той совестливой чертой, переступить которую нельзя, теперь его нет…

Один

В Киеве собирались князья – рядить уделы меж собой, потому как надо было решить, кто получит Переяславль. Там сесть бы Вячеславу или Юрию. Но Вячеслав, как всегда, оказался безвольным и отдал Переяславль своему племяннику, Изяславу Мстиславичу. Юрия на этот снем позвать просто «забыли». Суздальский князь узнал о том, что удел его единоутробного брата отдан племяннику, а не ему, только из слов верных ему людей. Нашлись те, кто бежал в суздальские земли не только из Новгорода, но и из Переяславля.

Юрий сетовал епископу:

– Ко мне скоро со всей Руси обиженные собираться станут, всех буду выручать, жалеть, а потом они будут возвращаться в свои уделы и поступать противно мне же.

Епископ качал головой:

– Ты, князь, Судилу Иванковича не кори, что он против веча?

– Да не вече там решило, а Всеволод!

– Тем паче, посадник супротив Великого князя – никто.

– Опять не так. За Мстислава вече встало, и Великий князь поперек не пошел.

– Для того надо быть Мстиславом…

– Все потерял, все! Переяславль Изяславу отдали. С чего? Племянник дядю обошел. Так он и на Киевский стол сядет.

– Так его Ольговичи и пустили…

– Ростислав вон корит, что я в драку не ввязываюсь, мол, Всеволод не побоялся ни пересудов, ничего, сел в Киеве, и все тут.

– А я мыслю, Владимир Мономах тебя одобрил бы. Не твоя очередь, значит, не встревай. И что с братьями не воюешь, тоже хорошо.

– А с племянниками что делать?

Епископ вздохнул. Как сказать князю, что у него такие племянники, что с ними воевать не хочешь, а придется. Один Изяслав чего стоит. Отец его, Мстислав, в Киеве сидел, значит, и сын имеет право. И этот сын не будет сомневаться, если возможность получит. Не хотелось епископу такие разговоры вести, что он мог посоветовать? Потому постарался перевести на другое, на нужды монастырские.

Но Изяслав, севший в Переяславле, оказался легок на помине.

Конечно, старший сын Мстислава Великого прекрасно понимал, что сел в Переяславле не по праву, даже если его дядя, Вячеслав, отказался, то должен бы сесть Юрий Суздальский, но уж очень хотелось быть рядом с Киевом, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте.

Он не решился выступать против Всеволода, отсиделся в своем Владимире-Волынском, а потом покорно и даже радостно принял предложенный Переяславль. Но сразу в горо-

де не остался, отправился… в Суздаль.

Перед тем долго говорили с Великим князем Всеволодом Ольговичем. Сошлись на одном: супротив всех остался Юрий Суздальский, но он, в отличие от Олега Гориславича, ни на кого не нападал и половцев себе в помощь не звал, потому просто так нападать на его земли не с чего. И все же пока Юрий в силе, Всеволод спокойно себя чувствовать никак не мог. Да и Изяслав в Переяславле – тоже. Это объединило столь непримиримых родственников, против Юрия Суздальского они готовы были даже объединиться.

Изяслав намекнул, что в случае успеха хотел бы получить гарантии, что Киевский стол после Всеволода будет принадлежать ему, а не брату Всеволода, Игорю. Великий князь обещал, но только в случае, если Изяславу удастся убедить Юрия Суздальского признать нынешнее положение дел. Трудно, но Киев того стоил. Изяслав отправился в дальний путь…

Метель переметала все так, что если бы не речные берега, дорогу поутру не найти. Но княжий совсем небольшой обоз вели привычные к зимней дороге люди. От Киева до Смоленска вообще шли накатанным санником. Задерживаться в Смоленске князь не стал, обещал побыть подольше на обратном пути, невесело пошутив:

– Если жив останусь.

Брат Ростислав Мстиславич с досадой сплюнул, перекре-

стил:

– Что говоришь-то?!

На волоках хоть и не было шумно, но полностью жизнь не замерла. А вот на Вазузе и дальше Волге стало куда тише. Леса стояли по берегам густые, словно стена, дымов почти не видно, Изяслав, а это был он, даже поежился: верно говорят, что Залесский – медвежий угол. Нелюбимый его дядя Юрий Владимирович хозяин именно этого медвежьего угла.

Они с племянником – почти ровесники, Изяслав только чуть моложе, всю жизнь были соперниками, такими и остались. По обычаю Переяславль должен бы перейти к Юрию Суздальскому, если Вячеслав сесть на отчине не захотел, но Вячеслав уступил удел Изяславу, прекрасно понимая, что Юрий будет против. Понимал это и Всеволод, потому не позвал суздальского князя на снем. Он же посоветовал Изяславу:

– Езжай в Суздаль сам. Что может теперь сделать Юрий, если ты уже князь в Переяславле? К тому же объясни ему, что один против всех не попрет, а ныне все против него.

Изяслав поддался на убеждение и решил сам ехать в Суздаль к дяде. Хитрый Всеволод, как только Изяслав выбрался из своего Владимира-Волынского, тут же отдал город своему сыну. Теперь, если Переяславль пришлось бы возвращать, то Изяслав вообще оставался без удела. На это и рассчитывал Всеволод. Получалось, не хочешь сидеть без удела – либо убеждай Юрия согласиться с таким раскладом, либо дерись

с ним.

Всеволод стремился поссорить всех Мстиславичей с Юрием Суздальским, и, кажется, ему это удавалось.

И все же по Волге до самого Ярославля прошли быстро, а там зимник хорошо наезжен, только успевай деревья вдоль дороги примечать. Изяслав крутил головой, пытаясь высмотреть и понять, как живет дядя. Он бывал в этой земле еще тогда, когда она звалась Ростовской, и княжил здесь дед – Владимир Мономах. Однажды дед брал с собой внука, это было также зимой, Изяслав помнил поездку не очень хорошо, но уже понимал, что изменилось многое. Жизнь явно оживилась, появилось много новых деревень и даже небольших городков.

Чтобы не было неожиданностей и не искать князя по всей его земле, к Юрию Суздальскому отправился гонец – предупредить о приезде Изяслава Мстиславича, ныне князя Переяславльского.

Услышав такую весть, Юрий с недоумением вскинул глаза:

– Чего ему от меня надо?

Кузьма, верный советчик княжий, хмыкнул:

– Вестимо, чтобы ты его право на Переяславль признал.

– С чего это вдруг? У них в Киеве уже давно все не по праву и не по-людски делается. Сел без меня, а теперь разрешение спросить решил?

– Да он не сел пока, только назвался.

Юрий вздохнул. Там, за лесами, Русь снова делили и из одного в другой удел пересаживали князей. Если Изяслав Мстиславич сел в Переяславле, значит, свой Владимир-Волынский оставил? На кого? Наверняка Всеволод сына посадил. Вот еще один удел Мономашичи упустили, потому как Переяславль переходит из рук в руки, и если не угодит Изяслав Великому князю, то удела лишится. Может, потому и едет, чтобы поддержкой заручиться? А когда самому Юрию она была нужна, даже смоленский племянник отказался, а уж этот и вовсе против дяди с Ольговичем сговорился.

Но выхода не было, оставалось только принимать Мстиславича у себя.

– Кузьма, а у нас со времен моего отца, князя Владимира Мономаха, никого и не бывало!

Кузьма тоже рассмеялся, зачем-то поскребя затылок, словно это могло помочь вспомнить приезд какого-нибудь князя в Суздаль.

– Дак… и верно, Юрий Владимирович, в Суздале, окромя твоего отца и тебя самого, давненько никого не видели. И не нужны они нам, пусть бы дорогу сюда забыли, спокойней жилось.

– Но-но, ты мне в грязь лицом не ударь, чтоб принял князя, как положено!

– Примем, еще как примем, накормим, напоим, девку доставим, а то и не одну…

– Я не про то, девку успеется, надо нашу землю показать,

чтобы не только суздальский терем увидел и девкины прелести в баньке, но и то, как встала земля за это время, чтобы поняли, что Залесье живет мирно и никому не мешает. Пока его не трогают.

Но немного погодя Кузьма все же сообразил, что за князя нужно встречать, не ударив в грязь лицом. Вспомнил и возмутился:

– Юрий Владимирович, а чего это мы перед ним прелести казать должны?! Он же на нашу землю набегом налезал, хорошо, что на Ждане-горе разбили.

Князь снова рассмеялся:

– Экой ты злопамятный! Не было его на Ждане-горе, он дальше Волока-Ламского не дошел, да ходил-то в первый год. А побили новгородцев во главе с Всеволодом Мстиславичем, его старшим братом.

Кузьма убежденно кивнул:

– За дело побили! Будут знать, как на наши земли соваться без приглашения!

– Ладно, злопамятный ты мой, станешь встречать князя Изяслава с честью?

Кузьма остался непреклонен:

– По мне бы так нет, но коли велишь – встречу.

– Велю, велю. Кто старое помянет, Кузьма, тому глаз вон. Видишь, пришло время, когда не я к князьям стал ездить, а они ко мне. Значит, Залесье – уже не такой медвежий угол.

Изяслав переменам поразился, хотя и стояла снежная зима, было видно, сколько построено и сколько еще не достроено. Всюду слышался стук топоров, Залесье рубило новые и новые избы и терема. Глядя на то, как почти в каждой деревне по пути мужики сидят с топорами на будущих крышах новых изб, князь пытался понять, что это? Не может же быть, чтобы столько новых насельников было в Залесье? Вокруг Суздаля деревни, что твои грибы по осени, куда ни кинешь взгляд, всюду избы и даже церкви стоят.

Изяславу объяснили: может! Насельников в Залесье действительно очень много, кого-то князь в полон привел да землю дал, кто-то сам сбежал от половецких набегов, а кто и из других княжеств пришел, прослышав, что смердам у князя живется легче и порядка больше.

И это он готов был променять на беспокойный Переяславль? – мысленно дивился Изяслав, но потом вспомнил, что не променял ведь, оставил за собой и то, и другое. А дань, что обещал Великому князю платить от Суздальской земли, как только все переменили, выплачивать вовсе перестал. Сколько лет уже Юрий Суздальский ничего Киеву не платит? Получалось чуть не десяток! Конечно, ему есть на что строить…

Сам князь Юрий Владимирович встретил приветливо, вышел на крыльцо, ждал, когда Изяслав передаст поводья лошади, взбежит по ступенькам, но сам не спустился. И вер-

но, слишком много чести, чтобы дядя ради племянника вниз спускался. И хотя они были ровесниками, положение младшего обязывало Изяслава самого подняться.

Ладно, ради Переяславля он готов и поклониться даже…

Сначала беседа шла общая, о киевских новостях, о житье-бытье, о жене и детях…

– А ты так и живешь вдовцом? Жениться-то не собираешься?

Юрий хохотнул:

– На ком? Кто мне свою дочь отдаст? Разве половчанку какую найти, да не хочется, была уже. – И вдруг озорно блеснул глазами: – А я вон, как отец, заморскую невесту себе сыщу, чтоб императорских кровей была!

Сказал и забыл, чтобы через некоторое время вспомнить и действительно жениться на византийской принцессе.

О сыновьях говорил с гордостью, как о своей надежде и опоре, мол, есть кому и княжество оставить, и за другие побороться. Сказал и смотрел, ожидая, что Изяслав ответит. Племянник своих мыслей не выдавал. Сходил в баньку, посидел за столом, много о чем поговорил и что выслушал, только главного, для чего проделал такой длинный путь, все не произносил.

Он ожидал увидеть неуверенного в себе князя-отшельника, ведь Юрий с тех пор, как вынужден был оставить Переяславль и вернуться в свое Залесье, в Киеве не показывался. Но одно дело – не показываться, когда о тебе просто не

вспоминают, как бывало много лет, пока правил Мономах и тем более Мстислав, и совсем другое – теперь, когда в Киев ему и показываться опасно.

Смотрел Изяслав на своего крепкого, рослого, сильного дядю и понимал, что они равны и Юрий никогда не подпустит его впереди себя к великокняжескому престолу. И молчал Изяслав не потому, что не мог решиться начать трудный разговор, он не мог решить для самого себя – стать союзником Юрия Суздальского против Ольговичей или, наоборот, его противником в союзе со Всеволодом Ольговичем?

Юрий то ли понимал его колебания, то ли просто так смотрел с легкой усмешкой, но не торопил.

Потом они ездили на охоту, Кузьма расстарался, выгон получился хороший, поохотились славно, и банька была, и девка в ней… Но озабоченный взгляд не оставлял Изяслава.

Когда возвращались в Суздаль после очередной поездки по округе, с удовольствием вдыхая легкий морозный воздух, любуясь искрящимся снегом, укрывшим деревья огромными белыми шапками, и думать ни о каких делах не хотелось, Юрий вдруг поинтересовался:

– Ты чего приехал-то, про Переяславль спрашивать?

Изяслав напрягся и промычал что-то непонятное. Юрий усмехнулся:

– Переяславль держи под собой, возражать не стану, сам ушел, а вот в Киев не пущу. Вячеславова очередь.

Сказал и смотрел внимательно на племянника. Тот фырк-

нул:

– Вячеслав удрал оттуда и возвращаться не собирается, слаб он.

– Зато я силен!

– Тебя не пустят.

– Кто?

– Ольговичи.

– А Мономашичей со счета сбросил?

Изяслав понял, что союза не получится, дядя не собирается биться за него, как делал это за своих братьев.

– Из Мономашичей только вы с Вячеславом остались.

– А вы, значит, Мстиславичи и Мономашичами себя не признаете?

– Мы Мстиславичи!

– Изяслав, запомни одно: сам на тебя не полезу, Мономах так завещал, я его слова до гроба помнить буду, но и себя в обиду не дам, поперек не вставай, не посмотрю, что племянник. И Залесье не трогайте, Всеволод уже получил по зубам, это же и других ждет, даже если вы все вместе соберетесь. За мной не просто дружина, за мной все они, – Юрий показал на видневшиеся вдали дома какой-то деревеньки, лес за полем, за которым наверняка еще много деревень и городов, в этом Изяслав уже не сомневался. – В Залесье люди лучше живут, чем во многих других местах, и знают, что мне многим обязаны, а потому стоять за себя будут особо крепко. Запомнил?

Изяслав фыркнул:

– Посмотрим!

Глядя вслед пришпорившему коня племяннику, Юрий даже плюнул в сердцах! Всеволоду Ольговичу удалось отделить Мстиславичей от Мономашичей, и это было главной его победой, потому что можно завоевать города и земли, но, объединившись, князья могли отбить все обратно, а вот если меж собой дружбы нет, то и завоевывать не обязательно. Всеволод просто передавит Мстиславичей по одному, даже этого заносчивого и уверенного Изяслава.

Догнал племянника, поинтересовался еще одним:

– Ты с Всеволодом на чем сговорился? Небось, ежели меня уломаешь его Великим князем признать, то он тебя своим наследником назовет?

Изяслав мысленно ахнул от такой Юрьевой прозорливости, но не ответил, только головой дернул непонятно. Уже не радовал ни прекрасный зимний денек, ни яркое солнце, ни голубое небо.

– Пусть будет Великим князем, если Вячеслав усидеть не смог, право Всеволода, он старший из Ольговичей. Только ты зря надеешься, что станешь Великим князем вслед за ним.

– Ты не позволишь? – все же запальчиво выкрикнул Изяслав.

– Нет, Ольговичи не дадут. Мешая мне стать Великим князем, ты отсекаешь всех Мономашичей. Изяслав, запом-

ни: есть Мономашичи и Ольговичи, Мстиславичей Ольговичи по отдельности передавят.

Изяславу надоело слушать поучения дяди, и он спросил в лоб:

– Станешь крест Всеволоду на Великое княжение целовать?

– Нет. Он и без моего целования Великий князь. К чему тебе-то за него стараться?

– Ты не боишься остаться один против всей Руси?

Наконец он выказал настоящую угрозу! Юрий даже коня остановил, пришлось встать и Изяславу.

– Всей Руси? Я никого не задеваю и впереди законных наследников не лезу. Всеволод рад бы со мной заратиться, да только повода нет и силу мою ведает. Я тебе не зря суздальские окрестности показал, ныне почти вся земля такова, не пустынна она, уже богата и деньгами, и людьми. Думал, увидишь главное, но ты ничего не понял. Нет, я не боюсь остаться один, потому как не один, со мной вон они, – князь снова кивнул на деревеньку.

– Скажешь, тебе и до Киева дела нет?

– Есть. Но эту землю никому не отдам, своим сыновьям и внукам оставлю. И несправедливости в Киеве тоже не потерплю, когда смогу – вмешаюсь, будь уверен. А пока я никого не задеваю, чего со мной воевать?

Он заметил, как у Изяслава даже кулаки сжались. Ясно, племянник приехал к дяде за поддержкой, а о том не поду-

мал, что у самого дяди прав куда больше на Киев, чем у племянника. Э-эх… свернет тебе шею Всеволод и не поморщится!

Но все произошло немного не так…

Вечером Изяслав, трезво рассудив, что ссориться с сильным суздальским князем ему не резон, попробовал зайти с другой стороны.

– Ты вот о Мономашичах твердишь как о едином целом, а мы ведь врозь. Кабы объединились Мономашичи с Мстиславичами, так и сподручней против Ольговичей выступать.

Юрий вздохнул:

– Сам все время о том думаю. Да только как объединяться? Ты вон на Киевский стол стремишься, а очередь Вячеслава, потом моя…

Изяслав неожиданно вскочил из кресла, в котором сидел, почти забегал по горнице:

– То-то и оно, что сами с дядей не сидите и меня не пускаете! Одного под зад пнули, сбежал из Киева, точно вор от собак, второй очереди ждет, а Ольговичи тем временем всю Русь под себя взяли! Не моя очередь… Очереди ждешь? Ну, жди! Тогда мне не мешай!

Юрий только головой качал сокрушенно. Но кроме него в горнице были еще два слушателя – сыновья Юрия, Ростислав и Андрей. Смотрели они по-разному, Андрей – с легкой усмешкой, зато Ростислав так впился глазами в Изяслава, и только уважение к отцу заставляло его сидеть на лавке, а не

бегать рядом. И все же не выдержал:

– И верно, отец, надо супротив Ольговичей всем вместе выступить и Киев отобрать у Всеволода! Дед же не в очередь правил. И Мстислав тоже.

– Не в очередь, говоришь? Для того надо быть Мономахом, чтоб самого позвали, или Мстиславом, чтоб одного имени боялись и уважали. А я в Залесье сижу, меня Киев и знать не знает, а Изяслав вон по всей Руси мотается, то там, то тут. Против Всеволода выступать не смогу, он вместо Вячеслава по лествице сел, он меня старше. И против Игоря, его брата, тоже не буду, а вот дальше моя очередь, тогда никого не пропущу. – Он вдруг поднял глаза на Изяслава, и племянник почти содрогнулся от твердости взгляда. – И тебя тоже. А дедину и отчину нарушать нельзя, стоит один раз нарушить, снова Русь кровью захлебнется. Станем меж собой биться, те же половцы снова придут. Киев должен передаваться по праву и безо всяких захватов.

Неожиданно из своего угла откликнулся Андрей, фыркнув:

– Дался вам этот Киев!

– Как это? – не понял его старший брат. – Там Великое княжение. Киевский князь Великий.

– Назови и себя Великим, кто тебе мешает?

Но Изяслава не интересовало то, что скажет сын Юрия, он гнул свое:

– Но и тебе, чтобы на великокняжеском столе усидеть, по-

мощь сородичей будет нужна. Не боишься один остаться?

– Ты уж спрашивал. Не боюсь, у меня вон они есть, – кивнул в сторону сидевших сыновей. – А ежели все по правде делать буду, то кто меня укорить сможет? Кто против встанет?

– Я! Правды ищешь? Так вот, правда в том, что ныне Киев у сильнейшего, а не у старшего!

Суздальский князь остался спокоен:

– Вот я его и возьму, но только когда время придет.

Убедившись, что никакого сговора с дядей не получится, Изяслав только рукой махнул. Разговора и тем более уговора не получилось. Юрий желал все делать по лествице, а значит, сесть на великокняжеский стол после Всеволода и Игоря сам. Но Изяслав слишком хорошо знал Ольговичей, чтобы не понимать, что те будут держаться за Киев зубами, да и сам не собирался уступать дяде это княжение. Лествица… да этот дедов обычай – ровно железная чушка на ногах у утопленника, не дает воли никому!

Долго еще, до самого утра мысленно спорил с Юрием Изяслав, словно не ему, а себе доказывая собственное право сильного взять Киев после Всеволода Ольговича. Сидит себе медведем в Залесье, а руки тянет к Киеву! Земля ему тут нравится…

Изяслав не желал сам себе признаться, что его просто потрясло то, что сделал с Залесьем за прошедшие годы Юрий Владимирович, как встало княжество, как разбогатело. Вор-

чал: вот пусть бы и занимался своим княжеством, чего же в киевские дела мешаться? Утром попробовал снова сказать об этом Юрию, мол, неужто тебе Залесья мало, что на Киев метишь? Князь усмехнулся:

– Да ты к чему все разговоры ведешь? В Переяславле сел, меня не спрашивал, Всеволода Великим князем признал, тоже со мной не советовался. А теперь чего хочешь, чтобы я обещал тебя Великим князем в обход себя сделать?

И тут произошло неожиданное, Изяслав увидел перед собой здоровенный кукиш, скрученный Юрием:

– А вот это видел?! Как моя очередь до Киева дойдет, так и сяду, и никто, слышишь, никто, даже ты, не сможет меня не пустить! А Залесье… вон сыновьям оставлю, они у меня крепкие!

Изяслав, сначала обомлевший, после таких слов метнулся наружу, крикнул своим дружинникам, чтобы спешно собирались:

– Ноги моей здесь больше не будет!

Юрий произнес сквозь зубы:

– А я тебя и не звал…

Уже сев на коня, Изяслав вдруг обернулся к князю Юрию Владимировичу:

– Знаешь, как тебя в Киеве прозвали? Долгоруким! За то, что к южным землям тянешься из своего медвежьего угла.

Мстиславич тронул коня, не дожидаясь ответа, но все же услышал в ответ хохот Юрия:

– А я и южные к своему медвежьему углу присоединю! А тебе, так и быть, деревеньку поглуше выделю.

Изяслав стиснул зубы и изо всех сил врезал коню в бока, словно тот был виноват, что дядя не захотел уступить очередь племяннику и поддержать его против нынешнего Великого князя.

Глядя на облачко снега, взметнувшееся под копытами коней, уносивших Изяслава с его спутниками, Юрий вдруг заинтересованно спросил Андрея:

– Что ты там о Великом княжении говорил?

Андрей, не менее Ростислава похожий на деда Аепу, такой же скуластый, с узкими глазами под нависшими веками, большой верхней губой, чистый степняк, ростом удался в отца – высокий, крупный, был отменным воином, но держался всегда спокойно, вывести его из себя было трудно. Вот и сейчас едва ли не лениво откликнулся:

– Это раньше Великого князя все слушались, а теперь? Давно уж каждый князь – сам себе хозяин, к чему и Великое княжение? А хочется зваться, так назови сам себя Великим.

– Великий оттого, что под ним другие князья есть.

Юрий сказал просто, чтобы что-то сказать, он понимал правоту сына, но принять ее не мог.

– Суздальская земля велика, посади по разным городам сыновей, вот тебе и будут князья, которые под тобой.

– Как тебе такое только в голову пришло? Русь развалить

предлагаешь? Да мы и едины только потому, что под Киевом ходим, а ежели каждый сам себя Великим в своем княжестве назовет, так и станем все врозь.

– А ныне не так?

– Тьфу! – Юрий даже плюнул, повернулся и ушел к себе.

Андрей остался стоять на крыльце, все с той же спокойной усмешкой глядя вдаль.

Изяслав Мстиславич приезжал только ради одного: получить от отца обещание поддержки, когда станет Киев воевать. Отец правильно сделал, что не обещал, ни к чему. Но и самому отцу ни к чему Киев, как он этого не видит? Лучше бы вон, как дядька Шимонович предлагал, объединился с Новгородом, взял бы его под свою защиту, было бы богатейшее княжество, и никакой Южной Руси не надо.

Да и без Новгорода Залесье давным-давно живет своей жизнью, так и дальше нужно. Зачем отцу Киев?

Из задумчивости его вывел старший брат, тоже вышедший на крыльцо.

– Эх, зря отец с Изяславом поссорился! И к Великому князю тоже лучше бы ближе держаться.

– Зачем?

– Удел даст. Князем будешь.

– Бери вон Ростов или вообще Кучково, ставь град и зовись князем.

– Чего?! В этом углу? Нет, туда, на Русь, надо…

– А здесь что?

– Не понимаю я тебя, Андрей. Сидишь в своем Владимире, точно медведь в берлоге, даже Суздаль для тебя не свой. И как может в Киев не тянуть?

– Я родился здесь, здесь вырос, здесь на коня сел.

– Да ведь Переяславль и Киев отчина и дедина.

– А отчина-то с чего?

– Ну, дедина.

– У нас с тобой дедина и степи половецкие, что, их тоже воевать? Нет, Ростислав, по мне так поставить еще грады по Залесью, и лучше ничего не надо, а за Киев пусть глотки друг дружке дерут. А еще лучше – вообще сжечь этот Киев, чтоб раздором не был!

– Тьфу на тебя! Что говоришь-то?

Никто тогда не знал, что Андрей Боголюбский так и сделает, став после отца Великим князем (к чему вовсе не стремился), он действительно разорит Киев и… уйдет в свое Залесье, объявив, что отныне Великий князь живет во Владимире! Но до этого пройдет еще так много лет и случится много событий.

Юрий задумался о другом: Андрея давно пора женить, только на ком? Почему-то вспомнилась дочка казненного им Степана Кучки, хороша девчонка! Боярышня ведь. Вспомнил и о самом Кучкове, давненько там не бывал, с тех самых пор. Кучковский посадник исправно возил дань, сказывал, что дела идут во всем хорошо, хозяйство крепнет.

Решено, надо съездить в Кучково и Андрея с собой взять. Что он там говорил о том, что сыновей надо по градам посадить? Кучково – не град, конечно, но можно ведь и поставить, а место отменное, предки Степана Ивановича не ошиблись в выборе, угол, который образовывала Неглинная, впадая в Москову, для крепостицы лучше некуда.

Сказано – сделано, не успел затихнуть топот копыт удалявшегося князя Изяслава, как Юрий уже отдавал распоряжения готовиться к поездке в Кучково. Андрей подивился:

– С чего ты вдруг собрался?

– И ты поедешь, твоя земля будет. Сбирайся.

Сын только плечами пожал.

В Кучкове действительно был порядок, посадник сумел не растерять достигнутого Степаном Ивановичем. Когда подъезжали, Юрий вдруг поморщился:

– Кучково… назвать бы как иначе. Как реку-то зовут?

– Москова.

– Вот и будет град Москов.

На боярском дворе тоже порядок, гостей, вернее, ныне хозяев, вышла встречать сама Кучковна. Рот старалась не открывать, скрывая дыру вместо зуба.

– А где боярышня и Степановичи?

– Сейчас будут…

Да, говор у Кучковны теперь шепелявый. Испортил такую бабу!

Сама Кучковна осторожно разглядывала Андрея Юрьеви-

ча. Телом высокий, крупный, в отца, а вот обличьем в деда по матери – степняк степняком, точно не русский князь, а половецкий хан. Кучковна никогда не видела половецких ханов, но самих половцев видела.

Первыми пришли младшие боярские сыновья, заметно подросшие за те годы, что князь их не видел. Поприветствовав, встали в сторонке, чуть смущаясь и кося глазами на Андрея. Они были совсем юными, но на подбородках уже начали пробиваться бородки. Князю понравились юные чистые лица, красивые у Кучки сыновья, и глаза умненькие, не то что у некоторых боярских детей, пока что разъяснишь, взопреешь. А не взять ли их к себе?

И тут в хоромы вошла девушка, вмиг показалось, что стало даже светлее. Гости как зачарованные смотрели на боярышню, светлая коса, змеей скользнувшая на грудь при поклоне, нежная чистая кожа с румянцем, темные пушистые ресницы, брови вразлет…

Юрий, хмыкнув, шагнул ближе, попросил:

– Глаза-то подними, не косая небось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.